

9(5)
Л 55

Л. Д. Лубимов

**ЯПОНСКИЙ
ПРОЛЕТАРИАТ
И ВОЙНА В КИТАЕ**

ПРОФИЗДАТ

1940

**АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ МИРОВОГО ХОЗЯЙСТВА И МИРОВОЙ ПОЛИТИКИ**

Ю. ЛИВШИЦ

ЯПОНСКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ И ВОЙНА В КИТАЕ

МОСКВА • ПРОФИЗДАТ • 1940

В книге подробно описывается тяжелое положение японского пролетариата и его борьба против капиталистической эксплуатации, против войны и реакции, за единство рабочего класса.

ВВЕДЕНИЕ

На протяжении почти всего последнего десятилетия империалистическая Япония осуществляет экспансию в Китае. Начав с захвата Манчжурии в 1931 г., Япония продолжала вторгаться вглубь Северного Китая и Внутренней Монголии. На этом этапе войны она встречала недостаточное сопротивление со стороны разрозненного и ослабленного внутренними междоусобицами Китая.

Формально не объявляя войны, реакционная японская военщина предприняла с лета 1937 г. поход против всего остального Китая. Она рассчитывала быстро и безнаказанно подчинить японскому империализму огромные территории Китая, в 3—4 месяца поставить весь Китай на колени и покорить многомиллионный китайский народ. Однако японские империалисты жестоко просчитались. Китайский народ, создав единый национальный анти-японский фронт, встал твёрдо на защиту своей родины и своей многовековой культуры. Благодаря героическому сопротивлению и отпору китайского народа война приняла упорный и затяжной характер.

«В ходе этой борьбы китайский народ покончил с раздирающей страну междоусобицей и выковывает общенациональное единство, чего пуще всего боялись всегда империалисты. Война Китая против японского империализма принимает все больше характер всенародной войны. Несмотря на военно-техническое преимущество Японии, китайский народ оказывает упорное сопротивление врагу, бьет его с тыла, обволакивает его партизанскими отрядами, разрушает японские коммуникационные линии, истощает и подрывает силы врага затяжной войной»¹.

Героический китайский народ готовит решительный контрудар многолетней авантюре японских империали-

¹ Д. Мануильский, Доклад делегации ВКП(б) в ИККИ на XVIII съезде ВКП(б), Госполитиздат, 1939, стр. 19.

листов в Китае. «Конечно, геройская борьба китайского народа и его армии против японских захватчиков, громадный национальный подъем в Китае, колоссальные резервы людей и территории в Китае, наконец, решимость китайского национального правительства довести освободительную борьбу Китая до конца, до полного изгнания захватчиков из пределов Китая,—все это с несомненностью говорит за то, что у японских империалистов нет и не может быть будущего в Китае»¹.

Нынешняя война Японии в Китае по своим размерам — затратам, потерям и разрушительным последствиям в экономике Японии — намного превосходит все прежние войны японских империалистов. Сравнение одних только военных расходов это ясно показывает.

Японо-китайская война 1894—1895 гг. стоила Японии 200 млн. иен, русско-японская война 1904—1905 гг. — 1 700 млн. иен, участие в мировой империалистической войне обошлось ей в 1 500 млн. иен, захват Манчжурии в 1931—1933 гг. потребовал 1 100 млн. иен, а два года нынешней войны — около 12 млрд. иен. Почти 1 млн. убитых и раненых за первые 2 года нынешней войны также далеко превосходит потери японской армии в предыдущие войны.

Военные расходы Японии растут катастрофически.

Английский журнал «Economist» (29. X. 1938) приводит следующие данные:

	1931/32 г.	1936/37 г.	1937/38 г.	1938/39 г.
Резь бюджет (в млн. иен) . . .	1 477	2 272	5 463	8 400
Прол. военных расходов	31	46	73	81

Государственный бюджет Японии на 1939/40 г. составляет 10 110 млн. иен, из них около 7 млрд. иен ассигновано на военные цели².

¹ «История Всесоюзной коммунистической партии (большевиков)», Краткий курс, Госполитиздат, 1938, стр. 318.

² Следует иметь в виду, что помимо прямых ассигнований военным ведомствам — военному и морскому министерствам — на воен-

Огромные и все возрастающие затраты на войну вызвали исключительные экономические, финансовые и другие трудности внутри самой Японии.

24 марта 1938 г. в Японии был принят закон о «всеобщей мобилизации нации». Этот закон является развернутой программой милитаризации Японии. Сущность закона о «всеобщей мобилизации» состоит в подчинении всего хозяйства страны интересам войны и в переложении всех ее тягот на плечи широких народных масс. Он представляет собой детально разработанную систему неограниченного контроля господствующей в Японии военщины над всей жизнью страны.

Японское правительство, являющееся ставленником военщины и финансовой олигархии, подчиняет своему непосредственному контролю всю экономику страны, приспособляя ее для военных целей. Уже теперь в основном вся промышленность подчинена военщине и работает исключительно на войну. Контроль военщины распространяется не только на производство, но и на все сырьевые ресурсы, торговлю и потребление.

Экономика страны приобретает однобокий характер. Развивается только военная промышленность, включающая, кроме военных заводов, все предприятия, в той или иной степени связанные с войной. Они работают полным ходом, с предельной нагрузкой и приносят колоссальные прибыли хозяевам-капиталистам. Только эти заводы правительство снабжает сырьем, которое приходится ввозить, так как его в Японии нехватает. Всемирному увеличению ввоза исключительно стратегического сырья, а также готового вооружения подчинена ныне и вся внешняя торговля Японии.

В противоположность военной промышленности вся так называемая «мирная» или «гражданская» промышленность, не получая сырья, приходит в упадок. Производство на внутренний рынок значительно сократилось, а по многим видам товаров — текстилю, кожевенным и резиновым изделиям, металлоизделиям, нефтепродуктам, химическим продуктам и т. д. — почти прекратилось. По-

ные нужды расходуются значительные суммы и по линии невоенных ведомств (например министерство просвещения — на военное обучение молодежи, на подготовку призывников, на военную пропаганду и т. д.). Это делается для того, чтобы скрыть от японского народа действительный размер расходов на войну.

требление населения строго ограничивается. Из 32 видов сырья совершенно запрещено изготовлять товары первой необходимости (например из хлопка, шерсти, кожи, каучука, всех видов металла, части лесоматериалов, бумаги и др.). Некоторые товары изготовляются из низкосортных суррогатов и заменителей. Текстиль изготовляется с большой примесью искусственного (древесного) волокна, одеяла — из союмы, обувь — из кожи рыб и спрессованных волос, взамен металла — дерево и фарфор, вместо табака — листья соевых бобов. Шкуры собак, кошек и крыс используются для пошивки зимней одежды солдатам.

Война создала чрезвычайно тяжелое положение и в японской деревне. Постоянные мобилизации в армию значительно сократили количество рабочих рук в сельском хозяйстве. Помимо мобилизации на фронт огромное количество рабочих рук поглощает из деревни загруженная доотказу военная промышленность. При этом из деревни в город уходит лучшая рабочая сила. Реквизиция лошадей для армии в значительной мере лишила сельское хозяйство тягловой силы, сократив и без того ничтожное количество конского поголовья в японской деревне. В результате этого значительно уменьшилась посевная площадь.

Японское земледелие непременно требует искусственных минеральных удобрений. Большая часть этих удобрений или сырье для них импортируется (фосфориты и калийные соли). В связи с недостатком валюты ввоз удобрений с начала войны сильно сократился. Кроме того большинство заводов сельскохозяйственных удобрений (например сульфат-аммония) переведено на производство взрывчатых веществ. Вследствие нехватки и сильного вздорожания удобрений происходит сокращение урожая. Сбор риса в 1938 г. был на 3,4 проц. меньше, чем в 1937 г., пшеницы — на 10,2 проц., ячменя — на 8,1 проц., овса — на 14,2 проц. и масличных культур — на 12 проц. Сокращение наблюдается и по огородным культурам: по картофелю (на $\frac{1}{3}$) и др. Нехватка рабочих рук в деревне особенно сильно сказалась на шелководстве, занимающем второе место в японской сельскохозяйственной экономике. Сбор коконов в 1938 г. упал на $\frac{1}{8}$ против 1937 г. Доход от шелководства в связи с сокращением продукции и падением

цен на коконы уменьшился на 75 млн. иен. Общая доходность японского сельского хозяйства снизилась в 1937 г. на 7 проц., а в 1938 г. — на 16 проц. по сравнению с 1936 г.

Бешено растет дороговизна. Власти бессильны в борьбе с ней. Создана специальная «экономическая полиция» для «предотвращения» спекуляции, делаются бесконечные попытки установления «твердых» цен, однако цены на продукты питания и предметы широкого потребления, даже суррогаты, безудержно скачут вверх. «Ни один вид военно-экономического регулирования, — пишет американский журнал «Far Eastern Survey» (№ 15, 1938), — не вызывает большей тревоги властей в Японии, чем контроль над ценами... Многочисленные контрольные мероприятия привели к огромному хаосу, а цены продолжают попрежнему расти».

Колоссальные затраты на войну, огромный сырьевой голод, в особенности на металл, дезорганизация и упадок значительной части промышленности и усилившаяся деградация сельского хозяйства вызвали чрезвычайное напряжение всей экономики. Война все больше ведет к финансовому и экономическому истощению Японии.

Товарищ Сталин в докладе на XVIII съезде партии, говоря о странах, которые перевели свое народное хозяйство на рельсы военной экономики, указывал, что они, истощив в ходе военной горячки свои золотые и сырьевые запасы, должны будут вступить в полосу жесточайшего кризиса.

«Ибо что значит перевести хозяйство страны на рельсы военной экономики? Это значит дать промышленности однобокое, военное направление, всемерно расширить производство необходимых для войны предметов, не связанное с потреблением населения, всемерно сузить производство и особенно выпуск на рынок предметов потребления населения, — следовательно, сократить потребление населения и поставить страну перед экономическим кризисом»¹.

Анализируя положение в Японии, товарищ Сталин отмечал идущий усиленными темпами процесс истощания ее финансовых ресурсов — сокращение видимых золо-

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), Политиздат, 1939, стр. 9.

тых запасов с 273 млн. долларов в 1936 г. до 97 млн. долларов в 1938 г.

Японские господствующие классы стараются переложить непосильное бремя войны целиком на плечи народа. Полукрепостническое ограбление японского крестьянства и полуколониальный уровень эксплуатации японского пролетариата дополняются все новыми огромными тяготами и лишениями, ведущими к дальнейшему снижению их жизненного уровня. Война вызвала разорение и обнищание огромных масс мелкой и значительной части средней буржуазии.

В связи с военными расходами растет налоговое бремя. Налоговое обложение за время войны удвоилось. Кроме того размер облагаемого подоходным налогом минимума снижен с 1 200 до 1 000 иен годового дохода и намечается дальнейшее снижение до 800 иен. Возросшие налоговые тяготы видны из следующих данных душевого обложения¹.

Годы	Прямые налоги	Косвенные налоги	Всего
	(в и е н а х)		
1936/37	7,19	10,50	17,69
1937/38	10,92	11,66	22,58
1938/39	15,27	13,30	28,57

Война привела к дальнейшему усилению политической реакции. Создаются кабинеты один реакционней другого. Жалкие остатки демократизма и парламентаризма задавлены сапогом военщины. Парламент превращен в послушное ее орудие. Опираясь на предательство так называемых «рабочих» лидеров — верхушки социал-демократии и реформистских союзов — и при помощи шовинистической демагогии, рассчитанной на обман всех слоев народа, военщина стремится подчинить своему влиянию широкие народные массы.

В своей внешней политике японские власти проповедуют продолжение войны любой ценой. Падение Хань-

¹ «Economist» 9.IV.1938.

коу осенью 1938 г., на которое возлагались все надежды японских империалистов как на конец войны в Китае, ничего не принесло. От лозунга «короткая и быстрая победа», провозглашенного в начале войны, они перешли к лозунгу «длительная, священная война с Китаем».

Военщина требует «усилить жертвы, которые народ призван принести». Этой последней цели служит стремление к созданию шовинистическо-«патриотического» угара внутри Японии. Идеологическому воздействию на массы с целью их обмана подчинено все. Вся общественная и даже личная жизнь населения также подпала под контроль военщины, что предусмотрено тем же законом «о всеобщей мобилизации» и осуществляется под видом пресловутой всеобщей «мобилизации народного духа». При японском кабинете министров создан специальный комитет по «мобилизации духа». В задачу этого комитета, являющегося по существу министерством пропаганды, входит всемерное проповедывание «хидзэджи» («чрезвычайного времени»), раздувание шовинизма, военизация тыла, а самое главное — мобилизация материальных ресурсов для ведения войны. Последнее непосредственно связано с проводимым ограничением потребления. С этой целью развернута бешеная кампания по «сокращению потребления» и «экономии и сбережению».

Власти призывают к «упрощению всей народной жизни», к экономии во всем. Комитет по «мобилизации духа» предписывает воздерживаться от покупки новых предметов потребления — одежды, обуви, домашнего инвентаря; вместо кожаной и резиновой обуви — носить деревянные гета — колодки или соломенные дзори — туфли. Учащимся — школьникам и студентам — запрещено приобретение формы, ношение кожаной обуви и чулок. Не имеющим гета или дзори разрешено посещать школу босиком. Школьников обучают и заставляют плести дзори самим, вместо того чтобы их покупать. Предписывается воздерживаться от употребления хлопчатобумажных тканей, а также от ношения платья европейского покроя. Рекомендуются употреблять только дешевые сорта текстиля для незатейливого японского костюма — кимоно.

Домохозяйки принуждают экономить в доме на всем — одежде и пище, «вести в каждом доме солдат».

ский образ жизни», сокращать питание количественно и качественно за счет суррогатов (употреблять неочищенный рис, ранее не употреблявшееся китовое мясо и т. д.). Устанавливаются «запретные дни» для отдельных продуктов, для курения табака, для саке (японская рисовая водка) и т. п. На созываемых властями совещаниях с участием женских организаций обсуждаются, по словам газеты «Иомиури», «конкретные мероприятия, каким образом можно добиться, чтобы народ покупал еще меньше товаров».

Не допускаются традиционный сезонный обмен подарками, а также затраты на распространенные в японском быту церемонии, кроме церемонии почитания императора. Ни одна сторона личного быта, а тем более общественной жизни не ускользает от комитета по «мобилизации духа», буквально все регламентировано, «упрощено», а главное—«удешевлено». «Меньше товаров и расходов—больше сбережений»—стало сейчас основным лозунгом, усиленно насаждаемым военщиной.

Достигнутые путем такой «экономии» сбережения должны быть обращены на покупку облигаций военных займов и сертификатов сберегательных касс, чтобы покрыть вызванный войной колоссальный дефицит государственного бюджета.

«Сберегать» обязаны даже школьники из своих расходов на учебные пособия, завтрак, чтобы приобрести специально для них выпущенные мелкие купюры облигаций займа.

Даже японская печать не в состоянии скрыть всей тяжести налогового обложения для населения. Газета «Нити-нити» (7. VII. 1938) писала: «Проводимое в широких размерах движение за 8 млрд. иен накоплений наложит на народ удвоенное бремя. Однако для священных целей государства необходимо до конца употребить на это все силы. Основной задачей в настоящее время является устранение помех в военной экономике». Правящим кругам стоит огромных трудов выжать эти средства у трудящихся. Им не удалось реализовать до конца 1938 г., как это предполагалось, план 8-миллиардного накопления.

Вслед за этими 8 млрд. в 1939 г. были намечены новые 5—6 млрд. Государственный долг по внутренним займам с 10 млрд. к началу войны вырос до 15 млрд.

в 1938 г. и в 1939 бюджетном году должен был превысить 20 млрд. иен — рост на 10 млрд. за два года.

Эти 10 млрд. иен, равно как и увеличившиеся вдвое в связи с войной и достигающие ныне почти 3 млрд. иен налоги, ложатся новым неслыханно тяжелым бременем на рабочий класс и всех трудящихся Японии. И без того исключительно низкая покупательная способность этих классов подрывается еще больше.

Огромные затраты на войну ведут к дальнейшему сокращению мизерных бюджетных ассигнований правительства на просвещение, здравоохранение и другие общенародные нужды. В бюджете префектур, городов и сел эти статьи расхода нещадно сокращаются.

Стремление военщины к созданию шовинистского угара в стране сопровождается усилением политического террора. Самая разнузданная шовинистская агитация, безудержная демагогия и все другие средства обмана масс дополняются свирепейшим преследованием «опасных мыслей». Трудящиеся подвергаются зверской расправе. Народное возмущение сдерживается реакционной военщиной лишь полицейским террором.

Особенно страдают от войны японские рабочие.

Рабочий класс Японии — один из самых угнетенных, бесправных и жестоко эксплуатируемых отрядов мирового пролетариата. Авантюра японских империалистов в Китае во много раз усилила его страдания. Бедственное положение японских рабочих настолько очевидно, что это вынуждена признать даже буржуазия.

«Господствующие классы, — писала буржуазная японская газета «Хоци», — в военной горячке забывают, что позади них стоит шестимиллионный рабочий класс, который переносит все трудности, связанные с милитаризацией экономики»¹.

¹ См. «Правда» от 26 ноября 1938 г.

I. ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕГО КЛАССА В ЯПОНИИ

1. СОСТАВ ЯПОНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

Состав японского пролетариата связан со структурой японской промышленности.

Япония — индустриально-аграрная страна. Она позднее других стран вступила на путь капиталистического развития — со второй половины XIX столетия. Развитие капитализма в Японии проходило не на расчищенной от всех феодальных пут почве, а в условиях компромисса буржуазии с феодальными землевладельцами. Это способствовало сохранению значительных феодальных пережитков и наложило свой отпечаток на все последующее политическое и экономическое развитие страны. В политике это находит свое выражение в господстве буржуазно-помещичьего блока, орудием которого является монархия.

Остатки и пережитки феодализма сильны, в особенности в экономике. Половина всего населения занята в сельском хозяйстве, где господствует помещичье землевладение и где 70 проц. крестьян арендуют у помещиков и кулаков землю на кабальных условиях. Нищая японская деревня служит постоянным и неисчерпаемым источником пополнения фабрик и заводов рабочей силой. Полукрепостническое положение японского крестьянства и его чудовищно низкий жизненный уровень обуславливают, в свою очередь, полуколониальную эксплуатацию японских рабочих.

Японский капитализм, достигнув высшей стадии своего развития — империализма, оплетен и поныне густой сетью докапиталистических отношений. Это сказывается и на структуре японской промышленности. Бок о бок с крупнейшими фабриками и заводами, насчитывающими тысячи и десятки тысяч рабочих, продолжают сохра-

няться в огромном количестве мелкие кустарные и полукустарные предприятия, с несколькими наемными рабочими, подмастерьями и учениками, а также предприятия, носящие характер домашней промышленности, т. е. форму, присущую ранней стадии развития капитализма. Такие мелкие, насчитывающие менее 5 наемных рабочих предприятия японская официальная статистика не учитывает, а поэтому трудно точно определить их количество. По подсчетам японских экономистов на этих предприятиях в 1937 г. было занято 4 174 тыс. чел. (включая мелких предпринимателей и ремесленников), что составило 57 проц. к общему числу занятых во всей промышленности людей¹.

Официальная статистика охватывает лишь предприятия с числом рабочих от 5 и выше. Согласно этим данным, относящимся к 1936 г., мелкие и средние предприятия с числом рабочих от 5 до 50 составляли 92 проц. всех промышленных предприятий и в них было занято свыше 37 проц. промышленных рабочих, причем больше половины (53 проц.) всех фабрик и заводов в Японии составляют мелкие предприятия с числом рабочих от 5 до 9². Мелкое и среднее производства широко распространены преимущественно в отраслях легкой промышленности. Их продукция занимает огромное место в японском экспорте.

Обилие мелких и мельчайших предприятий, однако, не определяет характера всей японской промышленности. Крупные предприятия все же занимают господствующее положение в японской промышленности. Составляя всего 8 проц. всех фабрично-заводских предприятий, крупные предприятия, имеющие свыше 50 рабочих, охватывают около 63 проц. всех фабрично-заводских рабочих и выпускают около 75 проц. всей промышленной продукции.

Мелкие предприятия экономически зависимы от крупных предприятий и концернов, с которыми они связаны прямо или косвенно. Энергия, сырье, кредит, оптовая торговля и т. д. находятся почти целиком в руках последних. Путем снабжения сырьем, предоставления кредита, оказания технической помощи и, наконец, сбыта продук-

¹ «Тоё кэйдай симпо», 15.X.1938.
² «Родо токэй ёран», 1938.

ции концерны заставляют работать на себя мелкие предприятия, притом на кабальных условиях. Зависимость мелкого производства от крупного предприятия носит и более непосредственный характер. Многие мелкие предприятия работают для крупной фабрики или завода, специализируясь на изготовлении одной какой-либо части продукции данной фабрики, и являются как бы одним из ее цехов. Так, в велопромышленности изготовление всех частей велосипеда распределено по 70 мелким предприятиям, а на велозаводе происходит лишь сборка готовой продукции.

Жесточая конкуренция мелких предприятий между собой и конкуренция крупных концернов с мелкими предприятиями пагубно отражается на состоянии последних.

По официальным данным, в 1938 г.¹ общее количество промышленных рабочих в Японии составляло 6 764 тыс. человек. Японская статистика делит их на следующие 4 категории:

	В тыс.	% к общему числу
Фабрично-заводских рабочих	3 855	57,1
Горняков	435	6,4
Транспортных рабочих	545	8,1
Поденных рабочих	1 929	28,4
Итого	6 764	100,0

К ним следует еще причислить более 2,5 млн. рабочих мелких предприятий, не учитываемых японской статистикой², затем — примерно полмиллиона сельскохозяй-

¹ «Monthly Circular», Mitsubishi, август 1939 г. Данные японского департамента труда.

² В 1930 г., по данным переписи, рабочих мелких предприятий насчитывалось 2 345 тыс., что составляло 53 проц. ко всем учитываемым промышленным рабочим (тогда 4 433 тыс.), а в 1932 г. их число достигало 2 912 тыс., или 59 проц. к занятым во всей промышленности и в полтора раза больше, чем фабрично-заводских рабочих. Наконец, в 1937 г. на мелких предприятиях, насчитывающих менее 5 рабочих, было занято 4 174 тыс. человек, включая мелких предпринимателей и ремесленников. Мелкие хозяева и ремесленники составляют приблизительно около 1,5 млн. человек, таким образом число наемных рабочих в мелких предприятиях превышает 2,5 млн. («Far Eastern Survey», № 1, 1937, и «Тоё кэйдай симпо», 1.X. и 15.X. 1938).

ственных рабочих, свыше миллиона рабочих лесных и рыбных промыслов и, наконец, свыше двух миллионов служащих¹. Таким образом численность японского пролетариата превышает 12 млн.

В приведенной выше таблице бросается в глаза огромное количество поденных рабочих. Они составляют немногим меньше одной трети всех промышленных рабочих. Японские предприниматели, чтобы обойти существующее в Японии жесткое фабричное законодательство, которое распространяется только на постоянных рабочих, широко прибегают к найму поденных, сокращая тем самым количество постоянных рабочих у себя на предприятии. Такой рабочий не отличается от постоянного характером выполняемой им работы, но поставлен в значительно худшие условия. Поденного рабочего, поскольку он не подпадает под действие фабричного закона, можно заставлять работать дольше и платить ему меньше. Его можно, наконец, в любую минуту выбросить вон, заменив новой рабочей силой, не платя никакого увольнительного пособия.

За последние годы, и в особенности за время войны, предприниматели, помимо поденных, стали широко прибегать к найму так называемых «временных» рабочих на определенный срок, вытесняя за их счет постоянных, кадровых рабочих. Выгода найма временных рабочих для капиталиста та же, что и от найма поденных рабочих. Временный наем практикуется в отношении квалифицированных рабочих. Эта система найма особенно распространилась в машиностроительной и металлургической, а также в военной промышленности, где условия работы для постоянных рабочих несколько более благоприятны по сравнению с другими отраслями японской промышленности.

«Japan Times» (31. I. 1938) пишет о «тревоге, вызываемой массовым наймом временных рабочих». По приводимым ею официальным данным выборочного обследования, из 26 503 квалифицированных временных рабочих ряда фабрик и заводов в Осака 20 121 приходилось на машиностроительные предприятия. Хозяева последних нанимают временных рабочих под предлогом якобы сохранения вакансий за мобилизованными на фронт

¹ «Родо токэй гэн», 1938.

рабочими или попросту «звиду крайней нужды во временных рабочих». Газета признает, что «в результате массового неиспользования труда временных рабочих и сокращения благодаря этому, числа постоянных квалифицированных рабочих в штате этих предприятий себестоимость продукции значительно понизилась».

В военно-морских арсеналах в Куре, Иокосука и других временные рабочие составляют свыше трети всех занятых в них рабочих (например, в Куре 10 тыс. из 29 тыс., в Иокосука 4,9 тыс. из 14,5 тыс.), на многих крупных предприятиях — более половины и даже $\frac{2}{3}$ всех рабочих. В токийской компании «Газ и электричество» на 3 тыс. всех рабочих приходится 2 тыс. временных.

Временные рабочие — это по существу полубезработные. Широко практикуемая система временного найма, помимо отрицательного влияния на положение самих временных рабочих, вызывает понижение жизненного уровня всех остальных рабочих. Система временного найма ведет кроме того к усилению процесса деквалификации рабочих. Удельный вес квалифицированных рабочих, несмотря на некоторый численный рост их, падает. Квалифицированным рабочим, работающим временно, приходится браться за любую работу. В условиях постоянной и огромной безработицы подрастающая молодежь, не попадая на производство, лишена возможности получить квалификацию. Другая сторона этого процесса состоит в том, что из среды постоянных рабочих выкристаллизовывается так называемая рабочая аристократия. Поставленная в несколько более привилегированное положение и всячески подкармливаемая верхушка рабочего класса является базой социал-реформизма и опорой капитализма.

Система найма рабочих в Японии, в особенности временных, во многом отличается от системы найма в других капиталистических странах. Остатки докапиталистических отношений сказываются и здесь. Большое место в найме рабочей силы занимает подрядчик-старшина — «ояката», особенно в строительной и горной промышленности. Предпринимателю выгоднее иметь дело с одним старшиной, нежели со всеми наемными рабочими. Последние же в силу этого подвергаются двойной эксплуатации: от одной трети до половины их заработка

попадает в карман старшины, через которого им удалось получить работу. К тому же многие старшины предоставляют рабочим жилье. В этом случае рабочим за угол и скудное питание приходится отдавать старшине почти весь свой заработок. Наличие постоянной безработицы способствует сохранению этой системы «ояката».

Структура японского пролетариата характеризуется также значительным процентом в его составе женщин, что видно из следующей таблицы:¹

Категории рабочих	Всего	И з н и х:		Прод. женщин
		мужчин	женщин	
Фабрично-заводские	3 406 969	2 127 094	1 279 875	37,6
Горняки	366 171	311 390	54 781	14,9
Транспортные	549 324	476 949	72 375	13,1
Поденные	2 099 869	1 618 909	480 960	23,3
Итого	6 422 333	4 534 342	1 887 991	29,3

Больше трети всех фабрично-заводских рабочих — женщины. Если же учесть еще и мелкую промышленность, их число возрастает до половины. Женщины заняты по преимуществу в текстильном производстве — одной из крупнейших отраслей японской промышленности, здесь число женщин составляет свыше 80 проц. всех рабочих. За последние годы по мере роста тяжелой индустрии процент занятых в промышленности женщин, при абсолютном росте их численности, падал. В 1931 г. женщины составляли половину фабрично-заводских рабочих, а до этого число работниц даже превышало число рабочих-мужчин. За время войны в результате переключения огромной массы рабочих-мужчин на военное производство и мобилизации на фронт вновь происходит рост женского труда в промышленности. Военные заводы также широко используют труд женщин.

В ряде профессий замещение женщинами мужчин приняло в Японии исключительно широкий характер. Впрочем аналогичное явление наблюдается и в других воюю-

¹ Данные за 1937 г. — «Родо токэй ёран», 1938.

щих капиталистических странах — в Англии, Франции, Германии, где в результате всеобщих мобилизаций обнаружилась нехватка кадров в промышленности и на транспорте. Однако в Японии это происходит в условиях отсутствия всеобщей воинской мобилизации и объясняется прежде всего исключительной дешевизной труда работниц.

За два с половиной года войны количество работниц в тяжелой, в частности машиностроительной, промышленности, как о том свидетельствует вся японская печать, выросло в 2½—3 раза и составляет около 2 млн. человек. В некоторых городах этот рост значительно выше. В префектуре Сайтама, например, число работниц в последние годы, — по словам журнала «Trans-Pacific», — увеличилось более чем в 10 раз, причем свыше половины этих работниц находится на заводах тяжелой промышленности. «Наибольший процент работниц в этой префектуре, — указывает журнал, — составляют девушки от 17 до 20 лет. Рост числа работниц происходит как за счет старших дочерей, так и жен рабочих. Последние, т. е. замужние, составляют 10 проц. всех работниц. До войны работало на заводах ничтожное количество замужних женщин»¹. Этот факт свидетельствует косвенно и о том, что массовому вовлечению женщин и молодежи в производство способствует снижение жизненного уровня японского рабочего. Члены его семьи вынуждены искать работу по найму, гонимые голодом и нуждой, так как нищенского заработка одного главы семьи не хватает для полуголодного существования всех.

Труд женщин начинает широко внедряться даже там, где до сих пор он обычно не применялся вовсе или применялся в ограниченных размерах. Женский труд широко используется ныне на железных дорогах: женщины работают в качестве грузчиков и носильщиков. Горнопромышленники, пользуясь горячей военной поставкой, добились от правительства отмены и без того куцого фабричного законодательства, ограничивающего применение женского и детского труда в шахтах. Эта мера была вызвана не столько недостатком мужской рабочей силы — горняков, которых особенно щедро поставляет деревня, сколько соблазном

¹ «Trans-Pacific», 21.IX.1939.

исключительной дешёвизны труда женщин и малолетних.

Среди японского пролетариата значителен также процент детей. Детский труд, как и женский, особенно широко применяется в Японии. Женский и детский труд исключительно дешёв, и предприниматели во многих случаях предпочитают его труду мужчин. С другой стороны, низкий заработок японского рабочего, не обеспечивающий прожиточного минимума его семье, вынуждает его жену и малолетних детей искать работу. Подростки до 16 лет составляют 10 проц. всех фабрично-заводских рабочих и почти 20 проц. — рабочих текстильной промышленности. Пятая часть текстильщиц — девочки от 12 до 16 лет. Детский труд распространён в огромных размерах в мелких предприятиях, не охватываемых статистикой. В различных отраслях промышленности от одной трети до половины, а в текстильной промышленности — до 80 проц. всех рабочих составляет молодежь от 16 до 24 лет.

В связи с войной вовлечение подростков на производство приняло невиданные размеры. Производится массовая контрактация детей для работы на заводах и в шахтах. В начале 1939 г. был объявлен набор 300 тыс. школьников, преимущественно девочек, для работы в военной и горной промышленности.

В течение 1939—1940 гг. по плану японского правительства в тяжёлую, главным образом военную промышленность, должно быть вовлечено более 1 млн. подростков. Свыше 90 проц. этих детей составят только что окончившие начальную школу.

В Японии до сих пор ещё сохраняется варварская система продажи молодых деревенских девушек на фабрику в город. Специальные фабричные агенты-вербовщики разъезжают по деревням и покупают на определённый срок — на год, два, три — у опутанных долгами крестьян их дочерей. Купленная работница поступает в полное распоряжение фабриканта, и в течение обусловленного срока он вправе её переуступить, перепродать другому фабриканту и т. д. Вымотав непосильным трудом силы этих работниц, предприниматель по истечении срока выбрасывает их вон и заменяет другими.

Чрезвычайно низкая оплата женского и детского тру-

да давит на уровень заработной платы и остальных рабочих.

Распределение фабрично-заводских рабочих по отраслям промышленности в последние годы видно из следующей таблицы¹:

Отрасли промышленности	1931 г.	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.
	в процентах						
Текстильная	51,0	48,0	45,2	42,4	41,6	38,9	35,2
Металлургическая . .	5,7	6,2	7,1	8,1	9,0	9,3	10,6
Машиностроительная	12,1	13,7	15,5	17,7	16,0	18,1	20,5
Химическая	7,1	7,5	8,2	8,5	9,5	10,4	11,0
Керамическая	3,2	3,4	3,6	3,6	3,9	3,9	3,8
Деревообделочная . .	3,2	3,3	3,3	3,4	3,6	3,6	3,6
Полиграфическая . .	3,1	3,0	2,8	2,7	2,7	2,4	2,2
Газ и электричество	0,5	0,5	0,5	0,4	0,4	0,4	0,3
Пищевая	7,6	7,5	7,1	6,5	6,5	6,2	6,3
Прочая	6,5	6,9	6,7	6,7	6,8	6,8	6,4

Эти данные показывают, что удельный вес рабочих в отраслях тяжелой промышленности — металлургической, машиностроительной и химической — с каждым годом возрастал за счет сокращения удельного веса рабочих в текстильной промышленности. Это объясняется прежде всего ростом военных и военизированных отраслей промышленности.

В связи с нынешней войной в Китае все невоенные отрасли значительно сократили, а иные и вовсе прекратили свою деятельность. Развивается лишь военная промышленность, включающая не только военные заводы, но и предприятия, которые непосредственно или косвенно обслуживают нужды войны. Исчерпав всю потребную ей квалифицированную рабочую силу на рынке труда и вобрав в себя некоторую часть рабочих невоенных отраслей, военная промышленность испытывает все же острый недостаток в квалифицированных кадрах. Ей нехватает не только инженеров и особенно среднетехнического персонала, но и просто квалифицированных рабочих-металлистов.

Между отдельными заводами и компаниями ведет-

¹ «Родо токэй ёран» и «Гоё кэйдзай симпо», 1938.

ся острейшая борьба за квалифицированных рабочих. «Военные заводчики, — пишет английская «Daily Worker» (3. X. 1938), — используют все средства и пути для того, чтобы заполучить квалифицированных рабочих. Повсюду, у заводов, в трамваях, на телеграфных столбах, обилие объявлений, призывающих квалифицированных рабочих переходить на военные заводы и увлекать за собой товарищей. Все это привело к такому хаосу, что ряд крупнейших концернов вынужден был подписать между собой «джентльменское соглашение» — не прибегать к подобным методам».

Капиталисты, владельцы военных заводов, потребовали от правительства осуществления широких мероприятий, носящих реакционный характер, для удовлетворения потребности военной промышленности в кадрах. В связи с этим японское правительство спешно ввело в действие ряд статей пресловутого закона о «всеобщей мобилизации нации», дающих правительству неограниченное право распоряжаться всей рабочей силой страны по своему усмотрению. Во-первых, проведена регистрация всех рабочих и взяты на особый учет рабочие, которые могут быть использованы в военной промышленности. По словам газеты «Ямато», общее количество этих рабочих должно составить около 6 млн. человек, или, иначе говоря, почти весь промышленный пролетариат Японии. Их работа в военной промышленности рассматривается как мобилизация, предполагающая введение военной дисциплины на заводах.

«Введенный ныне закон, — пишет японский журнал «Мёнити» (№ 12, 1938 г.), — предоставляет неограниченные права в установлении порядка найма, увольнения, использования и оплаты рабочих». Это не что иное, как принудительный труд, осуществляемый в широких размерах. Он именуется «трудовым служением государству». Этот принудительный труд японская военщина стремится распространить на все отрасли экономики и узаконить его навсегда.

Газета «Майнити» (19. VII. 1938) писала: «Надо решительно ввести закон, по которому трудовое служение по всей стране должно проводиться в принудительном порядке. Возможно, что народ встретит это и неохотно, но в конечном счете он смирится. Это не является мероприятием против безработицы, а есть метод

государственного воспитания народа... В военное время эту систему прежде всего следует применять на военных заводах».

Статьями этого закона предусматривается также установление минимума и максимума заработной платы для всех рабочих, преследование конкуренции в найме квалифицированных рабочих, пресечение трудовых конфликтов на предприятиях и запрещение забастовок рабочих.

Вводится строжайший правительственный контроль над распределением и использованием оканчивающих технические учебные заведения по специальностям, требуемым в военной промышленности. В целях ускоренной подготовки технических кадров сокращаются сроки обучения студентов. Использование их в отраслях невоенной промышленности запрещено законом.

Японская газета «Japan Times» (18. IX. 1938) пишет: «Еще совсем недавно окончившим университеты и технические учебные заведения с огромным трудом удавалось получить работу. Ее приходилось искать годами. Однако положение внезапно изменилось. Спрос на оканчивающих технические учебные заведения настолько огромен, что промышленные компании осаждают учебные заведения заявками на выпускников следующего года».

Одновременно организуется переподготовка квалифицированных рабочих, переключенных ныне на военное производство.

Но все эти меры не покрывают возросшего спроса на квалифицированную рабочую силу. «Пока еще слишком рано говорить об успехах правительственных мероприятий в преодолении этих трудностей»,—пишет «Monthly Circular», орган крупнейшего в Японии концерна Мицубиси, в августе 1939 г.— почти полтора года спустя после принятия указанных законов.

Потребность в неквалифицированной, чернорабочей силе также возросла ныне в военной промышленности, но она пока что покрывается, причем в значительном количестве за счет женщин и молодежи. Вообще в настоящее время на военных заводах, как правило, пожилые чернорабочие заменяются 18—19-летними—молодой, а главное дешевой рабочей силой, поставляемой нищей деревней.

2. УСИЛЕНИЕ ЭКСПЛОАТАЦИИ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Усиленная подготовка Японии к войне в течение последних лет способствовала ускорению темпов производства, в особенности в таких связанных с военной промышленностью отраслях, как металлургия, машино- и станкостроение и химия. По темпам производства Япония далеко опередила остальные империалистические страны. Это видно из следующей таблицы.

Объем промышленной продукции в процентах к 1929 г.¹
(1929 = 100)

Страны	1932 г.	1933 г.	1934 г.	1935 г.	1936 г.	1937 г.	1938 г.
Япония	97,8	113,2	128,2	141,8	151,1	170,8	173,0
Англия	83,5	88,2	98,8	105,6	115,8	123,2	115,5
Германия	53,3	60,7	79,8	91,0	106,3	117,2	126,2
Италия	66,9	73,7	80,0	93,8	87,5	99,6	98,5
США	53,8	63,9	66,2	75,6	88,2	92,4	72,3
Франция	72,2	80,7	75,2	73,1	78,3	81,9	76,1

В то время как ряд капиталистических стран даже не достиг предкризисного уровня 1929 г., а другие едва перекрыли его, производство в Японии возросло на 73 проц. по сравнению с 1929 г. Такой рост оказался возможным не столько благодаря расширению производства и увеличению количества рабочих, сколько за счет неимоверно возросшей эксплуатации, усиления потогонной системы.

Обычная для Японии полуколониальная эксплуатация рабочих неизмеримо усилилась за время войны. Она выражается прежде всего в удлинении рабочего дня. 14—16-часовой рабочий день японского рабочего стал во время войны не исключением, а правилом. Во многих случаях он достигает даже 18 часов в сутки. Увеличение продолжительности рабочего дня идет кроме того по линии принудительной сверхурочной работы. В связи с бешеной гонкой военного производства рабочих принуждают часто работать целые сутки подряд. После ничтожно короткого отдыха эта круглосуточная работа

¹ „Monthly Bulletin of Statistics“, League of Nations, No. 9, 1939.

возобновляется опять¹. Предприниматели предпочитают сверхурочную работу найму новых рабочих — это обходится дешевле. Рабочие, находясь под постоянной угрозой лишиться работы и понуждаемые бешено возросшей дороговизной, работают до полного изнеможения. «Отказаться от такой работы — значит быть обреченными на голодную смерть», — заявляют рабочие.

Лидеры реформистских профсоюзов не защищают рабочих от подобного произвола предпринимателей. «Опекать» рабочих, по японским законам, призвана полиция через свои специальные фабричные отделы. Понятно, чего стоит такая «опека».

Даже японская буржуазия вынуждена признать физическое истощение рабочих в результате непосильного труда.

Уступая массовым и решительным требованиям рабочих о законодательном ограничении рабочего дня, под давлением не прекращающихся даже во время войны забастовок на этой почве японское правительство вынуждено было в самое последнее время принять соответствующий закон. Этот закон, введенный в действие с 1 мая 1939 г. и распространяющийся только на предприятия, насчитывающие свыше 10 рабочих, впервые в истории Японии предусматривает установление 12-часового рабочего дня для мужчин старше 16 лет² и предоставление рабочим «по крайней мере двух выходных дней в месяц»³. Однако содержащаяся в законе оговорка о том, что «с разрешения местного губернатора рабочий день может быть продлен до 14 часов», сводит по существу на-нет этот ублюдочный закон. Про-

¹ Подобные факты приводит и японская печать. По словам журнала «Кайдзо» (№ 12, 1938 г.), «работа на заводах производится, как правило, свыше 12 часов, а в особо экстренных случаях — полные сутки и еще 12 часов, т. е. 36 часов бесценно. Поскольку сейчас период чрезвычайного времени, пределом должна являться только потенциальная возможность человеческой энергии».

² До этого японское фабричное законодательство вообще не ограничивало продолжительности рабочего дня мужчин.

³ Далеко не все рабочие в Японии пользуются 1—2 выходными днями в месяц. Только для женщин и подростков были предусмотрены часовой перерыв во время работы и предоставление 2 выходных дней в месяц. Большая часть рабочих, в особенности мелких предприятий, не пользуется выходными днями вовсе, за исключением нескольких дней в году во время новогодних праздников.

должительность рабочего дня на японских предприятиях, не говоря уже о тех, которые вообще не подпадают под действие этого закона (он охватывает лишь около 1700 фабрик и заводов с 800 тыс. рабочих), остается почти прежней.

Казарменная дисциплина, шпионаж, всевозможные репрессии, штрафы преследуют рабочих на каждом шагу. О драконовских правилах внутреннего распорядка в военных арсеналах японская печать отзывается как о средстве, «рассчитанном на искоренение либерализма и материализма среди рабочих и на укрепление дисциплины среди них».

Неслыханно зверской эксплуатации подвергаются женщины-работницы и подростки. 11-часовой рабочий день для женщин и подростков до 16 лет был узаконен раньше. Но и это ограничение почти нигде не соблюдается. Сама японская печать многократно приводит факты о том, что даже дети работают 13 и 14 часов вместо установленных для них 11. Журнал «Мёнити» (№ 12, 1938 г.) — орган реформистского профобъединения Содомэй, комментируя статью VI закона о «всеобщей мобилизации нации», предусматривающую правительство регулирование рабочей силы в военное время, пишет: «поскольку необходимо ныне расширить производственную мощность, можно охраняемых фабричным законом рабочих, т. е. женщин и подростков, заставлять работать свыше установленных часов, либо сократить им часы отдыха и выходные дни».

В Осака, сообщила в июле 1938 г. газета «Асахи», «фактически удлиняют рабочий день рабочих до 16 часов. Хозяева предприятий в принудительном порядке заставляют их работать с 5 часов утра до 9 часов вечера». На целом ряде текстильных фабрик в префектуре Аидзи женщины, главным образом подростки, работают с 7 часов утра до 2 часов 55 минут ночи, т. е. в продолжение 19 часов 55 минут. Существовавшее раньше кое-где ограничение женского труда в ночных сменах ныне фактически упразднено.

Принуждение и самый разнузданный произвол по отношению к рабочей молодежи выступают совершенно открыто. Вот несколько фактов, приведенных японской печатью: «На железодельательном заводе Осита в Кобэ 17-летних рабочих принуждали работать дополнительно».

3 часа ежедневно и кроме того пять-шесть раз в месяц — до полуночи за плату в 1 сэну 5 рин (около 2 копеек) в час. Это продолжалось с марта по сентябрь 1938 г. и окончательно разрушило здоровье молодых рабочих»¹. «Подрядчик в Огоци с целью максимального удешевления производимых им земляных работ набирал исключительно молодежь, которую он удерживал и заставлял работать силой»². «В Хамамацу (префектура Сидзуока) 3 работницы в возрасте 17—18 лет были проданы на фабрику за 100 иен на один год. Они выполняли черную работу. Срок окончился в конце 1937 г., но хозяин их не отпускал под предлогом якобы оставшегося старого долга и заставлял попрежнему работать по 17 часов. Таких хозяев в Хамамацу очень много»³.

Положение проданных на фабрику девушек ужасно. Они содержатся в условиях, ничем не отличающихся от тюремных. Строгая военно-казарменная дисциплина царит во всем. Иностраный журналист, посетивший одну из крупнейших текстильных фабрик в Осака, описывает выход на работу текстильщиц: «Утро. Часы показывают без пяти минут пять. Удары гонга разносятся по общезжитию. Слова команды... и армия девушек шеренгами марширует по двору. Из-под белых чепцов выглядывают серьезные, невыразительные лица. Все они одеты в однообразную форму. Тысяча девушек от 13 до 24 лет продолжает маршировать, пока, наконец, первые ряды вступают в фабричные помещения и по команде расходятся по своим станкам. Без всякого завтрака они начинают работать. Это походит на марш по тюремному двору...

Половина восьмого. Фабричный двор заполняется вновь. Снова марширующие колонны, идущие теперь в двух направлениях: первая смена торопливо выходит из здания фабрики и вторая смена — из спальных помещений. Обе армии марширующих девушек встречаются в столовой, где их ждет уже расставленный по столам овощной суп. Общая молитва — и затем завтрак, который продолжается десять минут. После завтрака возвращаются к станкам»⁴.

¹ «Japan Weekly Chronicle», 22.IX.1938.

² Там же, 13.X.1938.

³ «Сякай ундо цусин», 7.III.1938.

⁴ *Edgar Lajtha*, Japan Gestern, Heute, Morgen, Berlin 1936, SS. 148—149.

Измученные изнурительным трудом в течение непомерно длинного рабочего дня, девушки остальное время содержатся в общежитии при фабрике под замком и бдительной охраной надсмотрщиц. Фабричные надсмотрщицы следят за каждым их шагом. Покидать общежитие девушки не смеют. Иногда лишь «по праздникам», не чаще одного-двух раз в месяц, устраивается коллективная прогулка, опять-таки под неусыпным оком надсмотрщиц: оставлять таких девушек одних нельзя, они могут не вернуться на фабрику. Нередко некоторые, чтобы никогда больше не возвращаться на ненавистную фабрику-каторгу, кончают жизнь самоубийством.

Если подобный произвол царит на крупных фабриках, на которые в какой-то мере распространяется куцое фабричное законодательство, нетрудно себе представить положение рабочих на мелких предприятиях, не подпадающих вовсе под эти «законы».

Рабочие этих предприятий, главную массу которых составляет молодежь, — недавние выходцы из деревни. Их классовое сознание затемнено патриархальными пережитками, которые столь живучи в японской деревне. Это позволяет предпринимателю нещадно и сверх всякой меры эксплуатировать рабочих, беспредельно удлинять рабочий день, интенсифицировать труд и платить им гроши. «Условия их труда, — пишет американский исследователь Японии М. С. Фарлей, — значительно хуже, чем на крупных предприятиях, и это признается всеми. Заработная плата ниже общенационального среднего уровня и продолжительность рабочего дня большая. Рабочий день свыше 16 часов при почтучей оплате, так же как и постоянные сверхурочные работы, являются обычными»¹.

В японском журнале «Нихон Хёрон» (май 1937-г.) приведено следующее признание короля японской бумажной промышленности Фудзивара: «В Японии на мелких и средних предприятиях, где работает главным образом молодежь, заработная плата низка и рабочий день не нормирован. Благодаря чрезмерному труду, мизерной оплате и удлинённому рабочему дню себестоимость продукции низка». Свои признания Фудзивара заканчивает тем, что ратует за сохранение существующих условий,

¹ «Far Eastern Survey», № 1, 1937.

в которые поставлены рабочие мелких предприятий, так как, заявляет он, «условия жизни в японской деревне еще гораздо хуже, чем у них».

Лихорадочная деятельность предприятий, работающих на войну, сопровождается необычайным усилением интенсивности труда. Это видно из увеличения выработки рабочих. В то время как число занятых рабочих с 1931 по 1938 г. включительно выросло только на 70 проц. и их номинальная заработная плата упала почти на 7 проц., промышленная продукция за этот же период увеличилась на 90 проц.¹ По данным японского журнала «Экономист» (21. V. 1939), выработка на одного рабочего на предприятиях концерна Мицубиси с 1931 г. по 1937 г. возросла в среднем на 14,5 проц.

Усиление потогонного труда еще более наглядно проявляется в отдельных отраслях промышленности, например текстильной, работающей главным образом на экспорт и являющейся одним из источников финансирования войны (обеспечение валюты для военного импорта). Приведенная ниже таблица² показывает, что, в то время как число работниц, обслуживающих определенное количество станков, сократилось за последние годы на 15—30 проц., выработка продукции на каждую работницу увеличилась: у прядильщиц — на 20 проц. и у ткачих — на 12 проц.

Число работниц	1929 г.		Месячная продукция (на 1 работницу)	1937 г.	
	1929 г.	1937 г.		1929 г.	1937 г.
На 10 тыс. веретен	219	169	Хлопчатобумажной пряди (в кипах) ³ .	1,85	2,22
На 100 ткацких станков	50	43	Тканей (в тыс. ярдов) ⁴	3,80	4,20

Усиление интенсивности труда подтверждается и другими косвенными показателями: ростом потребления сырья на производстве и одновременно сокращением об-

¹ По данным статистического бюллетеня Лиги наций («Monthly Bulletin of Statistics», League of Nations) за 1939 г.

² Ежегодник «Дайямондо кэйдзай токэй нэнкан» за 1937 г.

³ 1 кипа = 180 кг.

⁴ 1 ярд = 0,9 м.

щего количества рабочих часов, резким снижением себестоимости продукции при увеличении числа рабочих и т. д.

Неудивительно, что подобная интенсификация труда обусловила, в свою очередь, огромный рост несчастных случаев на производстве. В 1937 г. зарегистрировано 12,8 тыс. несчастных случаев — рост на 150 проц. против 1936 г. — преимущественно с тяжелыми ранениями и смертельным исходом. Это по данным официальной, полицейской статистики, охватывающей не все предприятия и не все случаи. На самом деле их было неизмеримо больше. По другим данным, приводимым различными японскими газетами, число жертв на производстве достигало в 1936 г. 180 тыс., а в 1937 г. — 348,7 тыс., т. е. почти вдвое. В 1938 г. число увечий на отдельных предприятиях военной промышленности (концерна Мицубиси) увеличилось в семь раз. В Осакском районе в 1938 г. только на крупных заводах и фабриках погибли и получили тяжелые увечья 21 100 человек, что превышает число несчастных случаев по этому району за 1933 и 1934 гг., вместе взятые. По данным полицейского обследования, количество несчастных случаев в 1938 г. возросло до 14 тыс., и за первые 4 месяца 1939 г. было уже зарегистрировано 5 тыс. случаев.

По признанию газеты «Цюгай сэгэ» (2. III. 1938) — органа японских промышленников — причинами роста увечий являются: «крайне тяжелые условия труда, увеличение количества малоквалифицированных рабочих на заводах и отсутствие организации мер безопасности на производстве. Особенно многочисленны случаи увечий на тех предприятиях, где значителен процент занятых на производстве детей». Большую часть неквалифицированных рабочих составляют женщины и молодежь, и именно на них приходится 60 проц. всех несчастных случаев.

Особенно многочисленны несчастные случаи в горной промышленности, в каменноугольных и рудных шахтах. В результате гонки добычи для удовлетворения военной промышленности сырьем и топливом и почти полного отсутствия самых элементарных мер безопасности труда взрывы и завалы в шахтах участились. Горняки десятками и сотнями гибнут, заживо погребенные в шахтах. Например, в конце 1938 г. несколько сот гор-

няков пострадало во время взрыва в угольной шахте Юбари на о. Хоккайдо. Из шахты были извлечены лишь 149 человек в тяжелом состоянии и 159 — мертвыми. Многих вовсе не удалось найти.

Рост жертв на производстве принял настолько огромные размеры, что даже буржуазная печать заговорила об этом. «Ввиду вызванной войной необходимости ускорения производства, — пишет «Japan Times» (12. XII. 1937), — многие работают чрезмерно и с огромной спешкой, вследствие чего участились катастрофы и увечья». Журнал «Japan Weekly Chronicle» (20. X. 1938) указывает, что «власти с тревогой отмечают стремительный рост жертв на производстве».

Японские капиталистов, однако, все это мало беспокоит, поскольку они фактически остаются безнаказанными. В крайнем случае они отделываются незначительным штрафом или единовременным мизерным пособием, что обходится дешевле затрат на организацию мер безопасности на производстве.

Власти же ограничиваются проведением ежегодных филантропических «недель фабричной безопасности», в течение которых организуются поминальные богослужения в храмах «за тех, кто пожертвовал своей жизнью на производстве».

О варварском отношении предпринимателей к здоровью рабочих говорит в частности и такой факт. С начала войны произошло ускоренное строительство большого числа предприятий, связанных с обслуживанием войны. Только за один первый год войны было построено около 2,5 тыс. по преимуществу средних предприятий. В целях обхода правил, действующих в пределах городской черты и предусматривающих соблюдение некоторых санитарно-гигиенических мер, предприниматели строят новые предприятия преимущественно за городской чертой. Газета «Кахоку» (18. XII. 1938) признает, что «с точки зрения санитарии и охраны здоровья все эти предприятия весьма неблагоприятны».

Несколько слов о существующем в Японии так называемом «фабричном законодательстве». Введенное сравнительно недавно, оно охватывает лишь предприятия, оборудованные механическим двигателем и насчитывающие свыше 10 постоянных рабочих. Таким образом это законодательство не охватывает огромного числа япон-

ских рабочих, которые заняты в мелкой и мельчайшей промышленности. Оно не распространяется также и на массу временных и поденных рабочих. Наличие большого количества оговорок, исключений и изъятий, позволяющих предпринимателям обходить его, сводит по существу формальное законодательство на-нет и для остальных рабочих.

Как уже указывалось, фабричное законодательство предусматривает ограничение рабочего дня женщин и детей 11 часами. «Но в зависимости от характера и условий производства, — гласит оговорка, — местные власти вправе разрешить удлинить их рабочий день на 2 часа». Закон устанавливает минимальный возраст для работающих на производстве детей — 14 лет. Однако, «при условии легкости труда» допускается наем детей и ниже этого возраста. Закон предусматривает запрещенные работы женщин и детей в ночных сменах — между 10 часами вечера и 5 часами утра, но тут же указывает, что это «не применяется в случаях, когда ночная работа и непрерывный (сменный) труд необходимы по условиям производства». Такие оговорки и изъятия фактически сводят на-нет значение основных статей закона. Так обстоит и со всеми остальными статьями и параграфами фабричного законодательства.

Введенное в 1933 г. ограничение женского и детского труда в шахтах отменено вовсе в 1937 г. по настоянию горнопромышленников.

Японское правительство отказалось ратифицировать Женевское международное соглашение о введении 42-часовой рабочей недели. На конференции Международного бюро труда при Лиге наций в июне 1937 г. представители японского правительства и промышленников не только не соглашались на введение в Японии хотя бы 48-часовой рабочей недели, но и протестовали против установленной тогда 40-часовой недели во Франции. Предложение Международного бюро труда всем странам о повышении минимального возраста для рабочих подростков до 15 лет также было ими отклонено.

В Японии не существует государственного социального страхования для рабочих и их семей, равно как и для других трудящихся. Закон о страховании здоровья рабочих на производстве (больничные кассы), введенный в 1926 г., не обеспечивает помощи рабочим при за-

Болевании. Он предусматривает создание страхового фонда из равных отчислений рабочих и предпринимателей и мизерной, 10-процентной государственной субсидии. Вместо помощи этот закон ложится дополнительным бременем на рабочих. Страховым фондом распоряжаются не сами рабочие, а предприниматели. Лечение же и медикаменты стоят дорого и недоступны рабочей семье.

Закон о компенсации за увечья на производстве распространяется лишь на половину промышленных рабочих. Но и этот закон капиталисты легко обходят. Чаще всего предприниматель избегает уплаты и компенсации за увечье, поскольку ему удастся «доказать», что последнее произошло по вине самого рабочего.

В 1937 г. под давлением рабочих был принят закон о выходных пособиях. Этот закон распространяется лишь на предприятия с числом рабочих выше 50 (т. е. на 5300 фабрик и заводов, на которых занято 1700 тыс. рабочих) и содержит указание о том, что выходные пособия выплачиваются только «в нормальные времена». Однако и здесь расплачиваться должны сами рабочие. Фонд выходных пособий составляется согласно закону из 2 проц. отчислений из заработной платы рабочих и равного этой сумме вклада предпринимателя. Лишь в «годы процветания» предприниматели «приглашаются» внести в этот фонд дополнительную ничтожную сумму. Таков этот крохоборческий закон, позволяющий к тому же благодаря оговоркам легко обходить его.

3. ПАДЕНИЕ ЗАРАБОТНОЙ ПЛАТЫ

Сколько же зарабатывает японский рабочий своим поистине каторжным трудом? Раньше, чем ответить на этот вопрос, рассмотрим, из чего складывается его заработная плата и что оказывает влияние на ее размер.

На заработную плату японского рабочего давит прежде всего нищдая деревня. Полуфеодалная эксплуатация японского крестьянства, его колониально низкий жизненный уровень обуславливают и низкий уровень жизни рабочих в городе. Деревня поставляет ежегодно опромное количество новых дешевых рабочих рук, готовых работать за полцены, за голодную заработную плату.

Узость внутреннего рынка, обусловленная низким потреблением и недопотреблением широких трудящихся

масс, толкает японских империалистов на расширение внешней торговой экспансии. Их ожесточенная конкурентная борьба во внешней торговле, на мировых рынках, в свою очередь оказывает сильное влияние на заработную плату японского рабочего. Демпинг, т. е. продажа по бросовым ценам, составляет основу японской внешней торговли. А это возможно только в силу рабского труда и чудовищно низкого жизненного уровня японских рабочих. Высокими ценами на внутреннем рынке японские монополии с лихвой покрывают убытки от демпинга.

Это наряду со многими другими причинами — большая постоянная безработица, система временного найма через подрядчика, отнимающего у рабочего часть его заработка, значительный процент в составе промышленных рабочих женщин и детей, крайне низко оплачиваемых, очень слабая организованность пролетариата, слабость профсоюзов и др. — отрицательно влияет на уровень заработной платы японских рабочих. Этот уровень является одним из самых низких во всем капиталистическом мире.

Японский рабочий, работающий не хуже американского и европейского, получает во много раз меньше их тоже недостаточной заработной платы. Почасовая оплата индустриального японского рабочего в восемь-девять раз меньше заработной платы американского рабочего и в шесть-семь раз меньше английского и французского. Металлист в США получает 83 цента в час, тогда как японский металлист — только 9,5 цента. Труд японской текстильщицы оплачивается в двенадцать раз меньше, чем в США, и в семь раз меньше, чем труд текстильщицы во Франции или Англии¹. Такая заработная плата существует только в колониях.

Чудовищно низкая заработная плата японского рабочего имеет международное значение. Низкие цены японских экспортных товаров в результате ожесточенной конкуренции империалистических хищников между собой оказывают сильнейшее влияние на уровень заработной платы рабочих других стран².

¹ «Нихон кэйдай шенпо», 1934 г. «Steel Facts», № 33, май 1939.

² Заработная плата в Японии составляет 8 проц. к стоимости продукции, а в США — 17 проц.

В Японии одинаковый труд оплачивается неодинаково. За выполняемую одну и ту же работу и при одной и той же квалификации различно получают постоянные рабочие и временные, мужчины и женщины, семейные и холостые. Заработная плата временного и поденного рабочего почти наполовину ниже заработной платы постоянного, женщина получает одну треть того, что получает мужчина, а подростки и того меньше. В среднем дневной заработок японского рабочего составляет 2 иены, работницы — 70 сэн, подростка — 25 сэн¹. Следующая таблица показывает заработную плату некоторых разрядов постоянных рабочих в 1936 г. в Токио, где она значительно выше, чем в других местах (в иенах)²:

Металлисты

Токарь по металлу	4,65
Литейщик	4,13
Рабочий по отделке	3,83

Строительные рабочие

Каменщик (укладка кирпича)	2,67
Штукатур	2,43
Плотник	1,95

Транспортники

Транспортный рабочий (в среднем)	2,03
Железнодорожник	1,45
Матрос	2,88

Другие категории рабочих мужчин

Типографский наборщик	3,00
Мукомол на мельнице	2,30
Поденщик	1,44

Текстильщицы

Прядильщица	0,87
Ткачиха	0,69

Средняя дневная заработная плата шахтеров составляла в 1933 г. 1,02 иены. Сельскохозяйственный рабочий, сезонник, получал в 1934 г. вместе со скудным

¹ Иена — 1 р. 24 к., сэна — 0,01 иены.

² «Far Eastern Survey», No. 15, 1936. «Japan Times», 30. III. 1937.

столом 79 сэн в день. Постоянный батрак — 120 иен в год.

Далеко не всю сумму своего заработка японский рабочий получает деньгами и сразу. Натуральная оплата занимает большое место на японских предприятиях. Хозяйский стол, заводская лавка, заводская квартира или общежитие, пользоваться которыми в целом ряде случаев рабочих вынуждают, лишают многих рабочих большей части их заработка. 60 проц. текстильщиц живут в общежитиях при фабриках «на всем готовом». За цыновку на полу для сна, за скудный и голодный стол, грошовые кимоно и гета¹ предприниматели удерживают львиную долю их заработка, выдавая им на руки гроши. Такой же массовый характер носит натуральная оплата у шахтеров. Фабричная квартира предоставляется и многим семейным рабочим. Заводская лавка опускает часто продукты в кредит, разумеется, по более высоким ценам, привязывая рабочего и делая его своим постоянным должником. Во многих случаях часть заработка удерживается предпринимателем в так называемый фонд «сбережений рабочего». Эти «сбережения» выдаются на руки, когда рабочий увольняется.

В системе оплаты труда квалифицированного японского рабочего некоторую роль играют так называемые бонусы — премиальные и наградные. Они выдаются постоянным рабочим один—два раза в год (обычно к новому году) в размере от полумесячного до трехмесячного заработка. Эти бонусы надо рассматривать как составную часть заработной платы японского рабочего, ибо эта единовременная подачка образует невыплаченную рабочему в течение года часть его заработка. Посредством бонусов, выплата которых облекается в форму «хозяйского подарка», что также характеризует пережиток докапиталистических отношений, предприниматель держит рабочего в полной зависимости.

Подавляющая масса постоянных квалифицированных рабочих получает в виде бонуса незначительную сумму², и лишь крайне немногочисленной верхушечной части ра-

¹ Род японского платья и деревянной обуви.

² По данным, приводимым в американском журнале «Far Eastern Survey», № 15, 1936 г., общая сумма бонусов, выплачиваемых постоянным рабочим, составляет 5 проц. ко всей заработной плате промышленных рабочих.

бочих достается. «куш» побольше. Эта верхушка, составляющая рабочую аристократию, состоит из наиболее высокооплачиваемых старших рабочих, мастеров и надсмотрщиков. Подкармливая их за счет своей сверхприбыли сравнительно крупными «премиями» и «подарками», японские капиталисты откалывают их от остальных рабочих.

Рабочая аристократия составляет в Японии очень тонкую прослойку среди рабочих. Если судить по заработной плате, процент высокооплачиваемых рабочих крайне низок. Некоторое представление об этом дают приводимые ниже данные распределения рабочих в зависимости от заработной платы. Эти данные относятся к 1932—1933 гг. и охватывают 1 720 тыс. (965 тыс. мужчин и 755 тыс. женщин) фабрично-заводских и горных рабочих. Сюда входят 287,6 тыс. металлостов, 200,6 тыс. химиков, 190 тыс. горняков, 767,2 тыс. рабочих и работниц текстильной промышленности, 48,6 тыс. пищевиков и 226 тыс. остальных рабочих. Рабочие мелких предприятий, а также поденные и временные рабочие в эту таблицу не включены.

Распределение рабочих по размерам заработной платы¹

Число рабочих (тыс.)	Дневная заработная плата (иен)	Процент к общему числу рабочих
104,1	0,30	6,1
180,6	0,40	10,5
237,9	0,50	13,8
184,2	0,60	10,7
128,3	0,70	7,4
106,2	0,80	6,1
225,5	1,00	13,1
170,4	1,30	9,9
120,4	1,60	7,0
83,3	1,90	4,9
56,3	2,20	3,3
40,9	2,50	2,4
30,5	2,80	1,8
21,7	3,10	1,2
17,3	3,50	1,0
12,6	4,00	0,7

¹ «Internationale Rundschau der Arbeit», октябрь 1934 г.

Из этой таблицы видно, что две трети (67,7 проц.) японских рабочих получали в 1932—1933 гг. до 1 иены в день — голодную заработную плату, причем почти треть рабочих (30,4 проц.) получала до 50 сэн, т. е. вдвое меньше голодного минимума; от 1 и до 2 иен получало около $\frac{1}{5}$ всех рабочих (21,8 проц.). Получавшие заработную плату от 2 до 3 иен не составляли и 10 проц., а лишь на долю оставшихся 2,9 проц. приходилось выше 3 иен. Если же брать отдельно рабочих, получающих от 4 иен и выше, которых для Японии можно считать относительно высокооплачиваемыми, то их процент совершенно ничтожен. Относительная численность высокооплачиваемых рабочих сокращается с каждым годом, по мере вовлечения в производство большого количества временных рабочих.

В последующий период произошло, как мы увидим ниже, дальнейшее снижение заработной платы, и таким образом процент получающих голодную или полуголодную заработную плату еще более увеличился.

В низкой оплате отчасти кроется и объяснение чрезвычайного труда японского рабочего. Он вынужден прибегать к сверхурочным работам, работая до изнеможения, чтобы обеспечить себе прожиточный минимум. Сокращение рабочего времени, как это имеет иногда место в связи с переводом предприятий на двухсменную работу, — несчастье для японского рабочего. При сокращении сверхурочных работ с 5 до 2 часов в судостроительной компании «Кавасаки док» рабочие потеряли от 20 до 30 проц. заработка. На ряде фабрик и заводов в Кобе в связи с сокращением рабочего дня до 12—14 часов среднемесячный заработок рабочих понизился на 30 иен. Произвол в оплате труда, всевозможные ухищрения предпринимателей в ограблении рабочего, присвоение части его заработка дополняются зачастую невыплатой заработной платы вообще. Протесты рабочих против способов выплаты заработной платы и неуплаты ее вообще — частое явление в Японии. Об этом свидетельствуют трудовые конфликты и забастовки, возникающие на этой почве.

Рассмотрим движение заработной платы за последние годы, за годы военно-инфляционной конъюнктуры, по официальной японской статистике. Даже эта фальсифицированная статистика (она охватывает только круп-

ные предприятия, имеющие свыше 50 рабочих, а по некоторым отраслям, как, например, шелководческой, — свыше 300) служит самым убедительным доказательством постоянного ухудшения положения рабочего класса Японии. Она показывает, что, в то время как стоимость жизни непрерывно повышается, заработная плата падает и необходимый для прожиточного минимума заработок поддерживается только за счет чрезмерного количества часов работы.

Движение индексов занятости, заработной платы и стоимости жизни¹

Годы	Занятость (1926=100)	Зарплата		Розничные цены (Токио) (1914=100)	Стоимость жизни (VII 1937=100)
		номинальная	фактически выплачен.		
		(1926 = 100)			
1931	74,5	91,3	90,7	135,5	—
1932	74,7	88,1	88,1	136,8	—
1933	81,9	85,1	89,2	145,6	—
1934	91,3	82,9	91,2	148,7	—
1935	99,9	81,3	91,1	151,6	—
1936	105,5	80,7	91,8	159,0	—
1937	117,3	82,4	96,8	174,3	101,5
1938	129,2	85,4	105,6	200,0	110,1
1939 Июнь	145,0	93,0	118,0	221,0	121,0
1937 Июль	117,8	83,0	96,3	172,4	100,0
Изменение в % от 1931 к 1937 г.	+57,4	— 9,7	+ 6,7	+ 28,6	—
от июля 1937 г. к июлю 1939 г.	+23,1	+12,0	+ 22,5	+ 28,2	+ 21,0

С 1931 кризисного года по 1937 год не только реальная заработная плата сильно упала в связи с ростом

¹ «Дайямондо кэйдай токэй нэнкан», 1939.; «Oriental Economist», ноябрь 1939 г.

цен на все продукты потребления на 28 проц., но даже номинальная заработная плата снизилась почти на 10 проц. Данные индекса к тому же исчислены в бумажных иенах. Однако иена за этот период сильно обесценилась и стала равняться примерно одной трети ее прежнего золотого паритета.

Жизненный уровень рабочих продолжает снижаться и в период нынешней войны. Сравнение с июлем 1937 г. в приведенной выше таблице ясно это показывает. За два года войны цены на все товары выросли на 28 проц. и на предметы первой необходимости — на 21 проц., а номинальная заработная плата увеличилась только на 12 проц. Фактически выплачиваемая заработная плата за сверхнапряженный труд, длиннейший рабочий день и бесконечные сверхурочные часы едва покрывает бешено возросшую за время войны стоимость жизни. Это по официальной, фальсифицированной статистике, в действительности же положение еще хуже. Номинальная заработная плата и фактический заработок выросли не у всех рабочих и даже не у всех рабочих в военной промышленности. Крупнейшая газета промышленных кругов «Цюгай сэгэ» (13. VII. 1938) констатирует, что «налицо снижение как номинальной, так и реальной заработной платы рабочих». Это относится к подавляющему большинству японского пролетариата. Об этом же свидетельствуют непрекращающиеся забастовки рабочих, несмотря на запрет их во время войны.

Особенно большому снижению подверглась и без того мизерная заработная плата женщин. Среднемесячная заработная плата работницы на заводах в Токио составляет от 20 до 25 иен при значительном падении покупательной способности иены за время войны. Об исключительно тяжелом положении работниц в текстильной промышленности вынуждена писать даже буржуазная пресса. В японском журнале «Экономист» (июль 1938 г.) мы находим такое заявление: «С начала возникновения войны на всех предприятиях, имеющих отношение к хлопчатобумажной промышленности, ставки рабочих стали быстро снижаться, а усиление потогонного труда уже дошло до предела». Текстильщицы, работающие на экспорт, получают 8 сэн в час при 16-часовом рабочем дне. В «Правде» (26 ноября

1938 г.) приводилось следующее признание японской буржуазной газеты «Хоци»: «Японским женщинам-текстильщицам, работающим на экспорт, приходится довольствоваться плохой пищей, плохими жилищными условиями. Они работают в более тяжелых условиях, чем текстильщицы Индии».

Журнал «Trans-Pacific» (29.IX.1938) отмечал резкое падение заработной платы: у женщин — в ткацком, особенно в шелкоткацком производстве, и у мужчин — в металлургической, металлообрабатывающей¹, цементной, мукомольной, полиграфической, деревообделочной и швейной промышленности.

В военной промышленности, переживающей необычайный бум, заработная плата повысилась лишь у квалифицированных рабочих-машинистов, в которых ощущается острая нехватка и из-за которых происходит конкуренция между предпринимателями².

На военных заводах и заводах, непосредственно связанных с обслуживанием войны, существующая дифференциация между постоянными и временными рабочими и особенно между квалифицированными и неквалифицированными резко усилилась. Месячный заработок отдельных высококвалифицированных рабочих-машинистов достигает ныне 300—400 иен. Основная же масса рабочих попрежнему работает за полную или полуполную заработную плату при увеличившейся продолжительности рабочего дня и возросшей интенсивности труда. Реформистская рабочая газета «Родо» (1.II.1938) пишет: «На всех предприятиях, работающих на военные нужды, работа производится днем и ночью. Сверхурочные следуют за сверхурочными. Однако, несмотря на большую продолжительность рабочего дня, доход рабочего не увеличивается, так как расценки за работу снижены».

¹ Речь идет о мелких предприятиях.

² «Japan Times» (28.XI.1937) пишет: «Наступивший бум затронул исключительно рабочих механических профессий. Спрос на рабочих, относящихся к сталелитейной и химической промышленности, не так велик, как на первых. Это потому, что сталелитейной и металлообрабатывающим заводам потребна не столько квалифицированная, сколько физическая рабочая сила. То же относится и к химическому производству, где изготовление продукции зависит от специального оборудования и аппаратуры и в меньшей степени от квалификации отдельных рабочих».

Газета «Асахи» предприняла вместе с чиновниками из министерства финансов обследование 30 «типичных» — до их собственной характеристике — военных предприятий. Целью данного обследования было изыскание новых объектов по усилению кампании «экономии и сбережения» (т. е. подписки на военные займы). О результатах этого обследования сообщалось следующее: «Работающие в преуспевающей военной промышленности, по общему мнению, зарабатывают баснословную сумму. На самом же деле они не получают столь большой заработной платы и живут весьма скромно. Установлено, что хотя некоторые работающие на этих заводах зарабатывают до 400 иен в месяц, среднемесячная заработная плата рабочих очень низка: она составляет лишь 60 иен 88 сэн»¹.

Между тем стоимость жизни непрерывно растет. Растут цены на предметы первой необходимости, питание, топливо и особенно одежду и обувь. Последние вздорожали за время войны в два-три раза. Цены на рис достигли рекордно высокого уровня за последние 10 лет — почти 40 иен за коку.² против 33 иен до войны. Даже буржуазная японская печать вынуждена писать о том, что «трудящиеся классы особенно страдают от повышения товарных цен, и им не обеспечен самый легкий прожиточный минимум»³. И без того скудный стол японского рабочего, состоящий исключительно из риса с примесью овса или ячменя, бобов, редьки, иногда рыбы (мяса он почти совсем не видит), ухудшается количественно и качественно. Рабочие питаются недостаточно. В пищу стали употреблять негодные сорта рыбы, которые раньше шли на изготовление тука для удобрения. Участились случаи отравления рабочих семей недоброкачественными продуктами. «Число отравляющихся продолжает расти, хотя лето уже и окончилось», — писал в октябре 1938 г. журнал «Trans-Pacific».

31 марта 1939 г. был принят закон об установлении минимума и максимума заработной платы. Целью этого закона демагогически объявлялась «борьба с ростом цен, вызванным возросшими заработками рабочих» и одновременно «экономией» потребления товаров. Раз-

¹ «Trans-Pacific», 13.X.1938.

² Коку = 160 кг.

³ «Кайдзо», июль 1938 г.

мер зарплаты для всех категорий рабочих устанавливается теперь специальной правительственной комиссией и губернаторами префектур. Вся японская печать единодушно признает, что в результате нового закона заработная плата у всех без исключения рабочих подверглась еще большему снижению (на 20—30 проц.), в то время как дороговизна продолжает расти.

Правительственное регулирование заработной платы означает дальнейшее наступление на жизненный уровень рабочих для извлечения дополнительных средств на ведение войны.

Наступление на жизненный уровень рабочего класса ведется ныне еще и по линии колоссально возросших налогов, займов, всевозможных «патриотических» поборов и т. п. Каждого японского рабочего принуждают к приобретению военных займов, выпуск которых все увеличивается, к обязательным ежемесячным вкладам части заработка в сберкассы и производству многочисленных «пожертвований», связанных с войной. Принудительные поборы лишают рабочих большей части их незначительного заработка. Это наглое ограбление рабочих масс японская военщина именует «посильной жертвой всех слоев народа для успеха ведущейся священной войны в Китае». Пущены в ход все средства шовинистской агитации и демагогии для обмана масс и оправдания совершаемого над ними насилия.

В настоящее время японское правительство озабочено тем, чтобы усилить приток сбережений населения через сберегательные кассы и займы с целью покрытия громадного военного бюджета. Изыскиваются все новые объекты «экономии» и способы усиления притока в казну сбережений населения. На всех заводах и фабриках создаются под руководством властей и предпринимателей разного рода организации — клубы, общества, кружки — «поощрению сбережений среди рабочих». Деятельность подобных организаций включает, наряду с усилением принудительного размещения военных займов, «предупреждение излишних расходов в дни получек». Администрация крупнейшего концерна Сумитомо запретила всем своим рабочим и служащим покупку новой одежды.

Повсеместно с помощью шовинистских объединений и попов организуются «недели усиления экономии и

сбережений». Лозунги вроде «всякая экономия — залог победы», «основной путь к победе лежит в претерпевании трудностей и лишений» — все это пущено в ход для привлечения новых вкладов в сберкассы и размещения военных займов.

Власти обязывают рабочих в военной промышленности сдавать в сберегательную кассу весь свой дополнительный доход, получаемый за сверхурочную выработку. Это также широко проводится и среди остальных рабочих. Власти требуют от предпринимателей выплаты бонусов рабочим и служащим облигациями военных займов. Даже выплата процентов по займам по настоянию военщины отменяется.

«Сберегать, — внушают рабочим японские империалисты и их лакеи, — для того, чтобы скопить средства на случай послевоенной депрессии. На сберегаемые средства приобретать облигации военных займов. Поскольку огромная часть расходов правительства по закупке военных материалов производится внутри Японии, постольку на деньги, получаемые рабочими в виде заработной платы, должны снова и снова приобретаться военные облигации»¹.

Такова «философия» перекалывания тягот войны на рабочий класс.

Положение японских рабочих лучше всего характеризуют следующие факты. Здоровье и физическое состояние трудящихся в результате низкого жизненного уровня и непосильного труда все более подрываются. О «физическом упадке нации» вопит вся японская печать. Туберкулез в Японии принимает угрожающие размеры. Среди рабочих особенно высок процент больных туберкулезом: 40 проц. всех зарегистрированных больных. От дизентерии ежегодно умирает 20 тыс. человек и столько же от бери-бери — болезни людей, питающихся исключительно рисом и рыбой. 100 тыс. человек ежегодно заболевают бери-бери в одном только г. Осака. Смертность от тифа в Японии в десять раз выше, чем в других странах. 9 млн. человек, или 13 проц. населения, больны трахомой. Каждый восьмой в Японии страдает этой страшной болезнью — спутником нищеты, скученности и грязи.

¹ «Japan Times», 4.IX.1938.

Журнал «Тоё кэйдзай» указывает на рост эпидемических заболеваний среди рабочих во время войны. В гг. Иокогама, Иокосука и Кавасаки, являющихся крупнейшими промышленными центрами, за первые пять месяцев (январь—май) 1939 г. число заболеваний тифом по сравнению с тем же периодом 1938 г. возросло на 49 проц., дизентерией — на 36 проц., дифтеритом — на 75 проц. и скарлатиной — на 12 проц. Смертность от эпидемических заболеваний за тот же период выросла по тифу на 41 проц., по скарлатине — на 129 проц., по дифтериту — на 62 проц. и по дизентерии — на 4 проц. Причинами этого, по словам журнала, являются физическое истощение рабочих и крайняя переуплотненность барачов, в которых живет значительная часть фабрично-заводских рабочих¹. Здоровье рабочей и всей трудящейся молодежи ухудшается с каждым годом, что видно по количеству бракуемых призывными комиссиями. В 1925 г. число негодных к военной службе составляло 250 человек на тысячу, в 1931 г. — 350 человек, а в 1936—1937 гг. оно достигло 450—500 человек на тысячу призывников.

Японский профессор Хидэ Сакаи пишет: «Я пришел к выводу, что через очень короткое время все солдаты в японской армии будут с весьма слабым здоровьем. Это видно не только из медицинского освидетельствования новобранцев, но и из данных о положении японских работниц — условий их труда и жизни. Из обследованных 1 783 868 фабрично-заводских рабочих 940 965, или более 52 проц., составляют дети в возрасте до 16 лет. 97 проц. этих детей — девочки. В результате чрезмерного труда и нищенских жизненных условий эти девочки-работницы страдают искривлением позвоночника или туберкулезом. Жуткие данные! Могут ли сы-

¹ «Во многих случаях,—пишет «Тоё кэйдзай симпо» (17.VI.1939),—помещение размером в 10 кв. м отводится на 16 человек, пользующихся им поочередно. Как только 8 рабочих одной смены покидают помещение, оно тотчас же занимает рабочими другой смены. Не говоря уже о небольших фабриках, но даже на крупных предприятиях рабочие бараки содержатся в крайне антисанитарных условиях. Отсутствует постоянная медицинская помощь. Во время вспышек эпидемий нехватает медицинского персонала и медикаментов. Их поглощает фронт. Кроме того недостаток, особенно среднего медицинского персонала — медицинских сестер, фельдшеров, фармацевтов,—объясняется низкой оплатой его труда».

новья этих будущих матерей быть здоровыми солдатами?»¹.

Увеличение смертности (смертность 17,4 чел. на 1000 чел. — одна из самых высоких в мире) и падение рождаемости (с 34,9 на тысячу в 1913 г. до 26,7 — в 1938 г.) наблюдаются в Японии с каждым годом все больше. Естественный прирост населения в 1938 г. составил 668 тыс. человек, — на 300 тыс. меньше, чем в 1937 г., и почти на 400 тыс. — по сравнению с предыдущими годами².

Ужасающая нищета, голод и отчаяние приводят к многочисленным самоубийствам среди трудящихся. По значительно уменьшенным официальным данным японской статистики, еще в 1937 г. зарегистрировано 30 тыс. самоубийств. По количеству самоубийств Япония занимает первое место в мире. Отделы происшествий японских газет постоянно пестрят такими сообщениями:

«19 сентября 1937 г. на реке Окава обнаружены трупы молодой женщины и привязанных к ней трех малолетних детей. Расследование установило, что эта женщина — жена рабочего одного из чугунолитейных заводов. Семья рабочего постоянно голодала, и его жена, не видя иного выхода из беспросветной нужды, решила утопиться вместе со своими детьми».

«21 августа 1937 г. в Токио жена и двое детей торговца служащего, продавца магазина, найдены мертвыми в своей квартире. Мать дала своим детям яд и отравилась сама. Причина — нищета».

«Двое молодых людей — юноша К. и девушка Т. — долго мечтали о женитьбе и о счастливой совместной жизни. Это требовало денег, которых у них не было. После многих безуспешных попыток улучшить свое материальное положение они покончили самоубийством»³.

Публичные дома в Японии заполнены молодыми девушками из рабочих и крестьянских семей. В Японии насчитывается свыше 10 тыс. таких домов и более 50 тыс. зарегистрированных проституток. 10 проц. пятимиллионного населения Токио, указывает в своей книге американец

¹ «People's Tribune», 4.IX.1938.

² Эти данные не включают потери в результате происходящей войны.

³ «People's Tribune», 4.IX.1938.

Уайлдс¹ живет ниже нищенского уровня. Полмиллиона людей с трудом существуют на мизерный месячный бюджет в 7 иен на человека. В Токио свыше 20 тыс. бездомных люмпен-пролетариев. 13 тыс. школьников начальных школ получают выдаваемый «благотворительностью» завтрак стоимостью в 3 сены. Это все, что они едят в течение суток. На почве нищеты и голода растет преступность среди молодежи. В Токио только за первую половину 1939 г. к уголовной ответственности за различные преступления было привлечено 5 570 человек в возрасте до 21 года, в то время как за весь 1938 г. число таких правонарушителей составило 6 694, а в 1937 г. — 4 тыс. Большая часть молодых правонарушителей, по словам газеты «Иомиури», это безработные или же та часть работающей молодежи и учеников низших и средних школ, у которых родители либо безработные, либо рабочие, получающие нищенскую зарплату. Таково ужасающее положение пролетариата и широких трудящихся масс в стране «восходящего солнца».

4. РОСТ БЕЗРАБОТИЦЫ

Постоянная, хроническая безработица — бич японских рабочих. Даже в самые лучшие годы промышленного подъема число безработных в Японии никогда не было меньше 300 тыс. Это по официальной статистике.

Нищая японская деревня служит постоянным неисчерпаемым источником пополнения резервной армии труда. Она ежегодно поставляет несколько сот тысяч рабочих из числа подрастающей и не находящей себе применения в сельском хозяйстве молодежи, пополняя таким образом ряды безработных в городе. Значительная масса безработных пролетариев годами не может попасть на работу только потому, что предприниматели предпочитают сверхурочную и сверхнапряженную работу своих рабочих найму новой рабочей силы, а в лучшем случае прибегают лишь к найму временных рабочих. Колоссальная, двухмиллионная армия так называемых «поденных рабочих» представляет собой по существу тех же безработных или по крайней мере полубезработных.

Отличительная особенность безработицы в Японии — ее скрытый характер. Связь с деревней, система времен-

¹ H. E. Wildes, Japan in Crisis, New-York 1934, p. 185.

ного найма скрывают действительные размеры безработицы. Это и позволяет официальной статистике фальсифицировать данные о ней до крайности. В то время как сами же японские экономисты определяли количество безработных в период экономического кризиса 1929—1933 гг. в 2,5—3 млн., официальная японская статистика упрямо твердила о наличии якобы 400—450 тыс. безработных в Японии. Для 1936 г. официальная статистика называла цифру безработных в 338 тыс., в действительности же людей, ищущих работу в этом году, насчиталось 1 780 тыс., а получило ее только 810 тыс. чел.¹

За годы войны безработица еще более увеличилась при одновременной нехватке квалифицированных рабочих в военной промышленности. Как уже указывалось, легкая промышленность Японии, включающая основную массу мелких и средних предприятий, непосредственно не связана с обслуживанием войны и испытывает в отличие от загруженной заказами тяжелой промышленности небывалый застой и упадок. Вся японская печать отмечает исключительно тяжелое положение «мирной», «гражданской» промышленности, вызванное войной. На этой оценке сходятся и промышленные круги и правительство.

Недостаток сырья, сокращение экспорта и сужение внутреннего рынка особенно сильно ударили по текстильной промышленности, занимающей крупнейшее место в японской экономике. Импорт сырья — хлопка и шерсти — из-за валютных ограничений резко снизился и идет целиком на военные нужды, в связи с чем огромное число текстильных предприятий закрылось.

То же самое относится и к мелкой металлообработывающей, кожевенной и другим видам промышленности, производящим предметы широкого потребления. Все виды металла, кожа, резина, химикалии идут исключительно на военные нужды. В результате — сокращение и прекращение производства в этих отраслях промышленности и нескончаемые банкротства мелких и средних предпринимателей. Тысячи таких предприятий, и без того задавленных конкуренцией с концернами, по выражению «Цюгай сёгё», «терпят бедствия, их хозяева сами становятся безработными и их рабочие рискуют потерять профессию».

¹ «North China Daily News», 19.IV.1937.

Предпринятое летом 1938 г. министерством внутренних дел выборочное обследование одной только кожевенной промышленности показало следующее: 297 предприятий ликвидированы совсем, 1 669 — приостановили работу и 2 535 предприятий значительно сократили производство предметов широкого потребления.

Буржуазная японская печать полна тревоги за судьбу мелкой и средней промышленности. Подчеркивая исключительно большое место, которое последняя занимает в экономике Японии, экономический журнал «Тоё кэйдзай симпо» (I.X.1938) указывает, что мелкое и среднее производство «находится в настоящее время в величайшей опасности, под угрозой краха, что чревато серьезными последствиями для государства».

Японские экономисты утверждают, что тяжелое положение, в котором очутилась ныне мелкая и средняя промышленность, затрагивает 80 проц. всех японских рабочих. «В мелких и средних предприятиях, насчитывающих менее 30 человек, занято 70 проц. всех промышленных рабочих. Вместе с предприятиями с числом рабочих до 100 этот процент увеличится до 80. Именно эти 80 проц., или свыше 5 млн. человек, занятых в промышленности, находятся сейчас в тяжелом положении»¹.

Правительство пытается предотвратить катастрофу. Самую незначительную часть этих предприятий, где это позволяют производственное оборудование и квалификация рабочих, переводят на производство военных материалов. Отдельные фабрики музыкальных инструментов переходят на производство пропеллеров для самолетов. Часть кожевников, ранее производивших кожаную обувь, портфели, дамские сумочки и т. п., получает в ограниченном количестве сырье для изготовления предметов военного снаряжения. Однако переводу мелких предприятий на военное производство противодействуют владельцы крупных военных заводов и концернов, так как это лишает их части сырья и работы. Некоторые предприятия, в особенности текстильные, переводятся с помощью правительства в Северный Китай, где они объединяются в крупные акционерные компании. Капиталом, вкладываемым в такие компании, является вывозимое из Японии оборудование, в остальном их субсидируют прави-

¹ «Тоё кэйдзай симпо», I.X.1938.

тельство и банки¹. Небольшой части мелких и средних предприятий отпускается в ограниченных размерах сырье для производства товаров на экспорт. Но, как известно, экспорт испытывает огромные затруднения. Таможенные рогадки и бойкот японских товаров на внешних рынках, а также европейская война и блокада сузили и без того ограниченные экспортные возможности Японии. Цитированный нами японский журнал «Экономисто»² пишет: «Спассти от разорения мелкие и средние предприятия возможно только при крайнем снижении заработной платы рабочих, что даст надежду на развитие экспорта».

Все эти паллиативные правительственные мероприятия нисколько не смягчают положения; они затрагивают лишь немногие предприятия. Наиболее остро обстоит дело с мельчайшими, насчитывающими менее 5 рабочих, предприятиями, в которых занято свыше 4 млн. человек. По данным японской печати, общее число мелких промышленных и торговых предприятий, прекративших свою деятельность, только в одном 1938 г. превышало 88 тыс.

В этих условиях становится понятным тот колоссальный рост безработицы, который наблюдается сейчас в Японии. Только в результате «мобилизации ресурсов» было обречено на безработицу — полностью или частично — 1 512 тыс. человек. Эти «жертвы мобилизации ресурсов» распределялись следующим образом²:

Отрасли промышленности	В предприятиях с числом рабочих		Всего
	до 5 чел.	от 5 чел. и выше	
Металлообрабатывающая	450 754	355 336	806 090
Текстильная	197 692	226 115	423 807
Химическая	4 887	56 383	61 270
Прочие	181 568	40 226	221 794
Итого	831 901	678 060	1 512 961

¹ Военщина в свою очередь оказывает помощь такой акционерной компании в «приобретении» на месте на «льготных условиях» земельных участков и т. п. Перевод в Китай должен явиться, по мысли японских империалистов и «средством борьбы с упадком мелкой и средней промышленности и освоением новой земли».

² «Тоё кэйдзай симпо», 15.X.1938.

В эту статистику не входят безработные ряда экспортных отраслей промышленности (целлюлозной, фарфоровой и др.), прекративших или свернувших свою деятельность вследствие экономического кризиса в других странах. Сюда не входят также бывшие ранее безработными. Число таких безработных установить трудно, поскольку официальная статистика не приводит во время войны точных данных о безработице¹.

Несмотря на то, что часть безработных, в том числе и работавшие ранее в мелкой металлопромышленности, поглощается военными заводами, и несмотря на мобилизацию, общее количество безработных и полубезработных, занятых неполную рабочую неделю, превышает ныне 2 млн. человек. Даже военная экономика Японии — переключение почти всей промышленности на обслуживание войны, при усилившемся за годы войны процессе разорения крестьянства (насильственное обезземеливание крестьян, переход помещиков на самостоятельную запашку) — не в состоянии поглотить всю эту резервную армию труда.

Безработица продолжает нарастать. Полицейские отчеты отмечают «резко выраженную тенденцию увеличения количества безработных» в таких крупнейших промышленных центрах, как Токио, Иокогама, Нагоя, Киото, Осака, Кобэ, Фукуока и др. «Лишь в первые месяцы войны, — подчеркивает японская печать, — это обстоятельство облегчалось большим спросом на рабочую силу в военной промышленности и частичным оживлением торговли с оккупированными областями Северного и Центрального Китая»².

Нынешняя безработица резко отличается от обычной. Недаром в Японии для нее придуманы особые термины: «безработные чрезвычайного времени», «безработные в связи с мобилизацией материальных ресурсов», «жерт-

¹ Газета «Осака майнити» еще 10 августа 1938 г. писала: «По оценке властей в результате мобилизации ресурсов лишилось работы всего 400 тыс. человек. Хотя и это уже является значительной цифрой, однако, судя по существующим у нас социальным условиям и по характеру наших так называемых «официальных исследований», мы уверены, что фактическое количество безработных далеко превосходит эту оценку. Если прибавить сюда еще и число существовавших до этого безработных, цифра безработицы возрастает еще больше».

² «Trans-Pacific», 13.IX.1938.

вы контроля над материальными ресурсами» и т. п. Отличие состоит в том, что сейчас в ряды безработных, наряду с рабочими крупных предприятий невоенной промышленности, вливаются еще и огромные массы разоряющихся мелких и средних предпринимателей вместе со своими подмастерьями и служащими. Кроме рабочих текстильной, трикотажной, химической, красильной, деревообделочной, пищевой и полиграфической промышленности это мастера и подмастерья по изготовлению металлоизделий, кожаных и резиновых изделий, одежды, предметов роскоши, игрушек¹, предметов быта и домашнего инвентаря — всего до 70 различных видов промышленности, — а также торговцы этими товарами и их служащие.

Большое число безработных составляют шоферы, оказавшиеся без работы из-за недостатка gasoline для автотранспорта внутри страны. По данным журнала «Кайдзо», летом 1938 г. в число безработных входили 800 тыс. рабочих мелких и средних предприятий и 500 тыс. торговых служащих и шоферов. «Что мне делать?» — вот вопрос, который изо дня в день слышен на бирже труда и в полиции, куда обращаются разорившиеся хозяева и их рабочие. На военные заводы их не берут — они не обладают требуемой квалификацией; в качестве чернорабочих — не подходят по возрасту, или здоровью (сидячий и чрезвычайно изнурительный труд в мелких предприятиях быстро разрушает здоровье). Военные заводы предпочитают им молодежь физически здоровую и не старше 30 лет.

Правящие круги всерьез встревожены создавшимся угрожающим положением и вынуждены предпринимать срочные меры. Создана «центральная правительственная комиссия по безработице» и соответствующие комиссии при губернаторах в каждой префектуре. Все местные биржи труда, ранее состоявшие при муниципалитетах, превращены в государственные, и их число увеличивается до 700 в 195 городах. Разрабатывается

¹ Производство игрушек и предметов роскоши занимает значительное место в японской легкой промышленности и японском экспорте. В частности большую статью экспорта составляют куклы. В Киото, одном из центров игрушечной промышленности, одних только кукол производится на 1 млн. иен ежегодно. В связи с установлением правительственного контроля, в частности над золотом и медью, в Киото закрылось свыше 100 игрушечных фабрик.

один план за другим. Все они характеризуются в основном следующими тремя моментами. Во-первых, все мероприятия распространяются только на «безработных чрезвычайного времени — жертв контроля над материальными ресурсами». Во-вторых, они сводятся к организации в широком масштабе принудительного труда. И, наконец, в-третьих, эти планы почти не предусматривают оказания материальной помощи безработным. Главная особенность всех этих правительственных мероприятий состоит в их ярко подчеркнутом классовом характере. Они имеют целью помочь хозяевам-предпринимателям и направлены исключительно на то, чтобы «не дать погибнуть» городской мелкой и средней буржуазии.

Правительственные планы смягчения безработицы предусматривают в первую очередь переключение мелких и средних предпринимателей на производство изделий из суррогатов и заменителей. При всех биржах труда созданы специальные «бюро по даче советов бывшим предпринимателям», как и на какую деятельность переключиться. Объединяющимся в крупные ассоциации предпринимателям оказывается помощь материалами и ссудой. Производство заменителей в значительной мере связывается с удовлетворением нужд армии. В отношении же безработных рабочих «заботы» властей не идут далее циничного призыва: «преуспевающие в результате войны должны самоограничиться, а пострадавшие — стойко выносить лишения и спасаться путем самопомощи». Буквально так гласит первая статья генерального правительственного плана «смягчения» безработицы. Конкретные мероприятия этого плана сводятся к следующему. На тех предприятиях, где угрожает безработица, увольнение рабочих и служащих должно быть «по возможности предотвращено или отдалено» путем перехода на сокращенную рабочую неделю с сокращенным рабочим днем. Если же увольнение становится неизбежным, оно не должно быть произведено в массовом порядке, а постепенно, по частям. При наиме рабочей силы в военной промышленности — отдавать предпочтение безработным рабочим из «мирной» промышленности.

Далее, планы предусматривают переквалификацию части безработных на профессии, нужные в военной промышленности. Создано несколько десятков государ-

ственных и частных курсов в крупнейших промышленных центрах с сроком обучения от 1½ до 3 месяцев. В течение 1938—1939 гг. на этих курсах должно было быть подготовлено около 70 тыс. квалифицированных рабочих для машиностроительной промышленности. Проходящим переподготовку безработным выдается в день на проезд и питание 15 сэн. Даже буржуазная «Осака майнити» (29. IX. 1938) вынуждена признать издевательски ничтожным размер этого «пособия». Указывая на то, что цифра 70 тыс. представляет весьма незначительную величину на фоне сотен тысяч безработных, газета пишет: «Нашим властям следовало бы также подумать о многих других, не проходящих курсы переподготовки. Кроме того существующие различные возрастные ограничения для рабочих в военной промышленности затрудняют, если не делают вовсе невозможным доступ в нее даже и квалифицированным рабочим старше средних лет, невзирая на их богатый многолетний опыт и технические навыки».

Кое-где организуются принудительные общественные работы (дорожные, строительство аэродромов и т. п.).

Государственные биржи труда призваны поощрять работу безработных и их семей на дому, получаемую от отдельных военных предприятий за ничтожную плату, достаточную для того только, чтобы не умереть с голоду.

В Осака, например, биржа труда организовала производство планеров силами безработной молодежи, которую одновременно обучают и полетам на них. По этому поводу журнал «Japan Weekly Chronicle» (7.IV.1938) цинично писал: «Эти безработные по крайней мере имеют теперь дома чашку риса. Сделавшись искусными пилотами-планеристами, они будут вне конкуренции, а если что-либо случится в воздухе, проблема постоянного поиска работы будет разрешена для них навсегда».

Наконец, биржи и правительственная комиссия по безработице призваны оказывать материальную «помощь» безработным. О весьма оригинальном способе осуществления этого дает представление следующее сообщение газеты «Йомиури» (31.VII.1938): «Оказание материального содействия нуждающимся решено проводить через полицию, которая ближе всего стоит к на-

роду (1). Для обследования фактического положения безработных, обращающихся за помощью, мобилизуются полицейские сыщики. При этом само собой разумеется, что безработным будут даваться соответствующие со-веты».

Чтобы представить себе ничтожность этой «помощи» безработным, достаточно указать, что из отпущенных правительством 32 млн. иен для помощи «жертвам кон-троля над материальными ресурсами» лишь немногим более одного миллиона иен ассигновано на оказание «не-посредственной помощи безработным». Львиная часть всех отпущенных средств падает на «меняющих занятия предпринимателей», другая часть — на «переподготовку профессий» и значительные суммы, во много раз превы-шающие сумму пособий безработным, — на содержание административного аппарата комиссии по безработице и бирж труда.

Любопытно, что даже полицейские власти вынужде-ны были признать на своем совещании «недостаточность отпущенных правительством фондов на пособия и пе-реподготовку безработных».

Чтобы ослабить остроту безработицы и тем самым разрядить опасную для внутренней устойчивости атмо-сферу, правительство стремится отправить часть безра-ботных в деревню: «назад на землю». Однако это пред-ложение встречает огромное сопротивление со стороны сельскохозяйственных районов страны. Рынок найма сель-ских работников и так переполнен, и в сель-ских районах имеется своя постоянная безработица. «На-плыв промышленных рабочих в деревню обострит лишь нынешнюю ситуацию», — утверждает в один голос вся японская печать. Более того, даже мобилизованных на фронте вторых и третьих крестьянских сыновей отпра-ривают вернуться в деревню, где они являются лишни-ми. Им рекомендуют идти в город или куда-либо эми-грировать.

Правительство пытается избавиться от безработных также путем усиления колонизации и эмиграции. Планы предусматривают: «поглощение безработных за счет ко-лонизации севера Японии и за счет лесного промысла, который не подвергнется влиянию контроля над материаль-ными ресурсами, ...поощрение эмиграции в Манчжурию, Китай и другие страны». При этом правительство гото-

во даже «в случае поездки в отдаленные районы ссужать, если это будет сочтено необходимым, средствами на путевые расходы (до места работы)»¹.

Наконец, в последнее время японское правительство встало на путь усиленной мобилизации безработных и разорившихся мелких предпринимателей на фронт.

Таковы планы и мероприятия правящих кругов по «оказанию помощи» безработным — сотням тысяч жертв милитаристской политики. Японские империалисты до конца обнажают свое подлинное лицо, когда с предельным цинизмом заявляют: «Крайне неблагоприятный оборот, который приняли ныне безработица и упадок промышленности и торговли, должен рассматриваться как необходимая жертва всех слоев народа для достижения целей, поставленных войной. В этом смысле для государства было бы крайне обременительным принимать на себя всю тяжесть промышленной и торговой депрессии и безработицы»².

Характерно отношение к правительственным планам смягчения безработицы со стороны капиталистов. Многие буржуазные газеты подвергают резкой критике планы и мероприятия властей, считая их нереальными, «планами на бумаге», и выражают крайнее недовольство деятельностью правительственных органов и чиновников в этом направлении³. Соглашаясь с тем, что «предоставить работу такому большому количеству людей невозможно», отдельные буржуазные газеты пишут, что «в нынешнее время, в условиях затяжной войны, проблема безработицы приобретает неизмеримо более серьезный характер, чем в мирное время. Безработица вызвана необычными обстоятельствами, мероприятия правительства не разрешают этой проблемы и приводят лишь к дальнейшему росту безработицы»⁴.

Простое «огосударствление» захиревших местных муниципальных бирж труда, по мнению «Цюгай сэгё» —

¹ «Trans-Pacific», 13.IX.1938.

² «Осака майнити», 29.IX.1938.

³ Достаточно указать, что до конца 1938 г. японскому правительству удалось переключить на другие профессии и производства или вернуть в деревню едва 6 проц. всех безработных. При этом, как указывает «Цюгай сэгё» (14.II.1939), далеко не все — лишь немногим более половины — сумели действительно приспособиться к новой работе.

⁴ «Осака майнити», 6.VIII.1938; «Japan Times», 19.VIII.1938.

органа промышленных кругов, — ничего не дает. «В силу их ничтожного бюджета они не в состоянии обеспечить ни проведения в широких размерах общественных работ, ни переподготовки кадров для военной промышленности, ни оказания материальной помощи безработным... Вдобавок, на самих биржах происходит ожесточенная грызня между чиновниками из-за высоких окладов. Газета указывает на наличие большого количества высококвалифицированных мастеров кустарной промышленности, которые не могут переменить профессию. Так же трудно переменить профессию огромной массе мелких и средних предпринимателей и их подмастерьев»¹.

Подобные высказывания буржуазных газет интересны в том отношении, что указывают на недовольство определенной части японской буржуазии политикой, проводимой военщиной.

Трудно описать бедственное положение сотен тысяч лишившихся работы и заработка людей. Подавляющая часть их не получила даже выходного пособия, так же как и не получает никакой помощи по безработице. Безработные лишены всяких средств к существованию. На этой почве растет нищенство. «Нищие толпами осаждают иностранцев, особенно туристов, на улицах городов, преследуют их везде, где бы они ни появились: в садах, около театров, в ресторанах, на базарах, на улицах. Толпы нищих появились в сельских районах, на дорогах. Особенно много нищих в большом портовом городе Кобе, где иностранные туристы не хотят останавливаться ни на минуту из-за преследования нищих»². На почве безработицы и нищеты растут самоубийства.

Эта колоссальная армия безработных оказывает отрицательное влияние на положение работающих. Японские власти стремятся «в равной мере переложить на них бремя и лишения, которые война сделала необходимыми». Этой цели служат сокращение потребления, установление максимума заработной платы и, как указывалось, бесконечные поборы в виде займов, пожертвований и обязательных для всех работающих ежемесячных вкладов в сберегательные кассы.

Безработные не мирятся со своим положением. Министр юстиции Сионо не без основания заявлял, что

¹ «Цюгай сёгё», 13.VII.1938.

² См. «Правда» от 18 января 1938 г.

«следует ожидать возникновения общественного недовольства и волнений безработных». Даже в подцензурной японской печати проскальзывают сообщения о том, что кое-где дело доходило до открытых массовых возмущений безработных. Издающийся в Кобэ журнал «Japan Weekly Chronicle» приводит один из таких фактов, имевших место в этом городе. Волнения безработных происходили в течение двух дней — 30 и 31 августа 1938 г. — на одной из районных бирж труда в Кобэ. Число зарегистрированных безработных на этой бирже достигало 5 500 человек, и из них только 60—70 проц. в отдельные дни получали поденную работу в качестве кули, чернорабочих, носильщиков на общественных работах. Невозможность получить работу, а также объявленное внезапно снижение поденной оплаты на 50 сэн вызвали взрыв возмущения со стороны безработных. Они разгромили помещение биржи. В стихийной демонстрации приняло участие 400 безработных. Подоспевшим отрядом полиции они были рассеяны, и несколько участников демонстрации арестовано. Несмотря на это, безработные, скопившись у биржи, снова организовали демонстрацию. Попытка такого организованного протеста длилась два дня, причем на следующий день — с участием уже около 1 тыс. безработных. К требованиям предоставления работы и неснижения заработной платы прибавился еще и протест против ареста полицией участников демонстрации.

6. ПОЛОЖЕНИЕ СЕМЕЙ МОБИЛИЗОВАННЫХ НА ФРОНТ

Японский милитаризм принуждает рабочий класс нести во время войны огромные жертвы. Большое число рабочих мобилизовано на фронт и вынуждено жертвовать жизнью в угоду японскому империализму.

Потери японской армии в Китае за два года войны исчисляются в 1 млн. человек убитыми и ранеными. Эти жертвы — крестьяне и рабочие.

Семьи мобилизованных на фронт рабочих испытывают исключительные лишения. Нищенские подачки-пособия, которые им с трудом удается получать, не обеспечивают даже полуголодного существования. Предприниматели по собственному произволу снижают размер или вовсе прекращают выдачу установленного мизерного пособия

семьям рабочих, призванных в армию. «14 тыс. предпринимателей, — сообщила «Иомиури» (19.III.1938), — прекратили выдачу пособий семьям рабочих, мобилизованных на фронт. Это никак не похоже на те настроения, которые были в начале войны».

Одним из видов «заботы» властей о голодающих семьях мобилизованных является проведение время от времени «недель помощи» с целью «поддержки семей убитых, раненых и сражающихся ныне солдат и моряков», исключительно за счет... добровольных пожертвований населения. Само собой разумеется, что сколь угодно заметного смягчения положения семей мобилизованных подобная «помощь» принести не может.

«...Благотворительность богачей есть удар по воде, действие которого немедленно прекращается; просящих много, и милостыня может помочь лишь немногим»¹.

В префектуре Аомори, например, по данным официального обследования, летом 1938 г. имелось 3 404 голодающих школьника, чьи отцы и братья мобилизованы на фронт. «Голодающие дети попрежнему остаются в том же положении. Это становится социальной проблемой тыла», — писала по этому поводу газета «Кахоку» (5.VII.1938).

«Жена мобилизованного на фронт в Северный Китай узнала вскоре, что ее муж убит. Не имея никаких перспектив, она утопилась», — вот одно из сообщений, характеризующих судьбу многих семей мобилизованных².

В японский парламент подаются десятки петиций, требующих лучшего обращения с солдатами на фронте, с ранеными, а также помощи семьям мобилизованных и убитых. По всей стране не прекращаются призывы о помощи солдатским семьям. Вслед за японской компартией и левые профсоюзы организовали с начала войны энергичное движение под лозунгом «спасите солдатские семьи». Под напором масс снизу даже реакционное руководство реформистских профсоюзов было вынуждено включиться в эту кампанию, требуя от правительства помощи семьям мобилизованных³.

¹ Энгельс, Положение рабочего класса в Англии, Маркс и Энгельс, Соч., т. III, Госиздат, 1930, стр. 382.

² «People's Tribune», сентябрь 1938 г.

³ Вначале реформистские лидеры ограничивались только тем, что производили принудительное отчисление у членов союза на «нужды войны», «в фонд подарков солдатам на фронт» и «в фонд помощи семьям мобилизованных».

Японские власти в своих планах смягчения безработицы предусматривают устройство на работу в первую очередь вернувшихся с фронта и членов семей убитых. Но ввиду колоссальной безработицы с трудом удается устроиться весьма немногим. В заметке «Поступила на место мужа», газета «Осака майнити» (26.X.1938) пишет о тех, которым «посчастливилось». «Тойо Ито, вдова солдата первого разряда Мамото Ито, убитого 21 мая 1938 г. на фронте в Северном Китае, вынуждена теперь принять на себя все бремя заботы о семье. Она стала чистильщицей обуви. Затем ей удалось устроиться на машиностроительный завод Комасаки (в Осака). Она работает постоянно в ночной смене, чтобы иметь возможность днем ухаживать за детьми».

Эта же газета писала о том, что «в Японии ничтожно мало правительственных организаций по оказанию помощи несчастным, потерявшим кормильцев на фронте». Помощь семьям убитых солдат должна, по мнению газеты, состоять в подыскании для них работы и главным образом в устройстве их детей в школы. «Но оказывая содействие в получении образования детям павших на фронте, мы вовсе не мыслим открыть перед ними университеты», — уточняет буржуазная «Осака майнити».

Не менее трагична судьба раненых и искалеченных на фронте. Возвратясь домой, они не находят работы. С начала войны по май 1939 г. включительно, т. е. почти за двухлетний период, только 8 724 раненым солдатам была предоставлена работа. Остальные, — как указывает «Japan Weekly Chronicle» (10.VIII. 1939), — ее не получили, хотя подысканием работы для них и занимаются специально выделенные властями комиссии и биржи труда. Мероприятия властей предусматривают «переключение» калеk на «легкие профессии». Например, лишившихся ног или зрения обучают игре на «сямисэн» (трехструнный музыкальный инструмент), чтобы, нищенствуя, выпрашивать подаяние. Для калеk выделяется несколько бесплатных мест в трамваях и автобусах. И самая, наконец, важнейшая «забота» властей об искалеченных, слепых, безногих и безруких молодых солдатах состоит в подыскании для них... невест. Власти с помощью буржуазных женских лиг вызывают к «патриотическим» чувствам молодых японок «разделить бремя с несчастными»,

«пожертвовать для этой возвышенной цели лучшими годами своей жизни».

Такова «забота» японских властей о судьбе жертв войны.

6. ПОЛОЖЕНИЕ СЛУЖАЩИХ И ТРУДОВОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Положение служащих и трудовой интеллигенции в связи с войной резко ухудшилось. Жестокая эксплуатация торговых служащих и постоянная безработица среди трудовой интеллигенции во много раз усилились.

Положение многочисленного в Японии слоя торговых служащих характеризуется следующим. В связи с ограничением потребления населения и экономией электроэнергии с 1 октября 1938 г. введен закон «о запрещении торговли позже 10 часов вечера». Рабочий день 1400 тыс. торговых служащих вследствие закрытия магазинов в 10 часов равен 12—14 часам вместо прежних 16—17. Соответственно снижена и заработная плата.

«Свободное время» у торговых служащих в связи с сокращением часов торговли стало предметом особой заботы полиции. Как используют образовавшиеся «свободные часы», где и как проводят время после 10 часов вечера приказчики, в особенности молодые, очень интересует полицейских. Особенно их беспокоит тот факт, что, по словам японских газет, «многие молодые служащие торговых заведений, освобождаясь по новому закону раньше, вместе проводят время в кафе». Власти требуют заполнения «досуга» «патриотическими лекциями» и военной муштрой. «Совершенно неожиданным» для полиции оказалось, что «большинство торговых служащих настолько устает в течение дня, что не в состоянии заняться более ничем другим и спешит спать». Впрочем многие торговые предприятия обходят закон, работают дольше и удлиняют рабочее время служащих. Закрывая магазин или склад в 10 часов вечера, они открывают его вскоре же после полуночи. Особо нещадной эксплуатации подвергается при этом, как и всюду в Японии, молодежь. «Учеников в торговых заведениях, 14- и 15-летних мальчиков, даже после введения закона о закрытии магазинов, заставляют работать с утра и до 11—12 часов ночи», — свидетельствует «Japan Times».

Оплата труда служащих в Японии крайне мизерна. Жалование тысяч мелких государственных и частных служащих составляет в среднем от 50 до 70 иен в месяц. Среднедневная оплата служащего на транспорте равна 2 иенам, почтово-телеграфных служащих-мужчин — 1 иене 50 сэн, женщин — 96 сэн. Среднемесячный оклад работников умственного труда в соответствии с полученным ими образованием составляет (в иенах)¹.

	Служащие	Инженерно-технические работники
Окончившие высшие учебные заведения	64,40	77,48
„ специальные (технические и коммерческие) учебные заведения	64,21	65,70
„ средние учебные заведения .	34,66	40,01

Женщины-служащие оплачиваются значительно ниже мужчин. Если учитель начальной школы получает 60—70 иен, то учительница с высшим образованием получает только 48 иен, а со средним — 30—35 иен. Положение японского учительства особенно тяжелое. Невыплата жалования месяцами — обычное явление. Среди школьных инспекторов распространено взяточничество. Учителя вынуждены давать взятки, чтобы не лишиться работы, так как безработица среди учителей огромная.

Положение мелких государственных и муниципальных служащих характеризует следующее высказывание «Japan Times» (22.IV.1937): «Необходимость повышения их заработной платы ввиду сильно возросшей стоимости жизни признана давно. Но, с другой стороны, было бы неправильно повышать жалование этим служащим, существующим исключительно за счет налогов, поскольку это вызвало бы увеличение последних. Прежде чем повысить налоги на население, чтобы увеличить жалование служащим, нужно повысить заработную плату налогоплательщиков».

О тяжелом положении служащих и трудовой интеллигенции в связи с ростом дороговизны свидетельствует

¹ По данным статистического ежегодника по труду «Нихон родо энкан» за 1937 г.

небывалое стачечное движение среди них еще накануне войны. Работники связи, почтовые служащие весной 1937 г. требовали 20—25 проц. прибавки жалования, угрожая забастовкой. Особенно активно выступали работники связи в Токио, организовавшие массовое движение в защиту своих требований по всей стране. Движение за повышение заработной платы развернулось также широко и среди служащих других государственных, муниципальных и частных предприятий, в том числе и среди торговых служащих, среди работников школ, больниц и др. 16 тыс. токийских городских учителей объявили в мае 1937 г. забастовку, требуя повышения жалования на 20—30 проц. Газета «Иомиури» сообщала, что у бастовавших тогда учителей гимназии «Киндзо» (в Токио) заработная плата при 30 уроках в неделю колебалась от 60 до 110 иен в месяц.

За годы войны обнищание трудовой интеллигенции усилилось. «Ломбарды — лучшие показатели материального положения городских жителей», — указывают японские газеты. Постоянными клиентами этих ломбардов являются, по их словам, главным образом рабочие, но за время войны ими стали также и мелкие предприниматели, служащие и трудовая интеллигенция.

Нынешняя безработица больно ударила по служащим и трудовой интеллигенции. «Мобилизация ресурсов» сопровождалась значительным сокращением торговли. Тысячи торговых служащих оказались безработными. Некоторую часть из них «переключают» на другие профессии, но это относится больше к молодежи. Биржи труда предполагают «охватить переподготовкой служащих магазинов и шоферов, главным образом молодежь, с целью использования их в военной промышленности».

Но и молодежи, получившей образование, не всегда удается устроиться на работу по специальности. На объявленный набор чертежников на военные заводы в Осака в сентябре 1938 г. откликнулось 700 молодых людей, преимущественно девушек. Из них было принято на работу лишь 100 чел. Из 4 340 девушек, окончивших гимназии в 1937 г., удалось устроиться на работу только 2 858, или 65 проц. Две трети получили канцелярскую работу, около 15 проц. — работу в универмагах, преимущественно в качестве лифтеров; часть устроилась кондукторами трамваев, часть — работница-

ми на заводах, и лишь очень немногим удалось получить место учительниц начальных школ. Максимальная заработная плата устроившихся — 30 иен, минимальная — 5 иен в месяц.

«Много артистов, — пишет «Japan Times» (5.IX. 1938), — находится в исключительно тяжелом положении. Многие молодые актеры вынуждены работать на военных заводах, и они счастливы, что имеют регулярный заработок и не должны более бедствовать в захолустных городишках. Гораздо хуже старым актерам, обремененным большой семьей, которым чрезвычайно трудно привыкнуть к новым условиям».

С начала империалистической войны в Китае японская военщина ввела свирепую цензуру и жесточайшее преследование литераторов и журналистов радикального направления. Даже в отношении писателей, не являющихся представителями левого течения в литературе, предпринимаются все меры к тому, чтобы лишить их средств существования. Их книги запрещены и нигде не печатаются. По сообщению японских газет, многие виднейшие писатели находятся в крайне бедственном положении. Ряд выдающихся писателей находится на грани нищеты и не имеет даже возможности вернуться в родную деревню, чтобы заниматься крестьянским трудом.

Жестоким преследованиям подвергается и профессура. Министерство просвещения, возглавлявшееся до последнего времени небезызвестным генералом Араки, предприняло «чистку» всех университетов с целью «искоренения нежелательных элементов». Под видом «нежелательных, неблагонадежных» из университетов изгоняются лучшие представители науки, осмелившиеся критиковать военщину и социальные порядки в Японии. На место отстраненного ректора токийского университета — либерального профессора Сато — Араки назначил вице-адмирала Хираги.

Многочисленные аресты профессоров, литераторов и студентов за «опасные мысли» стали обычным явлением в Японии.

II. ЗАБАСТОВОЧНАЯ БОРЬБА ЯПОНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА

1. СТАЧЕЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ НАКАНУНЕ ВОЙНЫ

С самого начала войны японские власти повели планомерное наступление на и без того ничтожные политические завоевания и права рабочего класса. Одним из первых мероприятий явилось запрещение митингов и собраний с обсуждением «вопросов текущих событий», т. е. о войне. Демонстрации, как и пролетарские празднества, были отменены еще ранее.

Воспользовавшись военной обстановкой, японские власти нанесли удар по рабочему классу, лишив его права отстаивать свои жизненные интересы в борьбе с эксплуататорами-предпринимателями. Они запретили забастовки и стремятся не допускать даже мелких трудовых конфликтов.

Запрещение забастовок, стремление «установить мир в промышленности» были вызваны страхом правящих кругов перед нараставшей накануне войны стачечной борьбой пролетариата.

Конец 1936 г. и вся первая половина 1937 г. характеризуются небывалой стачечной волной, прокатившейся по всей стране. Количество трудовых конфликтов в первом полугодии 1937 г. является рекордным для рабочего движения Японии. Приведем некоторые выдержки из японской буржуазной печати накануне войны, свидетельствующие о необычайном размахе в тот период стачечной борьбы рабочих и о тревоге капиталистов.

«Рост недовольства рабочего класса Японии в связи с повышением цен на товары первой необходимости и давлением властей на рабочие организации получил за

последнее время крайне резкое выражение... Стачки возникают главным образом на крупных предприятиях и вызываются борьбой рабочих за повышение заработной платы и за право вступать в профсоюзы. Последние подвергаются жестокому давлению со стороны властей и хозяев»¹.

«Рост рабочих конфликтов вызван не только дороговизной жизни, но и противодействием ухудшающимся условиям труда и его усиленной интенсификации и политическому давлению на рабочие массы»².

«Если не будут приняты надлежащие меры, стачечной волне, залившей всю страну, не будет конца...»³.

«Стачечная борьба приведет к углублению политической и социальной неустойчивости в стране»⁴.

Японской военщине нужно обеспечить любой ценой спокойный тыл, а одними лишь средствами оголтелой шовинистской пропаганды обеспечить его не удастся. Понадобились еще кнут и железо, к чему военщина и прибегает ныне открыто.

Несмотря на последовавшие запрещения и репрессии, властям все же не удалось приостановить волну трудовых конфликтов и стачек. К концу 1937 г. под давлением жесточайшего полицейского и предпринимательского террора они стали несколько ослабевать. Однако трудовые конфликты не прекращаются, выливаясь кое-где даже в крупные забастовки. Сопrotивление японских рабочих экономическому угнетению и их борьба, носящая в условиях войны характер антивоенных выступлений, продолжаютсЯ, хотя и в несколько ослабленном в результате террора темпе.

Официальная, фальсифицированная японская статистика учитывает не все трудовые конфликты, а лишь относящиеся к ценовой промышленности, т. е. к предприятиям, охватываемым фабричным законодательством. Но даже и эти цифры дают отчетливое представление об упорной экономической борьбе японского пролетариата:⁵

¹ «Хоци», март 1937 г.

² «Экономист», май 1937 г.

³ «Ния-нитти», апрель 1937 г.

⁴ «Japan Times», май 1937 г.

⁵ «Родо дзихо» и «Тод кайдзай омицу» за 1937, 1938 и 1939 гг.

Трудовые конфликты

Годы	Число конфликтов	Число участников	Среднее число участников в каждом конфликте
1929	1 420	172 144	121
1930	2 290	191 838	82
1931	2 456	154 528	63
1932	2 217	123 313	56
1933	1 897	116 733	82
1934	1 915	120 307	63
1935	1 872	103 962	56
1936	1 975	92 724	47
1937	2 126	213 622	100
1938	1 022	53 550	52

Как показывает эта таблица, 1937 год действительно является рекордным годом по размаху забастовочного движения в Японии. 213 тыс. участников трудовых конфликтов в 1937 г., по словам японского журнала «Сякай сэйсаку дзихо», «представляют неслыханное явление в истории рабочего движения Японии»¹.

Среднее количество участников—100 чел. на каждый конфликт—в 1937 г. свидетельствует о том, что в конфликты были вовлечены не только мелкие и средние, но и крупные предприятия. Трудовые конфликты, принимавшие самые разнообразные формы, начиная с итальянской стачки, саботажа и кончая занятием бастующими предприятий, носили наступательный характер. Преобладали активные требования рабочих (повышение заработной платы—1 002 случая в 1937 г. против 561 в 1936 г.—свобода профсоюзов, защита преследуемых активистов и т. д.) над пассивными (против снижения заработной платы—73 случая в 1937 г. против 191 случая в 1936 г.— и др.). Следует отметить, что за последние го-

¹ Следует отметить, что небывалый рост стачечного движения в первой половине 1937 г., как выражение усилившегося недовольства трудящихся, явился одной из причин ускорения нынешней войны в Китае подобно тому, как это имело место в 1930—1931 гг. накануне захвата Манчжурии. Внешними авантюрами японская военщина пытается отвлечь внимание трудящихся своей страны и подавить их недовольство.

ды активные требования непрерывно нарастали, что видно из следующей таблицы (в проц.):¹

Годы	Актив- требова- ния	Пассив- ные тре- бования	Смешан- ные
1930	11	76	13
1931	20	66	14
1932	26	63	11
1933	50	39	11
1934	54	31	15
1935	47	35	18
1936	51	30	19
1937	68	17	15

Наступательный характер борьбы японских рабочих виден также из возросшего в 1937 г. количества забастовок и охваченного ими большого числа рабочих².

Годы	Общее число кон- фликтов	Число участни- ков	В том числе		Среднее число уча- стников в каждой за- бастовке	Количество потерянных рабочих дней
			забастовок	число участни- ков		
1936	1975	92 724	546	30 857	56	162 590
1937	2 126	213 622	628	123 730	197	338 146
1-е полугод.	1 523	186 579	481	109 749	228	—
2-е полугод.	603	27 043	147	13 981	95	—

Наконец, наступательный характер выражался в упорстве, с каким проводились забастовки. Так, в 1937 г. было 76 забастовок, продолжавшихся до 1 месяца и больше, против 56 в предыдущем году. Поведение рабочих во всех стачках носило наступательный, боевой характер. Отмечались большая организованность и дисциплина; рабочие держались с большим подъемом, дружно и настойчиво. За ничтожным исключением почти не было случаев пассивного сопротивления, многочисленных в Японии прежде, когда бастующие запирались в печах или забирались в фабричные трубы, чтобы этим добиться удовлетворения требований. Этот метод борьбы за последние годы сходит на-нет, уступая место активным, решительным и более массовым формам борьбы.

¹ «Родо дзихо», июль 1938 г.

² Там же.

Стачечное движение приобрело и политический характер в связи с требованиями признания профсоюзов, права состоять в них, свободы их деятельности и т. д. Это особенно усилило тревогу правящих кругов.

На первом месте по числу забастовок и участников в них в 1937 г. шли транспортники (в 1936 году они были на третьем месте). Забастовки свыше 55 тыс. транспортников отличались своей организованностью, упорством, солидарностью и действенными методами борьбы.

Английский буржуазный журналист В. Г. Чемберлин в изданной им в 1938 г. книге о Японии так отзывается о борьбе токийских транспортников, очевидцем которой он был: «По причине слабости профсоюзных организаций и из-за крутых мер, принимаемых полицией в отношении «смутьянов», японский рабочий вынужден прибегать к окольным методам для достижения своей цели. Так, например, когда трамвайщики и автобусники в Токио желали добиться повышения заработной платы весной 1937 г., они не объявляли полной забастовки, а разработали вместо этого тщательный план тактики «тихого хода». Автобусы и трамваи, которые обычно движутся с большой скоростью в Японии, тащились еле-еле и делали длительные остановки, причиняя этим огромное неудобство. В результате после нескольких дней такой стачки «тихого хода» рабочие добились прибавки заработной платы, хотя и меньше той, какую они требовали. Этот же метод был применен 3 400 рабочими авиационного завода, принадлежащего концерну Мицубиси в Нагое.

Еще более оригинальный метод был применен 700 городскими автобусниками, которые хотели оказать поддержку своим бастующим товарищам — автобусникам одной из пригородных линий. Автобусной компании, в которой происходила стачка, принадлежал один из ресторанов в Токио. В этот ресторан део дня в день в периоды самой бойкой торговли толпами являлись автобусники, занимали все места и просиживали часами за одной чашкой кофе стоимостью в 5 сэн. Этим самым они выживали постоянных посетителей ресторана и причиняли материальный ущерб компании»¹.

¹ W. H. Chamberlin, *Japan over Asia*, London 1938.

Второе место после транспортников в стачечной борьбе 1937 г. занимали металлисты: металлурги, машиностроители, рабочие судостроительных и вагоностроительных заводов и другие. Из 24 тыс. бастовавших металлистов 18 тыс. составляли рабочие машино- и станкостроительных предприятий, т. е. заводов, непосредственно связанных с обслуживанием войны. Забастовки имели место и на некоторых военных заводах: на авиазаводах концерна Мицубиси (9 тыс. рабочих) и «Аици токэй дэнки» (5 300) в Нагое, на пропеллерном и других военных заводах Осака, на заводах спецсталей в Токио, на ряде заводов крупнейшего в Японии полуправительственного металлургического комбината Явата (префектура Фукуока), и др. Забастовки на военных заводах в Нагое принимали особенно острый характер. Власти, опасаясь распространения забастовок на другие военные заводы, стянули большие полицейские и жандармские силы, оцепив ими весь этот промышленный район.

Орган профсоюзов токийских электриков «Тоден родо симбун» отмечал, что на предприятиях, «производящих исключительно предметы военного снаряжения», значительно участились трудовые конфликты и стачки с требованием повышения заработной платы и признания профсоюзов.

Затем следуют забастовки 15 тыс. текстильщиков, впереди которых идут прядильщики, и, наконец, более мелкие по размерам забастовки: рабочих полиграфической промышленности, химиков, строителей, пищевиков и горняков.

В забастовках горняков выделялась стачка 2 тыс. рабочих медных рудников Хитацци (префектура Ибараки) и стачки на золотых рудниках Моцукоси и Моцидзуки (префектура Сидзуока): в каждой приняло участие около 1 тыс. человек. Горняки боролись дружно и упорно. Попытки администрации кое-где сорвать стачки при помощи штрейкбрехеров, которым была предложена шестикратная заработная плата, не дали результатов. Бастовавшие горняки устраивали демонстрации с пением революционных песен.

В ряде случаев бастовавшие занимали помещения предприятий. Так, на заводе стальных изделий Тойо бастовавшие заняли проволочный цех, 1 200 рабочих целиком заняли помещение соевого завода Хигета. Трамвайщики

Кобэ захватили несколько трамвайных парков. Часто бастовавшие занимали здания клубов и другие общественные помещения и, забаррикадовавшись, отказывались покинуть их до удовлетворения требований (например железнодорожники Токийского узла в мае 1937 г.).

Проявление солидарности и оказание широкой помощи бастующим является отличительной особенностью стачечного движения 1937 г. Газета «Сякай ундо цусин» приводит пример стачки рабочих бумажной фабрики Китакоси в г. Ицикава (префектура Циба). Стачка длилась почти месяц. Положение стачечников было крайне напряженным ввиду сильного давления со стороны полиции. Было арестовано 30 активных стачечников. Тем не менее стачка продолжалась с большим подъемом в значительной степени благодаря помощи, оказывавшейся стачечному комитету членами профсоюзов — рабочими других заводов, которые организовали денежные сборы в пользу бастующих.

Большая часть и остальных трудовых конфликтов грозила вылиться в забастовки. На ряде заводов, в том числе и военных, рабочие ультимативно заявляли, что в случае неудовлетворения предпринимателями их требований они немедленно начнут забастовку. Однако отчасти уступками напуганных предпринимателей, отчасти с помощью полицейских репрессий удавалось предотвращать возникновение забастовок и решать конфликт «мирным» путем.

Во многих случаях предприниматели, видя возрастающее недовольство рабочих мизерной оплатой труда и бешено растущей дороговизной, пытались внести успокоение грошевой прибавкой в 5—10 сэн «по собственной инициативе». Делалось это главным образом для того, чтобы предупредить возникновение забастовок, в особенности на военных заводах. Почин в этом отношении сделало военное министерство, произведя в апреле 1937 г. прибавку заработной платы на 8 проц. ста тысячам рабочих военных арсеналов. Тогдашний военный министр Сугияма исходил при этом, как указывала «Japan Times», из опасения, что растущая дороговизна жизни «может вызвать ослабление производительности военных заводов». Следуя примеру военного министерства, такие же ничтожные прибавки произвели в мае

концерн Мицубиси для 40 тыс. рабочих, занятых на его предприятиях тяжелой и военной промышленности, а также крупнейшая в Японии текстильная компания Канегафуци. Подобного рода подачка облекалась в форму «патриотического» деяния, сопровождалась шовинистской демагогией, причем всячески подчеркивалась «собственная добрая воля» предпринимателей.

В подавляющем большинстве случаев этот маневр не спасал предпринимателей. Рабочие не мирились с грошевой, не доходящей даже до 10 проц., прибавкой, в то время как прожиточный минимум повысился на 20—30 проц., и требовали соответственного увеличения заработной платы. Рабочие не мирились еще и потому, что эти «добровольные» прибавки проводились в совершенно неприемлемой для рабочих форме в виде всяких приплат, дополнительных вознаграждений, а зачастую только в виде обещаний выплатить их в будущем, но не в форме повышения основной заработной платы. Таким путем предприниматели сохраняли за собой возможность отменить прибавки в любой момент. Но даже и там, где эта «добровольная» прибавка носила прямой характер, предприниматели тотчас же сводили ее на-нет повышением цен на продукты, отпускаемые рабочим, повышением платы за занимаемые рабочими заводские квартиры и т. д. Так, одновременно с повышением дневной заработной платы на 5 сэн 8 200 рабочим текстильной фабрики компании Канегафуци в Хёго цена на отпускаемую рабочим пищу была повышена на 3 сэны и плата за квартиру на 2—3 сэны в день.

На ряде заводов предприниматели вместо повышения заработной платы давали обещание снабжать рабочих товарами первой необходимости «по сходным ценам». На подобные «добровольные» прибавки и предложения хозяев рабочие отвечали предъявлением контртребований и открытыми конфликтами с предпринимателями.

По данным Японской экономической федерации, проведенной в мае 1937 г. анкету среди предпринимателей крупной промышленности, «добровольные» мизерные прибавки к заработной плате были введены лишь на десятой части крупных предприятий.

2 СТАЧЕЧНАЯ БОРЬБА ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Стачечное движение не прекращается и после 1937 г., когда по мере роста затруднений японской военщины, увязшей в Китае, усилился полицейский террор внутри страны. Подцензурная японской военщине статистика труда продолжает регистрировать, разумеется далеко не все, трудовые конфликты и тщательно замалчивать факты о забастовках. Данные этой фальсифицированной статистики отмечают тем не менее нарастание конфликтов в первые месяцы 1938 г. и особенно 1939 г.¹

	Число конфликтов		Число участников	
	1938 г.	1939 г.	1938 г.	1939 г.
Январь	64	67	2 418	12 809
Февраль	82	69	5 278	8 996
Март	106	100	7 202	10 594
Апрель	103	126	3 687	6 751
Май	120	125	8 217	11 813
Июнь	113	133	4 528	5 683

С начала войны во втором полугодии 1937 г. имели место 603 трудовых конфликта с 27 тыс. участников, в 1938 г. — 1 022 с 53,5 тыс. участников и за первое полугодие 1939 г. — 590 с 56,7 тыс. участников².

Сильнее всего стачечное движение во время войны было среди металлистов, транспортников, химиков, печатников и текстильщиков. Основные требования стачечников: повышение заработной платы, сокращение рабочего дня, предоставление выходных дней, улучшение

¹ «Oriental Economist», октябрь 1939 г.

² По другим данным («China to-day», сентябрь 1939 г.), за первые пять месяцев 1939 г. произошло 1 150 стачек с более 100 тыс. участников. По месяцам они распределяются так:

	Число конфликтов	Число участников
Январь	67	3 263
Февраль	136	10 213
Март	206	18 500
Апрель	326	31 343
Май	415	37 658
Всего	1 150	100 977

Из этих цифр видно, что количество стачек в мае 1939 г. в 6 раз превосходит их число в январе, а количество участников стачек — в 12 раз.

условий труда, выплата выходного пособия, возвращение уволенных на работу и, наконец, требование выдачи пособий мобилизованным и их семьям.

Многие стачки вылились в крупные забастовки. Таковы стачки рабочих военных заводов в Осака в декабре 1937 г., организовавших демонстрацию по улицам города; 2 500 рабочих токийской электрической компании в апреле 1938 г.; рабочих судостроительной компании Касадо док (в Ямагуци) в мае того же года. Забастовка последних продолжалась целый месяц и окончилась победой рабочих. Они добились улучшения условий труда и восстановления на работе уволенных участников забастовки. Тогда же происходила забастовка на предприятиях крупнейшей цементной компании Онода Сементо. Рабочие добились повышения заработной платы на 8—10 проц. и выплаты пособий при увольнении. В июне 1938 г. огромная забастовочная волна прокатилась по индустриальному району Кавасаки (близ Токио). В июне же крупные забастовки имели место на рудниках, принадлежащих компании Сиова (префектура Ямагата), и в Осака на фабрике Осака Куреон. В результате забастовки осакским рабочим удалось добиться повышения заработной платы мужчин на 30 проц. и женщин на 15 проц., а также выплаты пособий солдатским семьям в размере полного заработка в течение трех месяцев с момента отправки рабочего на фронт, 80 проц. — в последующие три месяца и 60 проц. — после шести месяцев¹.

В августе 1938 г., по словам бежавшего в Китай деятеля антивоенного движения Аояма, в Японии происходили многочисленные забастовки рабочих. Бастовали рабочие на 23 фабриках и заводах Токио и других городов.

Неоднократно в 1938 г. (в феврале, мае и июне) бастовали текстильщицы, в частности на текстильных фабриках компании Фудзи, требуя увеличения заработной платы на 30 проц. В забастовках принимало участие до 3 тыс. работниц. Забастовки происходили у городских транспортников — автобусников, шоферов такси (Токио, Осака), портовых рабочих, моряков и др.

Забастовки не прекращаются и в 1939 г. С начала

¹ «Коммунистический Интернационал», № 11, 1938 г.

года, в январе, упорно бастовало свыше тысячи рабочих завода Мэйдзи в Кавасаки, требуя увеличения заработной платы на 20 проц. В феврале забастовали летчики и обслуживающий персонал Японской авиационной транспортной компании. Они отказывались от работы на старых самолетах, вследствие изношенности которых происходят частые аварии. Кроме того летчики и другие работники компании требовали повышения заработной платы, увеличения выходного пособия и компенсации за увечья при авариях. В марте 1939 г. морякам пароходной компании Кавасаки кисен в Кобэ в результате забастовки удалось добиться увеличения заработной платы на 10 проц.

В стачечную борьбу во время войны все больше вовлекаются рабочие крупной, в том числе и военной промышленности (стачки в 1939 г. на сталелитейных заводах «Нихон Цюдзо», «Накаяма Кото», «Цуруми Сэйрай Сэйтэцу», на судостроительном заводе в порту Симидзу и др.). Знаменателен также рост участия в забастовках во время войны женщин — самой эксплуатируемой и бесправной части японского пролетариата.

Прогрессирующее ухудшение экономического положения рабочих неизбежно толкает их на отчаянную борьбу, невзирая ни на какие репрессии. Власти, обеспокоенные ростом стачечного движения во время войны, изыскивают всяческие способы приостановить его. Им не удается скрыть свое растущее беспокойство. Директор посреднического бюро столичной полиции Мицунэ заявил: «Требования повышения заработной платы из-за роста стоимости жизни поступают отовсюду. Если положение вещей останется таким же, то в самом непродолжительном будущем произойдет огромное количество трудовых конфликтов, серьезно угрожающих промышленности»¹.

«Japan Times» сообщала, что токийская полиция в мае 1938 г. была вынуждена принять меры, для того чтобы «приостановить и предупредить трудовые конфликты, возникающие под влиянием затянувшейся войны и могущие возникнуть в будущем при сужении военной промышленности по окончании войны».

На состоявшемся в конце августа 1938 г. в министер-

¹ «Japan Times», 27.IV.1938.

стве внутренних дел совещании полицейских властей было снова признано необходимым «строжайшее пресечение трудовых конфликтов, возникающих на почве роста дороговизны и трудности жизни, так как они разжигают классовую борьбу и вызывают общественное волнение»¹.

Говоря о стачечном движении в Японии во время войны, следует подчеркнуть, что стачки, происходящие в условиях военного времени, несмотря на запрещение властей, приобретают одновременно и характер антивоенных выступлений.

3. ПОЛИЦЕЙСКИЙ «АРБИТРАЖ»

Возникающие трудовые конфликты власти пытаются локализовать и быстро разрешать путем «арбитража», что не исключает, а, наоборот, предполагает одновременное проведение репрессий в отношении бастующих. Не случайно поэтому в Японии арбитром в трудовых конфликтах выступает преимущественно полиция. Беспощадно подавляя всякое недовольство рабочих, она же выступает и в роли «посредника» между рабочими и предпринимателями, иногда даже становясь в позу якобы «защитницы» интересов рабочих. Это делается для того, чтобы предупредить назревающую забастовку на каком-либо имеющем важное военное значение предприятии. Кое-где такой полицейский посредник «добивается» мизерной прибавки дневной заработной платы на 3—5 сэн и принуждает рабочих к компромиссу. Разумеется, подобное «умиротворение», достигнутое посредством шовинистической демагогии и угроз, путем запугивания рабочих, ни в какой мере не удовлетворяет последних. Недовольство вскоре вспыхивает снова. Как правило же, посредничество полиции в конфликтах кончается репрессиями против рабочих и полной победой хозяев.

Этот принудительный арбитраж за последние годы был применен к 40 проц. трудовых конфликтов. Однако в общем случаи арбитражного решения конфликтов уменьшились, несмотря на то, что в обстановке военно-инфляционной конъюнктуры вмешательство государства в отношения между трудом и капиталом усилилось. Рабочие все настойчивее добиваются полного удовлетво-

¹ «Japan Weekly Chronicle», 1.IX.1938.

рения выдвинутых ими требований и все чаще отвергают арбитраж. Такая тенденция в экономической борьбе японских рабочих отчетливо проявляется с 1937 г. В том же году, например, из 800 случаев арбитража (на 2 162 конфликта) 44 проц. закончились компромиссом, 30 проц. — удовлетворением требований рабочих, остальные 26 проц. всех случаев арбитража не достигли результата: рабочие, не соглашаясь с решением арбитража, отказались от полицейского посредничества. «Вследствие господствующего среди рабочих радикального настроения существует сильное нежелание прибегать к посредничеству властей», — писала близкая к полиции газета «Сякай ундо цусин» уже во время войны¹.

Наряду с тем, что полицейские власти неизменно вмешиваются в трудовые конфликты, оказывая давление на рабочих в пользу предпринимателей, существуют еще и другие причины, ослабляющие экономическую борьбу японских рабочих. Это прежде всего широко проводимая шовинистическая пропаганда, рассчитанная на одурманивание сознания рабочих, обман их с помощью безудержной демагогии.

Существующая в Японии постоянная безработица, которая, как мы видели, сильно возросла особенно во время войны, также отрицательно влияет на развитие стачечного движения. И если тем не менее японские рабочие, не страшась последствий, решительно вступают в неравную борьбу с эксплуататорами, то эта борьба носит исключительно самоотверженный характер. «...Для стачки тоже требуется мужество и даже большее, часто гораздо большее мужество, гораздо более смелая и твердая решимость, чем для восстания. Если рабочий, знающий по опыту, что такое нищета, смело идет ей навстречу с женой и детьми, месяцами переносит голод и нужду и остается твердым и непоколебимым, то это поистине не бездельца»².

4. ПРЕДАТЕЛЬСТВО ЛИДЕРОВ РЕФОРМИСТСКИХ ПРОФСОЮЗОВ

Полицейско-предпринимательский террор, всячески подавляющий рабочих, дополняется еще и предатель-

¹ «Сякай ундо цусин», 9.IV.1938.

² *Энгельс*, Положение рабочего класса в Англии, *Маркс и Энгельс*, Соч., т. III, стр. 507.

ской деятельностью лидеров реформистских профсоюзов. Эти лидеры не защищают интересов рабочих. Свою продажную предательскую сущность они лишней раз выявили с начала войны. Крупнейшее в Японии профсоюзное объединение Дзеннихон родо содомэй (Всеяпонская конфедерация труда) в своей декларации «О новом направлении союза» провозгласило в качестве основного лозунга «сотрудничество» труда с капиталом в нынешнее чрезвычайное для Японии время». Кроме того лидеры Сodomэй встали на путь запрещения и активного подавления забастовок. На конференции в октябре 1937 г. они приняли решение: «Стачки и забастовки во всех отраслях промышленности должны быть полностью запрещены, дабы не чинить помех производству в военное время». Было принято также решение, обязывающее всех членов профсоюзов производить ежемесячные отчисления из заработной платы на нужды войны, приобретать все выпускаемые военные займы, отчислять на подарки солдатам на фронт и в фонд помощи семьям мобилизованных. Продажные лидеры реформистских союзов поддерживают любые мероприятия военщины, направленные к удушению самостоятельного рабочего движения, поддерживают всякое новое наступление буржуазии на жизненные интересы рабочего класса.

«Главное, чего особенно добиваются буржуазия всех стран и ее реформистские прихвостни, — это то, чтобы искоренить в рабочем классе веру в свои силы, веру в возможность и неизбежность его победы и тем самым увековечить капиталистическое рабство»¹.

Однако проповедуемое реформистами «сотрудничество труда и капитала» и отрицание ими классовой борьбы не встречает поддержки у широких рабочих масс. Лучшим подтверждением этого может служить приводимое ниже довольно откровенное высказывание, проскользнувшее в газете «Сякай ундо цусин» (9.IV.1938). Автор статьи, говоря о том, что капиталисты рассматривают пресловутое сотрудничество только как возможность безнаказанно усиливать эксплуатацию рабочих, пишет:

¹ Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии о работе ЦК ВКП(б), стр. 63.

«Распространенная теория о контакте рабочих с капиталистами в действительности не подтверждается. Внешне такая форма сотрудничества существует, но фактически культивируется еще более острая борьба. Нынешние рабочие не идут слепо за профсоюзными лидерами, как это было прежде. Рабочие прекрасно понимают, что руководители больше стараются для своего благополучия, нежели для членов союза, и, стремясь к действительному рабочему движению, они начинают изыскивать более эффективные пути».

Газета указывает далее, что реформистская Содомэй, декларировавшая вначале «сотрудничество труда с капиталом», вынуждена теперь под давлением рабочих проводить забастовки.

Самоотверженная борьба японских рабочих в условиях войны заставляет во многих случаях лидеров профсоюзов идти на уступки, иначе они рискуют окончательно потерять свое влияние среди этих рабочих. Характерная особенность стачечного движения накануне и во время войны состоит именно в том, что в подавляющем большинстве случаев стачки возникали снизу, через голову реформистских профсоюзов, минуя их. Лидерам последних ничего больше не оставалось, как включиться и возглавить данное выступление рабочих, что, однако, не исключало сговора их с предпринимателями и полицией за спиной бастующих.

III. ПРОФСОЮЗЫ И БОРЬБА ЗА ПРОФСОЮЗНОЕ ЕДИНСТВО

I. ПРОФСОЮЗЫ В ЯПОНИИ

Чудовищная эксплуатация и бесправие японского пролетариата объясняются в значительной степени его недостаточной организованностью. Едва лишь 6—7 проц. промышленных рабочих объединено в профсоюзы. Существование 800 мелких и мельчайших, зачастую даже враждующих между собой профсоюзов также свидетельствует об организационной слабости японского пролетариата.

Почти совсем не организованы женщины-работницы, составляющие примерно половину всех японских фабрично-заводских рабочих: только 1,1 проц. работниц охвачены профсоюзами.

Бывший директор токийского отделения Международного бюро труда при Лиге наций Аюдзава считает, что «главная причина слабости японского профдвижения заключается в постоянном подчеркивании предпринимателями своего патернализма»¹. С помощью дополнительных «пособий»-подачек, которые иногда бросаются рабочим, хозяева насильно удерживают их от вступления в союзы. Предприниматели стремятся удержать рабочих от вхождения в профсоюз не только методами экономического и идеологического воздействия, но и прямыми репрессиями по отношению к членам профсоюзов. Но главная причина слабости развития профсоюзного движения заключается в том, что рабочих отталкивает предательская политика лидеров профсоюзов, отказывающихся защищать интересы рабочих.

Значительной части японского пролетариата вовсе запрещено состоять в каких-либо профсоюзах. Это относится к 200-тысячному отряду японского пролетариата — железнодорожникам, к 100 тыс. рабочих военных

¹ Патернализм — от латинского слова «патер» — отец. Японская буржуазия, пытаясь ослабить классовое самосознание рабочих, стремится представить отношения между капиталистами и рабочими как отношения между отцом и «благодетельствуемыми» им детьми.

арсеналов, 200 тыс. работников связи, государственным служащим и др. Они принудительно объединяются в так называемые «казенные» союзы, в руководстве которыми главная роль принадлежит высшей администрации¹.

К началу 1938 г. в Японии насчитывалось 395 290 членов профсоюзов, что составляет 6,2 проц. к общему числу (6,4 млн.) цензовых промышленных рабочих. По степени организованности последние распределяются²:

Категории рабочих	Всего	Из них членов профсоюзов	Проц. организованных рабоч.
Фабрично-заводские	3 406 969	165 214	4,8
Горняки	366 171	5 068	1,4
Транспортники и связисты	549 324	180 193	32,8
Поденные рабочие	2 099 869	44 815	2,1
Итого	6 422 333	395 290	6,2

Две трети всех организованных в профсоюзы японских рабочих составляют транспортники и металлисты. Остальное количество расплывается по всем другим отраслям промышленности. Это видно из следующей таблицы³:

Отрасли промышленности	Число профсоюзов	Число членов профсоюзов	Из них женщин
Транспорт	117	171 445	5 262
Машиностроительная	76	98 829	1 844
Химическая	91	21 747	3 764
Полиграфическая	115	19 567	2 721
Текстильная	31	10 075	5 139
Строительная	31	6 676	4
Горная	14	5 068	—
Пищевая	29	4 526	502
Газ и электричество	13	10 470	45
Связь	41	8 748	91
Прочие	276	38 139	2 442
Итого	837	395 290	21 714

¹ В Японии имеется несколько мелких профсоюзов железнодорожников, которые объединяют работающих на принадлежащих частным компаниям железных дорогах.

² «Родо дзико», июль 1938 г.

³ Там же.

Большинство профсоюзов в основном мелкие и мельчайшие, часть их носит узко цеховой характер, строится не по производственному принципу, а по профессиям. Из 837 союзов 207 с 28 тыс. членов являются цеховыми профсоюзами, 407 с 335 тыс. членов — производственными и 223 с 32 тыс. членов — смешанными.

Более половины всех профсоюзов—450 со 113 тыс. членов — не входят ни в какие объединения и являются совершенно самостоятельными, и лишь остальные 387 союзов с 282 тыс. членов объединяются в общенациональные или местные межсоюзные федерации. Крупнейшая из них—упоминавшаяся нами Всеяпонская конфедерация труда (Дзэннихон родо содомэй), которая объединяла 119 союзов с 100 тыс. членов профсоюзов¹. Из наиболее крупных профсоюзов в Японии следует выделить союз японских моряков (Нихон кайин кумиай), насчитывающий 113 тыс. членов.

подавляющая часть профсоюзов — реформистские, проповедывающие мирное сотрудничество между трудом и капиталом и отрицающие классовую борьбу. Большинство реформистских союзов во главе с Сodomэй и союзом моряков находится под влиянием партии Сякай тайсюто и примыкает к так называемому Конгрессу японских профсоюзов — Нихон родо кумиай кайги, номинально представляющему около 250 тыс. членов союзов (свыше 60 проц. всех организованных рабочих).

Распущенные в декабре 1937 г. и запрещенные ныне профсоюзы, стоявшие на позициях классовой борьбы, объединяли свыше 33 тыс. человек. Этими, как их называли, лево-легальными союзами являлись Всеяпонский совет профсоюзов (Нихон родо кумиай дзэнкоку хёгикай, сокращенно Дзэнхё), насчитывавший 16 тыс. членов, и близко примыкавшая к нему Федерация японских транспортников (Нихон коцу родо соренмэй)—17 тыс. членов. Крупнейшим союзом, входившим в эту федерацию, был токийский союз транспортников (Токио коцу родо кумиай, сокращенно Токо) с 12 тыс. членов. Лево-легальные союзы находились под политическим влиянием партии Нихон мусанто².

¹ В самое последнее время произошел раскол этой федерации. Подробно об этом см. ниже (стр. 92—93).

² Существовавшая ранее нелегальная, руководимая компартией революционная профсоюзная федерация Дзэнкоку кёгикай в 1935 г.

Часть рабочих находится в крайне реакционных, националистских профсоюзах, прикрывающихся «патриотическими» ярлыками. Некоторые из них отличаются махрово шовинистской окраской, проповедают «японизм»¹. Объединяет их безудержная, оголтелая, оперирующая «антикапиталистическими» лозунгами демагогия, которая так характерна для крайних элементов японской военщины и с помощью которой они стремятся влиять на наиболее отсталые слои рабочего класса. Часть этих союзов при активной поддержке военщины вошла во Всеяпонское объединение патриотических профсоюзов (Айкоку родо кумнай дээнкоку конвакай), организацию, число членов которой определялось в 1937 г. в 44 тыс. Создание такого «патриотического» объединения имело своей целью предотвратить движение за профсоюзное единство, активно проводимое левыми профсоюзами и встречавшее сочувствие у рядовой профсоюзной массы.

2. ДВИЖЕНИЕ ЗА ПРОФСОЮЗНОЕ ЕДИНСТВО

Движение за единство профсоюзов началось в самом промышленном центре Японии, Осака, еще в 1933 г. Во время забастовки на металлургическом заводе «Осака теккосё» на призыв стачечного комитета о поддержке откликнулось большинство заводов Осака, которые оказали бастующим денежную помощь. В комитете помощи, созданном из представителей всех осакских профсоюзных организаций, приняли участие даже некоторые «патриотические» союзы, например, союз рабочих «Дженерал моторс». Комитет был разогнан полицией и члены его арестованы, но связь, установленная во время этой забастовки с целым рядом союзов, не прекратилась и постепенно крепла.

после VII конгресса Коминтерна распустила свои организации с тем, чтобы члены революционных профсоюзов проводили работу в легальных профсоюзах, куда входит большинство рабочих данного предприятия. Это было направлено на ускорение создания профсоюзного фронта в Японии.

¹ «Японизм» проповедует шовинистский национализм, расовое превосходство японцев над другими народами, верноподданническое служение «божественному» императору. Идеологи «японизма» преследуют этим полный отказ рабочих от классового самосознания и классовой борьбы, призывая «отбросить классовую односторонность и совместно с капиталистами служить развитию национальной промышленности».

С середины 1935 г. движение за единство возобновилось с новой силой, когда рабочие-металлисты крупнейшего фабричного района Коонан (Осака), члены реформистских федераций Содомэй и Дзэнро, потребовали слияния этих федераций. Начало этому было положено в этом же районе: 1700 членов Содомэй и 2800 членов Дзэнро объединились в борьбе за полное слияние их союзов. Они заявили: «если даже лидеры наших союзов и будут против, мы до конца будем бороться за полное слияние». 4500 металлистов Коонанского района создали совет по ускорению объединения профсоюзов. Главное участие в этом совете принимали не профчиновники, а сами рабочие. Это было самостоятельное движение рабочих, возникшее по инициативе масс.

В одном из японских буржуазных журналов читаем: «Движение за единство возникло снизу, непосредственно у рядовых членов профсоюзов, по трем причинам. Первая — чрезвычайно ухудшились условия труда и сильно понизился уровень жизни рабочих; вторая — крайняя продажность большинства признанных лидеров профсоюзов в Японии; третья — никаких перспектив улучшения положения рабочих сверху и предчувствие краха военно-инфляционного бума, который должен наступить и еще больше ударить по рабочим»¹. Этот же журнал отзывался об осакских рабочих, поднявших знамя борьбы за единство, так: «самое характерное, что все они являются рядовыми фабрично-заводскими рабочими, притом высококвалифицированными, а не профсоюзными деятелями».

Движение за единство охватило не только профорганизации Осака, оно встретило горячий отклик во всей Японии. Почти одновременно в Токио образуется Комитет профсоюзов района Кото, объединивший 4 тыс. членов различных профсоюзов. Наиболее передовые рабочие требуют объединения всего японского профдвижения, начав со слияния основных профсоюзных федераций Содомэй и Дзэнро и лево-легальной Дзэнхэ. Вскоре в Токио создается и другой объединенный комитет промышленного района Дзэнан, охвативший около 5 тыс. человек. Этот комитет объединил не только местные реформистские и лево-легальные союзы, но и некоторые патриотические

¹ «Contemporary Japan», март 1936 г.

и так называемые независимые рабочие союзы. Комитет Дзёнанского района обратился с призывом к рабочим Осака — установить единый фронт заводских организаций ряда союзов, не ограничиваясь лишь двумя — Содомэй и Дзэнро.

Одновременно происходит процесс объединения союзов вокруг реформистского конгресса профсоюзов Кумий канги в Нагоя, Кобэ и на островах Хоккайдо и Кюсю. На севере Кюсю развертывается, по инициативе объединившихся там 6 профсоюзов, движение за установление рабочего законодательства, «за завоевание законов по охране рабочих». К этому движению со своими лозунгами примкнули местные организации крестьянского союза и организация париев Суйхэйся¹.

Под напором масс реформистские лидеры вынуждены были уступить. Лидеры Содомэй и Сякай тайсюто, Судзуки, Абэ и другие соглашались на объединение, но только без участия лево-легальных профсоюзов. Вопреки воле широких профсоюзных масс реакционному профруководству удалось свести дело к объединению только двух федераций: Содомэй и Дзэнро (январь 1936 г.). Это вызвало тогда же протест со стороны рабочих Осака, где состоялись специальные совещания местных организаций Содомэй и Дзэнро с участием леволегальных профсоюзов.

Слияние этих двух крупных профорганизаций, хотя и оказавшееся, как мы увидим впоследствии, непродолжительным, привело к созданию в Японии крупнейшей профсоюзной федерации, насчитывавшей около 100 тыс. членов. Вскоре происходит объединение профсоюзов в военных арсеналах (ныне запрещенных властями), объединяются параллельные союзы газового производства и, наконец, в марте 1937 г. происходит слияние расколотого в конце 1935 г. союза моряков.

До 1935 г. союз моряков был единым. Крайне реакционным элементом внутри союза, возглавлявшимся

¹ Пария — отверженный, бесправный. «Суйхэйся» — организация японских париев — «эта», борющаяся за уравнивание их в правах со всеми. К сохраняющейся поныне с глубоких феодальных времен обособленной касте «эта» относится около 3 млн. японцев, рассматриваемых как низшие существа. Формально с 1871 г. они пользуются равноправием, но на деле они и сейчас остаются отверженными, и поддерживать с ними какие-либо отношения считается позорным.

агентами военщины Акадзаки и Фудзивара, удалось демагогическими приемами отколоть и увлечь за собой часть членов союза, около 20 тыс. человек — $\frac{1}{4}$ всех организованных тогда моряков. Был образован махрово-шовинистский «новый союз японских моряков» (Син-нихон кайин кумиай), проповедывавший «японизм» и полный отказ от борьбы за насущные экономические интересы. Обманутые рабочие, однако, очень скоро поняли свою ошибку и уже с середины 1936 г. под влиянием развернувшегося в стране движения за профединство потребовали возвращения в старый союз.

По единодушному требованию рядовых членских масс обоих союзов 18 руководителей нового союза моряков, в том числе Акадзаки и Фудзивара, были исключены из союза за «оппозицию против объединения и защиту принципов японизма». Формальное слияние обоих союзов, точнее — ликвидация нового союза моряков и вхождение всех его членов в старый, произошло в Кобэ 13 марта 1937 г.

Объединение профсоюзов оказало большое влияние на неорганизованных рабочих, усилив среди них тягу в профсоюз. После слияния союза моряков число вновь вступивших в него до конца 1937 г. составило около 8 тыс. человек, тогда как раньше ежегодный прирост союза выражался в 2,5—3 тыс. человек. При объединении профсоюзов в осакском арсенале к 7 тыс. членов союза прибавилось 2 тыс. новых. При объединении Дзэнро и Содомэй в префектуре Канагава газета «Сякай ундо цусин» отмечала: «имеется возможность благодаря объединению довести число членов союза до 10 тыс. против прежних 3,5 тыс. членов обоих профсоюзов».

Движение за профсоюзное единство сопровождалось подъемом стачечной борьбы. Именно этим объясняются то упорство, с которым велась стачечная борьба накануне войны, солидарность в этой борьбе и ее массовый характер.

Левые легальные профсоюзы, группировавшиеся вокруг федерации Дзэнхэ, неустанно боролись за профединство, рассматривая в качестве его основной базы Содомэй и Кумиай кайги. Они одновременно вели борьбу и с противящимся профединству реформистским руководством. Главную свою задачу классовые профсоюзы видели в борьбе за массы, в осуществлении единства снизу, учи-

тявая огромную тягу рядовых членских масс реформистских союзов к объединению. Свою тягу к единству японский пролетариат ясно показал во время парламентских выборов 1936 и 1937 гг., когда по призыву левых организаций выступал за единый список пролетарских кандидатов.

Левые профсоюзы неоднократно обращались к руководству реформистского конгресса профсоюзов об объединении, о вхождении их в конгресс, но всякий раз наталкивались на упорное сопротивление со стороны реформистских лидеров. Это, однако, не останавливало левые организации от дальнейшей борьбы за единство пролетариата.

Не случайно поэтому правящие круги направили свои удары в первую голову против левых организаций.

Еще накануне войны в результате неоднократных и упорных забастовок транспортников в Токио был распущен по приказу министерства внутренних дел токийский союз транспортников — Токо, активно возглавлявший эти забастовки.

С назначением в декабре 1937 г. на пост министра внутренних дел крайнего реакционера адмирала Суэцугу последовало запрещение и преследование всех организаций рабочего класса, стоящих на платформе классовой борьбы. Были запрещены партия Нихон мусанто, объединение лево-легальных профсоюзов Дзэнхэ и много других рабочих организаций. Одновременно было запрещено движение за создание единого пролетарского фронта в Японии.

В течение первого полугодия 1938 г. полицейскими властями было разогнано еще 156 профсоюзов. Продолжающийся в 1937, 1938 и 1939 гг. разгром профсоюзов является прямым следствием полицейского террора. К началу 1939 г. насчитывалось уже только 782 профсоюза против 837 в 1938 г. В числе распущенных профсоюзов — один из крупнейших: союз металлистов (Нихон сэйтецу дзюгоин куммай).

Характерным в этой связи является признание японского департамента труда о том, что рабочие беззащитны перед предпринимателями, проводящими снижение заработной платы и удлинение рабочего дня, ибо «вследствие сокращения рабочих союзов рабочие почти совер-

шенно потеряли право голоса»¹. Разгул жесточайшего террора во время войны привел к полнейшему бесправию японских рабочих.

3. РЕФОРМИСТСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ НА СЛУЖБЕ ВОЕНЩИНЫ

Услужливые лидеры реформистских союзов стараются все больше угодить японской военщине, всячески приспособляясь к ее требованиям. Кроме реформистского Содомэй, декларировавшего в начале войны о «новом направлении», можно привести еще и другой пример с союзом моряков.

Реакционные лидеры этого самого крупного в Японии профсоюза добились на конференции в мае 1938 г. изменения программы и устава.

Если в старой программе (она была принята всего лишь в 1937 г. и просуществовала меньше года) имелись такие, правда, очень туманные выражения, как «освобождение пролетариата», «право на существование моряков», то новая программа избегает даже и их. Они заменены такими, как «японизм», «завершение миссии империи» и тому подобными терминами крайне реакционной военщины.

Любопытно отметить, что делегатам конференции, состоявшим исключительно из профчиновников, было предложено без всяких прений принять предложение руководства союза. Работа конференции была ограничена несколькими часами. Большую часть времени заняли церемонии поклонения императору и всевозможные чествования военщины. Помещение конференции украшал лозунг «За сотрудничество в промышленности и гегемонию на море». «После всевозможных приветствий и утверждения предложенной руководством союза резолюции конференция благополучно исчерпала свою повестку и в пятом часу пополудни, после провозглашения долголетия императору, закрылась», — так описывает конференцию журнал «Сякай сэйсаку дзихо» (июнь 1938 г.).

По вопросам, актуальным для моряков, настойчиво выдвигаемым снизу (повышение заработной платы в связи с дороговизной, оплата внеурочных работ, улучшение питания на судах, создание санитарно-гигиенических

¹ «Асахи», 22.III.1938.

условий, улучшение обращения с командой и помощь семьям мобилизованных), конференция приняла следующее решение, по существу отвергающее все эти требования.

«Несмотря на то, что сами по себе эти требования являются крайне важными, мы обязаны обсуждать их с точки зрения годности или непригодности в соответствии с обстановкой. Поэтому проведение конкретных мероприятий мы доверяем руководству союза, под чьим контролем будем стремиться идти вперед».

Лидеры союза моряков в ответ на бойкот японских товаров и отказ со стороны многочисленных профорганизаций транспортников за границей перевозить грузы Японии выступили с резкими протестами перед английским, австралийским, канадским и американским союзами моряков. По прямому указанию японских военных властей они порвали многолетнюю связь с международной транспортной федерацией (МТФ), официально известив в сентябре 1937 г. о выходе из нее. Мотивами явились поддержка МТФ бойкота японских товаров и перевозок грузов в Японию.

Факт принятия спустя год после объединения новой программы союза, приближающейся по духу к отвергнутым так недавно массами рядовых моряков «принципам японизма», свидетельствует о дальнейшем повороте руководства вправо. Рядовые моряки, однако, недовольны политикой, проводимой реакционным руководством.

Неоднократные антивоенные выступления моряков лучше всего свидетельствуют об их действительных настроениях и о том, что они не одобряют реакционной политики своих лидеров.

Много моряков было арестовано в Кобе и Осака, где с начала войны имели место стачки протеста против экспансии японской военщины в Китае. В декабре 1937 г. моряки военных транспортов в осакском порту приняли участие в бунте отправляемых на фронт солдат. В мае 1938 г. союз моряков подвергся ожесточенным нападениям японской реакционной прессы, требовавшей его роспуска и запрещения в связи с тем, что у моряков был обнаружен отпечатанный на спичечных этикетках «гимн японских моряков». Указывалось, что гимн, который повсюду распевался моряками, «похож на песню о красном знамени, возбуждает непокорность и призывает к классовой

борьбе». «Совершенно ясно, — писал махровый чернотенный листок «Нихон», — что союз демонстрирует до конца свою антивоенную позицию и способствует расширению классовой борьбы. Исходя из этого, необходимо запретить этот союз»¹. Следует подчеркнуть, что этот характеризующий членскую массу союза моряков факт имел место в самый разгар войны.

В своем рвении услужить реакционной военщине руководство реформистских профсоюзов совместно с партией Сякай тайсюто направило в конце 1937 г. одного из своих лидеров, Бундзи Судзуки, в качестве «посланца японских рабочих» в США. Миссия Судзуки, облеченного еще и правительством полномочиями «посланника всей нации», состояла в разъяснении американским рабочим и народу «истинных целей» японской войны в Китае и в предотвращении тем самым бойкота японских товаров в Америке. Эта миссия закончилась полнейшим провалом. Везде, и в особенности в рабочих организациях, Судзуки был встречен с подчеркнутой холодностью и даже враждебностью. Удержать американских трудящихся от осуждения политики Японии в Китае и от бойкота японских товаров, разумеется, ему не удалось. «Посланник рабочих и нации» разочарованный вернулся домой ни с чем. Этого не скрывал и он сам, заявив, «что все американские профсоюзы намерены проводить кампанию бойкота японских товаров и впредь, и бесполезно вести с ними обсуждение этого вопроса дальше. Следовательно, все мои усилия оказались напрасными»².

Социал-предательское руководство реформистского Содомэй вместе с лидерами партии Сякай тайсюто отменили празднование в Японии международного дня пролетарской солидарности — 1 мая. «В прошлом и позапрошлом годах, — писала по этому поводу японская буржуазная печать, — первомайские демонстрации не состоялись по причине запрещения их властями. В нынешнем же, 1938 году подобное решение принято рабочим союзом добровольно и по собственному почину». Празднование 1 мая заменено празднованием 11 февраля «кигенсэцу» — дня основания японского государства по японской мифологии. Эти же лидеры полностью поддер-

¹ См. «Известия» от 15 мая 1938 г.

² «Daily Worker», New-York, 8.XII.1937.

жали японское правительство, когда оно в начале 1939 г. порвало с Международным бюро труда при Лиге наций.

Проводимая предательским руководством реформистских профсоюзов политика вызывает огромное недовольство широких масс членов этих союзов. Это недовольство открыто выявилось на конференции Содомэй, происшедшей уже во время войны — в октябре 1937 г. Английская газета «Daily Worker» сообщала, что «на первом же заседании конференции отчетливо выявились серьезные разногласия по целому ряду принципиальных вопросов между руководством и рядовыми членами союза. Мацуока, председатель Содомэй, вынужден был признать существование этих разногласий внутри федерации. Мацуока заявил следующее: «Хотя настоящий момент требует роста и усиления патриотизма рабочих и крестьян, в действительности же этого не наблюдается. Японские рабочие и крестьяне отрицательно относятся к лозунгу «единение нации», выдвинутому, как они выражаются, «бюрократией, военщиной и капиталистами»¹.

Реформистские профорганизации таким образом не являются едиными. Рядовая членская масса все более осознает, каким серьезным препятствием в борьбе рабочего класса является его организационная раздробленность, выгодная лишь правящим кругам, действующим по принципу «разделяй и властвуй». Благодаря неустанной деятельности компартии этим сознанием проникается все большая часть японских рабочих. В результате растет стремление к объединению раздробленных сил пролетариата.

4. ЗУБАТОВЩИНА

Видя, что идея пролетарского единства пустила глубокие корни среди рабочих, власти стремятся использовать это настроение масс в реакционных целях. Реакционная военщина и полиция стараются направить движение за единство на путь «японистского», «националистского» движения. С целью отвлечь рабочих даже от реформистских профсоюзов правительство с 1938 г. вступило на путь создания «патриотических» рабочих союзов, стоящих на платформе «промышленного служе-

¹ «Daily Worker», London, 19.X.1937.

ния отечеству», отрицания забастовок и «ликвидации конфликтов между трудом и капиталом». Эта зубатовщина широко насаждается правящими кругами (непосредственно ведает этим правительственный департамент труда). Повсеместно при активном участии полиции организуются «патриотические рабочие союзы» (Родо хококу кай), входящие в объединение «Промышленный патриотический союз» (Сангё хококу кай). Возглавляет эту реакционную кампанию генерал-майор Мацумото, назначенный начальником «патриотического объединения рабочих и крестьян». Помогает ему в этом, кроме полиции, и Общество примирения труда и капитала (Кётёкай), во главе с бывшим министром внутренних дел в кабинете Хаяси — Каварада. Все они, по словам японской печати, «проводят широкую кампанию по превращению организаций японских рабочих в патриотические союзы — Родо хококу кай, которые решено организовать повсеместно как стандарт для всех рабочих союзов». В первую очередь такие патриотические союзы насаждаются на предприятиях военной промышленности, а также вместо распущенных властями классовых профсоюзов (например, у токийских транспортников вместо прежнего Токо).

О том, что усиленно насаждаемая зубатовщина направлена не только против левых профорганизаций, но и реформистских, свидетельствуют высказывания «Цюгай сёгё», которая с энтузиазмом поддерживает это мероприятие японских властей. «Последние годы, — пишет эта газета, — стимулировали объединительное движение рабочего класса, и возросшая борьба рабочих с капиталистами приобретала резко выраженную левую окраску. Реализуемый же ныне правительством план совершенно не оставляет места для противоречий интересов труда и капитала и для классовой борьбы. Это совершенно отлучено от принятого до сих пор (реформистами. — Ю. Л.) принципа гармонии труда и капитала, предполагающего дифференциацию между капиталистами и рабочими»¹.

Другая газета, «Сякай ундо цусин», похвально отзываясь о предательской деятельности лидеров реформистских профсоюзов, считает, однако, что и эти союзы следует распустить, ибо они все же «вносят трения в сотрудничество между трудом и капиталом».

¹ «Japan Weekly Chronicle», I.IX.1938.

Процент вовлеченных в «патриотические» союзы рабочих был вначале ничтожен. Учитывая это, правительство встало на путь широкого принуждения и кроме того решило привлечь в качестве «основной базы» создаваемого «патриотического» объединения существующие профсоюзы и другие организации трудящихся. Так, одними из первых в Сангё хококу кай были привлечены Общество патриотических рабочих и крестьян (Айкоку родо номин досикай) и казенный профсоюз работников связи. Многие реакционные лидеры реформистских профсоюзов, идя навстречу правительству, сами изъявляли готовность войти в указанное объединение. Отдельные реформистские лидеры колебались. В некоторых союзах по вопросу о принятии предложения правительства наметились серьезные расхождения, приведшие к острой борьбе. В результате непрекращающегося давления со стороны военщины, добывающейся всеми способами консолидации тыла, целый ряд реформистских союзов один за другим вошел в созданное правительством патриотическое объединение. В конце 1938 г., преодолев колебания части руководства, в Сангё хококу кай в качестве его «основной базы» вошла и реформистская конфедерация — Нихон родо кумиай кайги, а затем и Содомэй.

Однако и этого оказалось недостаточно для наиболее реакционной части руководства Содомэй, представляемой ее вице-председателем Коно (в прошлом лидер профсоюзной федерации Дзэнро, слившейся в 1936 г. с Содомэй). Вхождение в патриотическую лигу еще не означало полной перестройки реформистских профсоюзов по типу «патриотических рабочих союзов». Они хотя и придали своим действиям несколько большую «патриотическую» окраску, но продолжали попрежнему оставаться тред-юнионистскими организациями с преобладанием функций и задач им присущих. Председатель Содомэй Мацуока декларировал с самого начала, что его федерация будет «сотрудничать» в патриотическом рабочем движении «постольку, поскольку ее независимость и самостоятельность останутся ненарушенными». Коно и его сторонники (Бундзи Судзуки, Камэи, Сиратори, Цино и др.) требовали дальше идущей реформы Содомэй и всех входящих в него профсоюзов, требовали превращения их в правительственные «патриотические союзы» и полного отказа от «защиты интересов од-

них только рабочих». Коно настаивал на роспуске профсоюзной федерации Содомэй, что необходимо, по его мнению, с патриотической точки зрения, и на реорганизации профсоюзов в патриотические рабочие ассоциации, как того требуют власти, с целью «реформы промышленной структуры страны в соответствии с требованиями патриотизма и войны». «Обстановка военного времени, — заявил Коно, — требует иного рода деятельности, чем защита интересов одних только рабочих. Содомэй должна отбросить свою традиционную позицию защиты только интересов рабочих... Поскольку патриотическому рабочему движению покровительствует ныне само правительство, все рабочие должны следовать этому национальному принципу»¹.

В противоположность Коно председатель Содомэй Мацуока и его сторонники не считают необходимым создание какой-либо новой организации, для того чтобы «следовать национальному принципу», и полагают, что существующая ныне структура федерации совместима с патриотическим движением. «Мацуока и его группа, — указывает японская печать, — непоколебимы в своем убеждении, что федерация Содомэй должна служить интересам рабочих в той же мере, как и делу национально-патриотизма»².

В результате непримиримой позиции, занятой обеими фракциями, после непродолжительной, но острой борьбы в конце июля 1939 г. произошел раскол федерации; из последней выделилась фракция Коно. Вместе с ней от Содомэй откололась представляемая этой фракцией часть профсоюзов, насчитывающая 31 тыс. членов и объединившаяся ныне во вновь созданном Коно «патриотическом рабочем клубе». Что касается другой фракции — Мацуока, то она намерена продолжать тред-юнионистское движение с оставшимися в Содомэй 60 тыс. членов профсоюзов.

Если отбросить всю словесную шелуху о «патриотизме», усиленно раздуваемом ныне японской военщиной по совершенно понятным причинам, то далеко зашедшие, как это кажется на первый взгляд, разногласия реформистской верхушки представляются в совершенно ином виде. Налицо желание одной части наиболее реакцион-

¹ «Japan Times», 25 и 26.VII.1939.

² Там же.

ных «рабочих» лидеров угодить правящей военщине ценой хотя бы открытого предательства интересов рабочих, снискать к себе ее благорасположение и этим повысить свои акции (и свое благополучие, ибо продажность так называемых «рабочих» лидеров, в особенности в Японии, общеизвестна). Другая же часть реформистского руководства стремится сохранить свое влияние на широкие массы рабочих, враждебно настроенных по отношению к военщине.

Настроение рабочих масс и их отношение к насаждаемому сверху «патриотическому движению» лучше всего характеризуют высказывания буржуазного журнала «Тоё кэйдзай симпо»: «В связи с двумя тенденциями, наметившимися в Содомэй, возникает вопрос, удастся ли Сангё хококу кай заполучить всеобщее доверие рабочих. Это сейчас еще более сомнительно, чем тогда, когда Сангё хококу кай создавался. Изданные правительством законы о регулировании труда и зарплаты еще больше обострили отношения между трудом и капиталом, усилили стачечное движение»¹.

По несомненно преувеличенным данным официального отчета, контролируемый правительством Сангё хококу кай объединял на 1 мая 1939 г. 2 342 союза с 1 150 тыс. членов.

По словам японской печати, согласно решению правительственного департамента труда все существующие профсоюзы в скором времени будут «добровольно распущены» и заменены зубатовскими.

Говоря о зубатовщине в Японии, следует вспомнить опыт нашей революции, опыт русского рабочего движения. Как известно, эта реакционная попытка царской охранки очень быстро окончилась полнейшим провалом. «Растущее революционное движение рабочего класса смело со своего пути эти полицейские организации»².

Тот факт, что японские власти вынуждены протаскивать свои реакционные махинации под флагом «борьбы за единство», показывает, как велика тяга рабочего класса к единству.

¹ «Тоё кэйдзай симпо», 26.VIII.1939.

² «История ВКП(б)», Краткий курс, стр. 30.

IV. БОРЬБА ЯПОНСКОГО ПРОЛЕТАРИАТА ПРОТИВ РЕАКЦИИ И ВОЙНЫ

1. ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1936 г.

Начавшийся в конце 1935 г. подъем рабочего движения, характеризуемый усилением тяги японского пролетариата к единству, вызвал одновременно рост массового движения всех слоев трудящихся против политической реакции и войны.

Движение за пролетарское единство выдвинуло непосредственно и логически вытекающую из него задачу создания единого рабоче-крестьянского фронта в Японии. По призыву японской компартии в движение за рабоче-крестьянское единство включилась самая влиятельная в Японии крестьянская организация — Всеяпонский крестьянский союз (Дзэнкоку номин кумиай). В конце 1935 г. из представителей крестьянского союза и левых легальных пролетарских организаций был создан объединенный комитет рабочих и крестьянских организаций по борьбе за издание законов о профсоюзах и земельной аренде. В выпущенном комитетом воззвании были выдвинуты требования:

«1) Свобода рабочих организаций, немедленное проведение закона о независимых профсоюзах. Свобода слова, собраний, печати, стачек.

2) Немедленное проведение закона об аренде земли, освобождении трудового крестьянства от полуфеодальной рабской системы аренды и обеспечение крестьянства землей».

Это совпало по времени с подготовкой к парламентским выборам в феврале 1936 г., а незадолго до этого, в конце 1935 г. и начале 1936 г., с выборами в местные префектурные и муниципальные органы.

В январе 1936 г. комитетом в связи с предстоявшими парламентскими выборами была созвана рабоче-крестьянская конференция в Токио, явившаяся дальнейшим шагом по пути создания и укрепления единого рабоче-крестьянского фронта. Конференция отличалась большой активностью и резкой антивоенной направленностью. Она прошла под лозунгами: «Союз рабочих и крестьян», «Борьба с милитаризмом и реакцией» — и имела большой успех.

Речи всех ораторов были пронизаны ненавистью к военщине и горячим стремлением к единству действий в борьбе с нею. Выступавшие заявляли: «Необходимо поднять совместное движение в городах и деревнях и двинуться подобно лавине».

Для успешной подготовки к парламентским выборам в ряде префектур, и в первую очередь в крупнейших, были созданы комитеты рабоче-крестьянских организаций (Роно кёгикай).

К начавшемуся таким образом совместному движению рабочих и крестьян против реакции и войны, за мир и демократические свободы примкнули вскоре и другие крестьянские союзы, организации потребительской кооперации, лига париев — Суйхэйся, а также различные молодежные организации — Лига молодежи сельской кооперации и Лига молодежи нового буддизма¹.

Усилившаяся реакция и наступление военщины на остатки демократических свобод не могли не вызвать протеста со стороны трудовой интеллигенции и мелкой буржуазии. Последняя в своей массе ощущала кроме того ущемление своих жизненных интересов со стороны преуспевающей на военных заказах и во внешней торговле крупной буржуазии. Непосильная конкуренция с промышленными концернами и крупными универмагами, пользующимися всяческой поддержкой правительства и

¹ Новобуддийская лига молодежи — Синко буккё сэйнен до-мэй — является религиозной пацифистской организацией, объединяющей трудящуюся молодежь. Проповедуя «реформу капитализма», она вместе с тем активно выступает против войны, за мир. Лига является сторонницей единого пролетарского фронта. Свою верность антивоенным лозунгам она подтвердила на парламентских выборах в 1936 и 1937 гг., развернув кампанию по поддержке пролетарских кандидатов.

военщины, неизбежно толкала и толкает поныне мелких предпринимателей и торговцев на путь оппозиции.

Компартия призвала всех трудящихся выступить на предстоящих парламентских выборах организованно, единым фронтом. Компартия выдвинула лозунг о едином избирательном списке пролетарских кандидатов. Организации, входящие в единый рабоче-крестьянский фронт, развили энергичную кампанию по всей стране, агитируя за пролетарских и антимилитаристских кандидатов. Особым успехом пользовалась агитация лево-легального профсоюзного объединения Дзэнхё, открыто и решительно выступавшего против реакции и войны.

Лево-легальные пролетарские организации так же энергично выступали и за кандидатуры партии Сякай тайсюто. Примыкавший к Дзэнхё союз трамвайщиков в своей предвыборной декларации указывал, что «там, где еще нет более левых кандидатов, победа кандидатов Сякай тайсюто будет способствовать политическому продвижению пролетариата в борьбе против реакции и общему подъему рабоче-крестьянского фронта».

В результате оказанной поддержки кандидатур Сякай тайсюто последняя добилась большого успеха. Вместо 5 мандатов в прошлом составе парламента она получила 18. Всего рабоче-крестьянские организации добились 23 депутатских мест. Впервые за всю историю японского парламента в него было избрано такое количество рабоче-крестьянских кандидатов. В их числе впервые в японский парламента был избран представитель «эта», лидер Суйхэйся — Мацумото.

За пролетарские кандидатуры, а также за кандидатуры партий, выступавших против увеличения военных расходов, было подано свыше 5 млн. голосов. Из этого количества голосов 738 тыс. получили Сякай тайсюто и левые организации. За открыто реакционно-шовинистических кандидатов было подано всего лишь 130 тыс. голосов. Это явилось первой крупнейшей победой антимилитаристов в Японии¹.

¹ На происходивших незадолго до этого выборах в префектурные и муниципальные советы (совещательные органы при губернаторах и мэрах) в целом ряде мест рабоче-крестьянских кандидатов было избрано значительно больше прежнего. Так, например, в Токио число их в совете префектуры увеличилось с 1 до 22 человек.

Исход выборов и для буржуазной партии Минсэйто, собравшей тогда наибольшее количество голосов, оказался успешным в значительной мере благодаря выставленным ею лозунгам сокращения военных ассигнований, направленным против крайних элементов военщины. Это показывает, насколько сильны были антивоенные настроения народных масс—не только рабочих и крестьян, но и городской мелкой буржуазии, интеллигенции, а также части недовольной средней буржуазии. Буржуазный журнал «Oriental Economist», орган японских биржевиков и промышленников, писал: «Выборы свидетельствуют о том, что японский народ добивается чего-то нового в правительственной политике, он стремится к политике, не похожей на ту, которая являлась до сих пор для Японии обычной. Что это не может быть политикой милитаризма, подтверждается катастрофическим поражением на выборах партии Сэйюкай и огромного числа правых кандидатов»¹.

2. ПАРТИЯ СЯКАЙ ТАЙСЮТО И БОРЬБА ЗА ПРОЛЕТАРСКОЕ ЕДИНСТВО

Парламентские выборы 1936 г. явились таким образом первой большой пробой сил растущего антивоенного движения в Японии. Мощное движение широких народных масс не было; однако, организационно оформлено. Этому упорно противодействовало реакционное руководство партии Сякай тайсюто, опасавшееся неизбежного в ходе борьбы полевения масс.

Обычное, принятое обозначение этой партии как социал-демократической не совсем правильно. Сякай тайсюто образовалась в 1932 г. в результате слияния двух партий: Дзэнкоку роно тайсюто (рабоче-крестьянская массовая партия) и Сякай минсюто (социал-демократическая партия), которая и тогда уже во многом отличалась от обычных партий этого типа. Нынешнее название—Сякай тайсюто—означает «социальная массовая партия». Она является массовой организацией типа английской лейбористской партии с индивидуальным и коллективным членством профсоюзных, крестьянских и мелкобуржуазных организаций и с гораздо более правореформистской и социал-шовинистской политикой.

¹ «Oriental Economist», март 1936 г.

Ее теперешняя программа отличается махровым монархическим верноподданничеством и оправданием захватнической политики японского империализма. Однако сказанное относится лишь к осуществляемой сверху политике реакционных лидеров, о которых речь будет ниже, но отнюдь не к членской массе этой партии.

Сякай тайсюто насчитывает около 340 тыс. членов. Подавляющая часть состоит из членов, входящих в Сякай тайсюто реформистских профсоюзов, Всеяпонского крестьянского союза, союза квартиронанимателей, организаций мелких торговцев и предпринимателей и др. Сякай тайсюто, следовательно, неоднородна по своему составу.

Еще большая неоднородность царит внутри партии в смысле идеологии ее членской массы. Известная часть членов Сякай тайсюто, в первую очередь из «рабочей аристократии», составляющей весьма тонкую прослойку в японском пролетариате, и из входящих в партию мелкобуржуазных элементов, поддерживает политику реакционных лидеров Сякай тайсюто. Преобладающая же масса членов партии не разделяет этой политики. Выше, на примерах стачечного движения и борьбы за профсоюзное единство, это было отчетливо видно. Это подтверждается также и борьбой против реакции и войны. Входящий в Сякай тайсюто Всеяпонский крестьянский союз (Дзэнкоку номин кумиай) одним из первых и вопреки реакционным лидерам партии примкнул к движению за единство. Руководство Сякай тайсюто всячески противодействовало этому. Оно отказалось от участия в рабочей-крестьянской конференции, чем вызвало впоследствии большое возмущение на съезде партии. Свою реакционную позицию оно объясняло нежеланием «объединяться с коммунистами» и вообще с «левыми».

Не разделяет политики реакционного руководства Сякай тайсюто и значительная часть входящей в нее трудовой интеллигенции. Отношение членской массы Сякай тайсюто к единству пролетариата определяется ее отношением к военщине. Подавляющая часть ее вместе с большинством трудящихся страны питает ненависть к реакционной военщине и стремится к действительным путям борьбы с ней.

Характерно поведение реакционных лидеров Сякай тайсюто в предвыборной кампании 1936 г. В начале избирательной кампании они даже не выставили лозунга

«борьбы против реакции» и лишь позже, в ходе избирательной борьбы, под сильным давлением снизу вынуждены были изменить тактику и призвать к «отпору реакционными силами».

Что же касается членской массы местных организаций Сякай тайсюто, все они, вопреки решению руководства, провели избирательную кампанию вместе с левыми пролетарскими организациями, под лозунгами борьбы с реакцией и войной и в защиту демократии¹.

В этих условиях победа Сякай тайсюто на выборах явилась в действительности поражением политики реакционных лидеров и победой ее антивоенно настроенных членских масс. Кроме того своим блестящим избирательным успехом Сякай тайсюто была обязана усилиям компартии и лево-легальных пролетарских организаций. Даже буржуазная японская печать отмечала, что «подобный исход выборов никогда и не снился никому из лидеров Сякай тайсюто, и они убедились и поверили этому только тогда, когда по окончании выборов были официально объявлены результаты»².

Японская компартия делает различие между реакционными лидерами Сякай тайсюто, вроде Асо и Камэи, сопротивляющимися пролетарскому единству, и входящими в эту партию массами рабочих, крестьян и других трудящихся, являющимися сторонниками единства.

Как уже указывалось, зачатки этого единства были заложены в ходе избирательной кампании в форме комитета рабоче-крестьянских организаций и аналогичных комитетов на местах (Роно кёгикай). В эти объединенные комитеты вошли представители лево-легальных профсоюзов, крестьянских организаций, Суйхэйся и др. В Токио и Осака в Роно кёгикай вошли также и некоторые активисты Сякай тайсюто.

Местные рабоче-крестьянские комитеты — Роно кёгикай — не раз в ходе избирательной кампании и после нее обращались к руководству Сякай тайсюто с предложением единства действий. Однако всякий раз они наталкивались на упорное сопротивление и отказ по неизменному мотиву — «нежелание объединяться с левыми и коммунистами».

¹ Ряд организаций был после выборов руководством Сякай тайсюто распущен и их руководители исключены из партии.

² «Trans-Pacific», 20.VIII.1936.

В июне 1936 г. на базе объединенных рабоче-крестьянских организаций создается общенациональная политическая рабоче-крестьянская ассоциация (Роно мусан кёгикай), ставящая своей целью, как было указано в ее обращении к рабоче-крестьянским организациям, «создать в Японии широчайший антивоенный фронт и под едиными классовыми лозунгами объединить организованных и неорганизованных рабочих, крестьян и других трудящихся, а также те пролетарские организации, которые по тем или иным причинам оказались вне рядов партии Сякай тайсюто». Роно мусан кёгикай согласна сотрудничать и даже влиться в Сякай тайсюто, если последняя «широко раскроет свои двери для всех пролетарских организаций по всей стране».

Вслед за обращением была опубликована «программа действий» Роно мусан кёгикай. Сформулированные этой программой требования следующие: улучшение уровня жизни, сокращение военного бюджета, проведение политики мира со всеми государствами, демократическая свобода и в особенности свобода критики военных расходов, пересмотр избирательного закона и предоставление избирательных прав лицам, достигшим 20-летнего возраста, без различия пола».

Обращение и «программа действий» были встречены восторженно трудящимися, и в первую очередь рабочими, по всей стране. Рабочие организации в ряде мест (Осака, префектура Окаяма, острова Кюсю и Хоккайдо) горячо обсуждали вопрос о присоединении к Роно мусан кёгикай и об «усилении массового натиска на Сякай тайсюто, с тем, чтобы превратить ее в действительную массовую партию». Кое-где на местах начало осуществляться единство снизу. В Осака, в этом крупнейшем индустриальном и пролетарском центре, местное отделение Роно мусан кёгикай и некоторые организации Сякай тайсюто провели совместную конференцию с целью «обсуждения вопроса о принятии всех рабочих организаций в Сякай тайсюто». В префектуре Нара комитет рабоче-крестьянских организаций явочным порядком преобразовался в местную организацию Сякай тайсюто. В Нагое и Ниигата создались организации Сякай тайсюто из существующих там различных профсоюзов. Аналогичное наблюдалось и в других местах.

Происшедший 26 февраля 1936 г. вслед за парламент-

скими выборами путч реакционного офицерства явился по существу ответом реакции на блестящую избирательную победу антимилицаристов. Военный заговор оказался изолированным и не смог вызвать переворота в стране. Это в большой мере объяснялось возросшими антивоенными настроениями народа, чего правящие круги не могли не учитывать. Путч крайних элементов реакционной военщины способствовал еще большему росту антивоенных настроений в стране.

Росту антивоенных настроений среди всех слоев японского народа способствовала также последовательно мирная политика Советского Союза, не раз предлагавшего Японии заключить пакт о ненападении. Это вызывало открытые симпатии к СССР широких трудящихся масс Японии. Стремление к сближению с СССР было характерным в тот период даже для части правящей японской буржуазии. Многие буржуазные газеты в 1936 г. поддерживали требование об установлении дружественных отношений с СССР.

Правительство Хирота, пришедшее к власти после военного путча 26 февраля 1936 г., и сменившее его затем правительство Хаяси взяли курс на усиление реакции внутри страны. Хирота запретил празднование 1 Мая в Японии. В сентябре 1936 г. были распущены и запрещены профсоюзы в военных арсеналах, а их рабочим запрещено было состоять в профсоюзах и пролетарских партиях вообще. В декабре были произведены массовые аресты революционных рабочих и крестьян (было арестовано 1 300 человек). Правительство генерала Хаяси еще более увеличило военно-налоговое бремя, повело наступление на неудобный ему парламент, открыто, с солдафонской грубостью попирая и без того жульнические права народа.

В этих условиях, естественно, тяга к единству действий, к организованному отпору военщине среди широких масс усилилась. В сентябре 1936 г. руководство Рюно мусан кёгикай снова официально обратилось к лидерам Сякай тайсюто с предложением об объединении и о вхождении в Сякай тайсюто профсоюзов и других пролетарских организаций, находящихся вне этой партии. Но и это обращение постигла неудача. Реакционные лидеры Сякай тайсюто, в принципе соглашаясь под сильным напором снизу с созданием единого пролетарского фронта, выдвинули лозунг: «единый фронт без

коммунистов», рассматривая и лево-легальные организации как коммунистические.

Такое отношение руководства Сякай тайсюто к предложениям Роно мусан кёгикай не останавливало последнюю от повторных обращений и предложений. Однако, поскольку лидеры Сякай тайсюто попрежнему продолжали сопротивляться единству, Роно мусан кёгикай, собравшись в феврале 1937 г. на свой первый съезд, решила взять инициативу в свои руки. Она решила усилить свои собственные позиции для самостоятельной деятельности в борьбе за единство и против усиливающейся реакции. Одним из таких шагов было преобразование Роно мусан кёгикай в политическую партию. 21 февраля 1937 г. первый съезд этой рабоче-крестьянской ассоциации принял решение о преобразовании ее в партию под названием Нихон мусанто (что в буквальном переводе означает «японская партия неимущих»). В выпущенном съездом воззвании указывалось, что вновь созданная партия будет добиваться совместных с Сякай тайсюто действий в политическом движении. Съезд выдвинул следующие лозунги: «За усиление антивоенного движения»; «За низвержение кабинета Хаяси»; «За повышение заработной платы пропорционально повышению цен на товары»; «За снижение налогов» и «За немедленное принятие законов о профсоюзах и о земельной аренде».

Вновь образованная партия обратилась к рабочим, крестьянам, служащим, интеллигенции, мелким торговцам и предпринимателям со следующей декларацией:

«1) Кабинет Хаяси, ввиду невозможности добиться увеличения и без того большого бюджета, являющегося причиной роста цен и налогового обложения масс, намерен умалить права парламента. В этом он ничем не отличается от предыдущего кабинета Хирота. Для пользы трудящихся масс всей Японии мы призываем к его ниспровержению.

2) Сякай тайсюто отвергло наше предложение об единстве. Получив отказ, мы не теряем окончательно надежды на единство движения в будущем. Мы перестраиваем Роно кёгикай в общегосударственную политическую партию и будем добиваться единства действий с Сякай тайсюто на основе борьбы в общегосударственном масштабе».

Несмотря на то, что Нихон мусанто и оказало некото-

рое влияние на массы, активизируя антивоенное движение и борьбу за единство, возникновение новой партии не устранило, а углубляло раскол и раздробленность японского пролетариата. Оно осложняло процесс объединения с силами организованного пролетариата, подавляющая часть которого находилась в рядах Сякай тайсюто. Создавая новую партию, левые элементы пошли по линии наименьшего сопротивления вместо того, чтобы упорно и систематически бороться за широкое открытие дверей Сякай тайсюто для всех рабочих организаций, ведя неустанное разоблачение реакционной политики ее мелкобуржуазных лидеров. Группируя вокруг себя по преимуществу сторонников левого направления, Нихон мусанто тем самым также ставила их под удар полицейской реакции.

Японская компартия, не одобрявшая факта создания новой, обособленной левой рабочей партии, тем не менее активно поддерживала прогрессивную борьбу Нихон мусанто.

3. ПАРЛАМЕНТСКИЕ ВЫБОРЫ 1937 г.

Наступление на жизненный уровень народных масс вызвало с самого начала 1937 г. невиданную стачечную борьбу рабочих и рост арендных конфликтов в деревне¹. Антивоенные настроения продолжали нарастать. Под давлением снизу руководство Сякай тайсюто вынуждено было обратиться в тот момент в парламент с резолюцией: «Происходящие под давлением военных расходов рост цен и повышение налогов угрожают народной жизни. Поэтому мы желаем, чтобы нынешняя парламентская сессия приняла законы о профсоюзах, об арендаторах и о создании народного банка, а также отвергла план увеличения налогов, бьющих по широким слоям населения».

Неожиданно для всех 31 марта 1937 г., за несколько часов до закрытия сессии парламента правительство генерала Хаяси объявило о роспуске парламента и о назначении новых выборов. Эта мера мотивировалась «неискренностью» парламента и политических партий, их

¹ В 1937 г. произошло 5 364 конфликта между крестьянами-арендаторами и помещиками, охватившие 349 тыс. человек (против 177 тыс. в предыдущем году).

«неправильным пониманием переживаемого Японией тяжелого положения». Японская военщина, пренебрежительно относящаяся к парламенту вообще и не терпящая никакой критики своих действий, требовала признания тезиса, что «армия является центральной силой для преодоления внутренних и внешних затруднений Японии». И без того послушный, состоящий больше чем на 90 проц. из представителей буржуазии и помещиков японский парламент на сей раз, по официальной версии, навлек на себя гнев военщины своей медлительностью, недостаточной поспешностью в утверждении нужных ей законопроектов.

В действительности это был реванш реакционной военщины за понесенное поражение на февральских выборах 1936 г. Военщиной руководило стремление сделать парламент еще более ручным, повинующимся ее малейшему требованию.

Новые выборы в парламент были назначены на 30 апреля 1937 г. В подготовку к ним энергично включились не только все политические партии и общественные организации, но и правительство, которое, вмешиваясь в ход выборов и открыто поддерживая реакционные организации, пыталось помешать и затруднить победу антимилицаристов. Правительство Хаяси выставило в своей предвыборной декларации требования увеличения вооружений¹ и «углубления правильного понимания государственного строя». Это означало открытое провозглашение политики реакции и войны. Правительство ассигновало миллионные суммы на «проведение выборной кампании» и дало всем полицейским властям на местах строжайшие инструкции о беспощадном подавлении противников правительства, «не смущаясь криками о попрании гражданских прав», и о принятии всех мер к тому, чтобы в парламент были избраны «подлинные патриоты». Отдельные пункты инструкции гласили: «Запрещать речи, требующие стабилизации народной жизни; заявления о том, что армия якобы против парламента; агитацию за единый фронт» и т. д. Такова была обстановка выборов.

¹ После того как предыдущий, распущенный им парламент уже одобрил предложенное военщиной увеличение военных расходов на 30 проц.

Даже матерые буржуазные партии, такие, как Сэйюкай и Минсэйто, постоянно оппозиционные друг к другу, оставили на время свои обычные распри и выступили совместно, «чтобы свергнуть кабинет Хаяси» и заменить его более умеренным и покладистым.

Под лозунгом «свержения правительства Хаяси» и с требованиями защиты демократии и улучшения материального положения трудящихся выступили компартия, Нихон мусанто и другие рабочие и крестьянские организации. Как и на прошлых парламентских выборах, леволегальные организации—партия Нихон мусанто, прилегающие к ней профсоюзы, а также Всеяпонский крестьянский союз—добились выступления единым фронтом с низовыми организациями Сякай тайсюто. Во многих местах эти организации снимали свои кандидатуры с целью обеспечить избрание кандидата, выставленного Сякай тайсюто. Отделение Всеяпонского крестьянского союза на острове Хоккайдо в воззвании к своим избирателям указывало: «Ввиду того, что возникло опасение, что пролетарские голоса разобьются на выборах, наш крестьянский союз, стоя на точке зрения сохранения единого рабоче-крестьянского фронта, постановил снять своего кандидата и бороться за кандидата Сякай тайсюто»¹.

Реакционно-шовинистические организации и группировки (всего их насчитывается свыше 70), пользуясь поддержкой властей, также выступили «единым фронтом», надеясь провести своих кандидатов. Однако их попытка была сорвана и на этот раз.

Результаты выборов 1937 г. снова принесли невиданное поражение реакции. 8,7 млн. человек — свыше 80 проц. избирателей, участвовавших в выборах,—голосовало против политики Хаяси. $\frac{9}{10}$ народа, требуя отставки правительства Хаяси, отвергло политику реакционной военщины.

Исход выборов показал следующее: 8 700 тыс. голосов было подано за антимилитаристских кандидатов и за выступавших против правительства Хаяси кандидатов буржуазных партий и лишь 1 076 тыс.—едва 10 проц. всех голосов—за кандидатуры, поддерживающие правительственный лагерь, т. е. военщину. Из избранных в

¹ «Сякай ундо цусин», 15.IV.1937.

парламент 466 депутатов было 416 представителей оппозиции и только 50 — сторонников Хаяси.

Правительство генерала Хаяси потерпело полный крах. Кроме реакционных организаций оно возлагало еще надежды на 3-миллионный союз резервистов, руководимый военщиной. Оно призывало избирателей из союза резервистов «проявить на выборах военный дух, дух верноподданничества», голосовать за «истинных патриотов» с тем, чтобы «обновить парламент». Несмотря, однако, на все усилия властей, военщина обанкротилась и здесь. Резервисты в своей подавляющей массе, как это видно по результатам выборов, не отозвались на усиленные призывы своего начальства и голосовали против.

Кандидаты, выставленные одними только рабочими и крестьянскими организациями, собрали 1 200 тыс. голосов, т. е. больше, чем реакционные кандидаты. В то же время число голосов, поданных за рабоче-крестьянских кандидатов, почти удвоилось по сравнению с предыдущими выборами, происходившими год назад. Это свидетельствовало об идущем быстрыми темпами процессе полевения широких трудящихся масс Японии. Вместо 18 депутатских мест в прошлом парламенте Сякай тайсюто получила на этот раз 37. Вместе с полученным Нихон мусанто одним местом трудящиеся в парламенте были представлены 38 депутатами¹.

Успеху пролетарских кандидатов на выборах в огромной мере содействовал совпавший по времени небывалый подъем стачечной борьбы японских рабочих. Экономическая борьба переплеталась таким образом с политической, подкрепляя и оказывая поддержку одна другой.

На муниципальных выборах, происходивших в 1937 г. — незадолго до парламентских, — рабочие кандидатуры, как и в предыдущем году, также добились большого успеха. В токийский муниципалитет, например, было избрано 26 советников (22 от Сякай тайсюто и 4 от Нихон мусанто) вместо 2 в предыдущем составе.

4. ДАЛЬНЕЙШЕЕ НАСТУПЛЕНИЕ РЕАКЦИИ

Несмотря на вотум недоверия японского народа, правительство Хаяси продолжало еще некоторое время

¹ Из 9 депутатов во всем парламенте, собравших свыше 30 тыс. голосов каждый, было 5 депутатов от пролетарских партий.

оставаться у власти. Вопреки воле народа, выраженной в голосовании, в июне 1937 г., т. е. за месяц до начала нынешней войны в Китае, его сменило не менее реакционное правительство Коноэ, составленное из военщины и наиболее реакционных элементов империалистической буржуазии. При этом правительстве Японии начала войну в Китае.

С начала войны происходит дальнейший подъем антивоенного движения. Противоположный лагерь, видя необычайный подъем направленного против него движения масс, особенно усилившегося с начала войны в Китае, испытывал сильнейшую тревогу. Авантюра в Китае не закончилась, как первоначально предполагалось, в короткий срок. Китайский «инцидент» превратился в затяжную и кровопролитную войну, породившую массу трудностей. Опасаясь дальнейшего развития антивоенного движения, военщина решила нанести ему решительный удар.

14 декабря 1937 г. на пост министра внутренних дел был назначен ярый реакционер, адмирал Суэцугу, и уже на следующий день, 15 декабря, началась волна массовых арестов, прокатившаяся по всей стране. В первый же день в 18 префектурах, включая и Токио, было арестовано 378 активных деятелей антивоенного движения. Среди них находились депутаты парламента, рабочие лидеры, многие известные профессора, писатели, журналисты, адвокаты и др.¹ Всем им было предъявлено обвинение в «нарушении закона об охране спокойствия и порядка». Одновременно были запрещены и разгромлены все левые пролетарские и крестьянские организации и в первую голову партия Нихон мусанто и профсоюзное объединение Дзэнкоку хэйгай.

Вслед за первой волной массовых арестов в феврале 1938 г. последовала вторая. Пачками бросались в тюрьмы активные сторонники антивоенного движения из среды рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции. Последние арестовывались иногда только за то, что они «так или иначе» соприкасались с рабочими и крестьянскими организациями, сотрудничали в пролетарской печати, оказыва-

¹ Арест левых депутатов парламента накануне открытия очередной парламентской сессии входил в особые расчеты военщины: предотвратить нежелательную критику на сессии законопроектов о «всеобщей мобилизации нации».

ли ей финансовую поддержку и т. п. Волна массовых арестов прокатилась снова весной и летом 1938 г. и не прекращается поныне. Количество арестованных даже по публикуемым полицейским сообщениям достигает нескольких тысяч; на самом же деле их несколько десятков тысяч. Страх перед все более возрастающей силой сопротивления народных масс и неумолимо приближающимся крахом империалистических авантюр японской военщины заставляет прибегать к подобным крайним мерам.

В выпущенных вслед за первыми арестами официальных сообщениях властей и в высказываниях Суэцугу эти погромные мероприятия откровенно называются «чистой» всех, нежелательных радикальных элементов.

Суэцугу заявил, что «правительство твердо решило в корне пресечь всякое подобное движение и начисто вымести из страны радикальные идеи».

Все запрещенные организации, как признают сами власти, «отстаивали лозунги защиты гражданских прав, свободной деятельности политических партий, сокращения военных расходов, а с начала войны в Китае они взяли под защиту семьи солдат, требуя для них пособий, в частности для семей убитых на войне, помощи крестьянам-арендаторам, выступали против повышения цен, требовали прекращения войны и установления мира». Во всем этом власти усмотрели «козни Коминтерна и коммунистов» и на этом основании «осуществили в большом масштабе аресты и приостановили дальнейшее расширение этих организаций, так как существование и деятельность их чреваты серьезными последствиями как во внутренней, так и в международной ситуации» (из правительства Коммунистического Китая).

Под страхом суровой ответственности печати запрещено было упоминать что-либо об антивоенном движении. Однако все эти действия японских властей приводят к обратным результатам. Перед третьими по счету массовыми арестами в 1938 г. японские газеты приводили признание властей о том, что народное движение против войны и реакции «пустило глубокие корни».

В этом бешеном терроре повинны также реакционные лидеры Сякай тайсюто. Своей предательской тактикой они ослабляли силы сопротивления трудящихся. Выслуживаясь перед военщиной, реакционные лидеры

Сякай тайсюто не гнушаются явного, ничем не прикрытого предательства. Они всячески приветствуют все мероприятия властей по разгрому левых пролетарских организаций, преследованию деятелей и участников антивоенного движения и одновременно массами исключают из рядов партии сочувствующих идеям пролетарского единства. Генеральный секретарь партии Асо и его группа публично предложили свои услуги сотрудничать с полицией в борьбе против сторонников единства и устраивают совместные совещания с жандармерией и полицией.

Со времени войны в Китае они еще более усилили свою подлую политику обмана рабочих масс и предательства их интересов.

Реакционная группа во главе с Асо и Камен, захватившая в партии власть, призывает поддерживать войну в Китае, разъезжает по фронтам и по стране с шовинистской агитацией. Для характеристики физиономии нынешних руководителей Сякай тайсюто достаточно привести следующий документ. Летом 1938 г. парламентская фракция Сякай тайсюто обратилась к тогдашнему премьер-министру Коноэ с предложением: «Для того, чтобы окончательно добиться поставленных священной войной целей, правительству необходимо созвать чрезвычайную сессию парламента и разъяснить положение с осуществлением плана всеобщей мобилизации нации и тем самым показать народу свою решимость. При этом мы со своей стороны предлагаем усилить систему военного времени»¹.

Наконец, на состоявшейся в ноябре 1938 г. конференции Сякай тайсюто реакционным лидерам с помощью угроз и давления на партию со стороны правительства легко удалось протащить манифест о «переориентации политики партии». Этот манифест полностью и безоговорочно поддерживает все империалистические замыслы японской военщины.

Таков далеко не полный перечень предательств отдельных реакционных лидеров Сякай тайсюто, превратившихся ныне в открытых пособников военщины.

Подобное поведение этих лидеров вызывает возмущение и протест со стороны рядовой членской массы. Это видно по выступлениям ряда местных организаций

¹ «Асахи», 11.VII.1938 (разрядка наша — Ю. Л.).

Сякай тайсюто против центрального руководства. Местная организация Сякай тайсюто в Обихиро (на о. Хоккайдо) вынесла резкую антивоенную резолюцию, направленную одновременно и против реакционной части руководства партии. По сообщению английской «Daily Worker» (11.IX.1937), местная газета организации Сякай тайсюто в префектуре Окаяма («Окаяма Сякай Симбун») писала, что «рабочие» лидеры, поддерживающие законы, требуемые военщиной, сами являются пособниками военщины. Недовольство реакционной политикой лидеров Сякай тайсюто растет и среди осакских рабочих — инициаторов единства японского пролетариата.

Б. АНТИВОЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ В ТЫЛУ

Предательство лидеров Сякай тайсюто и свирепствующий террор не приостанавливают, однако, антивоенного движения, идея которого, по собственному признанию японских властей, «пустила глубокие корни». Даже через жесткую военную цензуру просачиваются факты, свидетельствующие о том, что в массах это движение не прекращается. Совещание полицейских властей северных и восточных районов Японии 25 августа 1938 г. пришло к выводу о необходимости «еще более строжайшего надзора за антивоенным движением, решительной борьбы с пацифизмом, основанным на гуманизме и крайне либеральных идеях; пресечения антивоенных выступлений»¹.

Тяготы войны, ложащиеся огромным бременем на все слои трудящихся и в первую очередь на рабочий класс Японии, не могут не вызывать с их стороны протеста и сопротивления. Многочисленные иностранные наблюдатели, посещающие крупные японские города и промышленные центры, почти единодушно приходят к выводу, что в народе резко нарастает недовольство против ведущейся японскими империалистами войны в Китае.

За внешней ура-патриотической шумихой, усиленно насаждаемой правящими кругами, проглядывает тягостная напряженность, тревога и беспокойство масс. «Беспокойство заметно даже в Токио, но оно сильнее проявляется в промышленном районе Осака. Среди японского насе-

¹ «Japan Weekly Chronicle», 1.IX.1938.

ния все больше возрастает усталость от войны»,—писал в апреле 1938 г. токийский корреспондент английской «Daily Mail». Этого состояния не может скрыть даже японская буржуазная печать, изо дня в день взывающая к «патриотизму» народа, требующая от него все новых жертв во имя «священной войны» и обманывающая его лживыми демагогическими посулами. Газета «Japan Times» (4.IX.1938) писала: «Все самым внимательным образом следят за ходом войны по газетам и оплакивают смерть друзей и родственников, убитых на фронте. Особенно страдают родители, жены и дети солдат, просматривая списки потерь. Финансовые и экономические трудности Японии, вызванные огромным, достигающим 8 млрд. иен, бюджетом, также дают знать о себе теми серьезными переменами, которые вносятся этим в нашу повседневную жизнь».

Накануне занятия Ханькоу, от которого в Японии ждали конца войны, японские газеты писали: «Падение Ханькоу может вызвать ослабление национального духа», и власти решили еще больше усилить «поддержание спокойствия и порядка в стране».

Издающийся в Гонконге английский журнал «People's Tribune» писал тогда же, что в случае затяжки войны в Японии может произойти социальный взрыв — настолько внутреннее положение Японии, положение широких масс ухудшилось и обострилось. «Патриотические» демонстрации, организуемые время от времени властями и состоящие исключительно из школьников, членов «патриотических» союзов молодежи и женщин, выглядят, по выражению этого журнала, «слишком наглой подделкой, могущей ввести в заблуждение лишь наиболее легковверных и случайных наблюдателей».

Один из деятелей антивоенного движения в Японии, левый писатель Ватару Кадзи, заявил: «Японская военщина не допускает в страну никаких сведений о международных событиях. О войне узнали в Японии лишь после того, как она началась. Действительное положение от масс скрывается. Антивоенное настроение среди народа растет быстро. Отказ солдат отправляться на фронт — нередкое явление. Школьники обращаются к учителям с вопросом: «за что мы воюем?» Ватару отмечает рост симпатий к китайскому народу среди широких масс Японии.

Так называемая «всеобщая мобилизация духа» не пользуется популярностью среди трудящихся. Бывший японский премьер-министр Коноэ и другие видные сановники вынуждены были после года войны признать это. Коноэ, например, заявил: «Центральный комитет всеобщей мобилизации народного духа не достиг сколько-нибудь положительных результатов»¹. Коноэ требовал реорганизации этого комитета, являющегося своего рода министерством пропаганды, и усиления «мобилизации духа», на что дополнительно были ассигнованы огромные суммы.

Шовинистско-патриотический угар постепенно рассеивается как среди части солдат на фронте, так и трудящихся в тылу. Доказательством этого служит рост антивоенных настроений и непрекращающиеся, даже в условиях свирепейшего военно-полицейского террора, антивоенные выступления.

Рост антивоенных настроений находит свое выражение в наличии целого ряда антивоенных организаций. Антивоенные обращения и листовки, которые часто распространяются среди японского населения и среди солдат на фронте, в большинстве случаев издаются совместно пролетарскими организациями, крестьянскими союзами, отдельными религиозными обществами и даже некоторыми представителями союза резервистов — организацией запасных солдат и офицеров, считающейся опорой военщины.

По словам одного из деятелей антивоенного движения, Аояма, за период с 1931 г. — с момента захвата Манчжурии — и по 1938 г. в Японии арестованы десятки тысяч участников антивоенного движения. Но, несмотря на эти преследования, антивоенные организации продолжают свою работу. С самого начала нынешней войны во многие части, находящиеся на фронте, посылается антивоенная пропагандистская литература.

Антивоенные настроения широких рабочих масс проявляются, как было указано в приведенном выше признании лидера Содомэй Мацуока, в «отрицательном отношении к лозунгу — единение нации, выдвинутому бюрократией, военщиной и капиталистами». Рост антивоенных настроений рабочих виден также в самоотверженной стачечной борьбе. «Стачечная борьба японских рабочих

¹ «Нити-Нити», 25.VII.1938.

помогает Китаю», — пишет китайский публицист Лю Фун-лин. Многие стачки, например проведенные моряками в Кобэ и Осака в сентябре 1937 г., носили открыто антивоенный характер. Многочисленными арестами среди моряков властям удалось предотвратить готовящуюся всеобщую стачку моряков.

Среди рабочих широко распространяются «опасные мысли». В ноябре 1938 г. на совещании военных промышленников ряда префектур (в совещании приняло участие 800 фирм) военные власти предложили, наряду с усилением среди «роскошно живущих» рабочих военных заводов «кампании по сбережению», усилить также «наблюдение за мыслями рабочих»¹. Полицейские власти настаивают на организации «общезитий для холостых рабочих», где удобнее наблюдать за ними.

Японские власти расширяют состав специальных прокуроров и судей по «идеологическим преступлениям». Предложено максимально упростить полицейскую процедуру по делам, связанным с «опасными мыслями» (раньше требовался письменный донос, теперь достаточно и устного и т. п.).

Антивоенные настроения растут и среди крестьянства. Хотя власти потребовали «самороспуска» крестьянского союза — Дзэнкоку номин кумиай, обрушившись на него репрессиями и преследованием, и превращения его в новую, признающую «японизм» организацию — Союз крестьян великой Японии (Дай ниппон номин кумиай), идеология ее членских масс — крестьян-бедняков и арендаторов — не изменилась². То же самое относится и к трем миллионам «этá», чья организация Суйхэйся также была распущена в начале 1938 г. Правительство мотивировало роспуск последней демагогическим лозун-

¹ «Japan Weekly Chronicle», 3.XI.1938.

² Недовольство крестьян в Японии ширится с каждым днем. Арендные конфликты, несмотря на их запрещение во время войны, не прекращаются. Конфликты вызываются непосильной арендной платой и сгоном арендаторов с земли. Во многих местах помещики, пользуясь отсутствием мобилизованного на фронт арендатора, насильно отбирают у его семьи землю с тем, чтобы сдать ее в аренду на более кабальных условиях или обрабатывать самим с помощью дешевой рабочей силы батраков и дарового принудительного труда учащейся молодежи из города. Арендные конфликты принимают часто характер кровавых столкновений крестьян с помещиками и сопровождаются массовыми арестами и репрессиями.

гом о необходимости «национального единства» перед лицом наступившего в Японии «чрезвычайного времени». Но даже и оно не в состоянии скрыть того, что «антипатия по отношению к «эта», попрежнему изолированным в особых кварталах, сохраняется»¹.

Антивоенные настроения проникают также в среду трудовой интеллигенции. Это видно по непрекращающимся гонениям на профессоров и литераторов за их «либерализм и пацифизм». В качестве примера можно указать на известного японского социолога, профессора Эйдзиро Каваи, труды которого недавно были запрещены. Подобная участь постигла также труды профессоров Минобэ, Такигава, Янайбара и многих других японских ученых.

Сообщения об арестах и о судах над интеллигенцией—участниками антивоенного движения—не сходят со страниц японской печати. В августе 1938 г. было возбуждено судебное следствие сразу против 100 профессоров и преподавателей—сторонников этого движения. В этом же месяце известные профессора Аридзава, Омори и Абэ были преданы суду за «оказанную поддержку народному движению». В декабре 1938 г. эта же участь постигла профессоров Оуци, Вакимура, Минобэ, Минами, Касакава, Серидзава и писателя Тоекава. Все перечисленные лица были связаны с так называемой рабоче-крестьянской группой (Роноха), и в отношении их был установлен особый порядок следствия и суда. Газета «Мияко» (20. II. 1938) сообщала, что «их решено освободить от подписки об отречении от своей идеологии (обычной в полицейских застенках Японии процедуры, осуществляемой при помощи пыток.—Ю. Л.) ввиду того, что арестованные прониклись твердой верой в победу проповедуемой ими доктрины». В отношении группы Роноха применена первая статья закона об охране общественного спокойствия, «как к организации, замышлявшей государственный переворот»². В октябре 1939 г. за антивоенные настроения был арестован профессор Токійского императорского университета Уно.

Реакционные мероприятия министерства просвещения «по реформе высшего образования» встречают сильное

¹ «Japan Times», 31.III.1938.

² «Нити-нити», 24.VII.1938.

сопротивление со стороны профессуры и студенчества. Среди последних, кроме того, растет недовольство принудительной «трудовой повинностью» во время каникул, запрещением общественной деятельности и роспуском студенческих организаций. Массовые аресты студентов за революционную деятельность не прекращаются. Ряд таких арестов имел место в частности в Токийском университете, в университете гор. Саппоро (о. Хоккайдо) и др.

Вместе с рабочими, крестьянами и интеллигенцией в антивоенное движение включается мелкая буржуазия, испытывающая на себе губительное влияние политики военщины. Если вначале часть ее была за войну, надеясь, что и ей кое-что перепадет от огромных военных барышей, то очень скоро она убедилась в обратном. За политику войны она поплатилась банкротством и обнищанием.

Сторонниками движения против военщины являются также многие рядовые члены буржуазных партий. Реакционные буржуазные лидеры этих партий, разумеется, ни о каком сотрудничестве с трудящимися массами и не помышляют, но зато внутри партий происходит процесс размежевания демократических элементов и реакционных. Особенно отчетливо он наблюдается в местных, низовых организациях этих партий. В ходе избирательной кампании в парламент в 1936 г. отделение партии Минсэйто на о. Хоккайдо вступило в соглашение с местным крестьянским союзом. Обе организации выступили единым фронтом и добились избрания в парламент антимилитариста.

Широкое распространение получила за последнее время по всей Японии литература, которая характеризуется японской военщиной, как «нежелательная», но по словам японских же газет, «читается с жадностью даже людьми, занимающими высокое положение, например финансистами, промышленниками и политическими деятелями». Эта литература содержит «нежелательные факты, нарушающие мир и спокойствие», т. е. критику в прямой и завуалированной форме военщины и ее мероприятий. Наряду с этим распространяются антивоенные листовки и т. п. Власти остаются бессильными в борьбе с этим.

В целом ряде мест происходили антивоенные демон-

страции и другие выступления рабочих, направленные против войны. В демонстрациях участвовало много женщин и студентов. В Токио в начале войны ряд антивоенных демонстраций организовали студенты Токийского университета; одна из этих демонстраций собрала тысячу и другая — около трех тысяч участников. В феврале 1938 г. серьезные беспорядки произошли в Кобэ. В момент отправки 6 тыс. солдат на фронт провожавшие их родственники организовали антивоенную демонстрацию. Из рядов демонстрантов, в числе которых было много женщин, раздавались возгласы: «Долой империалистов!», «Отдайте обратно наших сыновей и мужей!». Жандармы открыли по демонстрантам стрельбу, и в результате 37 человек было убито и 40 ранено. В том же месяце крупное антивоенное выступление произошло недалеко от Токио. Оно было жестоко подавлено полицией. Больше 30 человек было убито и около тысячи арестовано. Летом 1938 г. антивоенную демонстрацию по улицам города организовали осацкие рабочие. Имели место факты, когда на организуемых властями или шовинистическими организациями «патриотических» митингах рабочие выступали с антивоенными речами. Рабочие одного арсенала в Западной Японии намеренно изготавливали военную продукцию, не отвечающую установленным требованиям.

Среди населения городов все чаще слышатся передаваемые из уст в уста требования прекращения ненужной войны, истощающей страну, заключения немедленного мира без всяких условий. В июле-августе 1938 г., когда японская военщина вторглась на территорию СССР и создала непосредственную угрозу новой войны, антивоенные настроения в Японии особенно усилились. Тов. С. Окано в журнале «Большевик» (№ 20, 1938 г.) так описывает Японию в дни хасанских событий: «...различные организации и люди в разговорах, на улицах, так или иначе, выражали сильную оппозицию против опасности новой войны. Все японские газеты в один голос советовали правительству немедленно заключить мир с СССР. Японский народ таким путем провел референдум против милитаристов и их новой провокации войны». Разгром доблестной Красной Армией японских войск в районе озера Хасан в 1938 г. и на монголо-манчжурских границах летом 1939 г., а также тяжелое

положение японской армии в Китае, где она натолкнулась на героическое сопротивление объединившегося китайского народа, усиливает ненависть японских трудящихся к авантюристской военщине¹.

Отрицательно относятся к войне и многочисленные японские эмигранты за границей, о чем свидетельствуют следующие факты. В Гонконге (принадлежащая Англии территория в Южном Китае) японское консульство потребовало возвращения в Японию проживающих там японцев для вступления в армию. Однако это требование консульства встретило резкое сопротивление. Свыше 500 японских подданных, не желая быть посланными на фронт, отказалось вообще возвратиться в Японию. Японские студенты, обучающиеся в Америке (штат Огайо), осуждают войну Японии в Китае. Они объединяются с обучающейся там же китайской студенческой молодежью, оказывая ей материальную помощь. Сбор в пользу китайских студентов-беженцев дал 25 тыс. долларов.

Все чаще раздаются в Японии призывы к единству всего народа против войны и реакционной военщины, ведущей страну к гибели. В начале 1938 г. японский писатель Кюнци Кюнда выступил с обращением: «Война принесит всем нам большое несчастье. Мы призываем наш народ, рабочие и крестьянские союзы и все антивоенные организации создать мощное народное движение против войны. Мы выставляем следующие требования: 1) сохранение мира, немедленное прекращение войны, отозвание японских войск из Китая, уважение независимости великого китайского народа и развитие самых дружественных отношений с миролюбивым китайским народом; 2) противодействие росту вооружений и военных расходов, защита идей разоружения, направление военных фондов на улучшение положения народа; 3) протест против гнусной и варварской теории, что «война является отцом возрождения и матерью цивилизации», требование защиты прав личности, свободы слова, собраний и печати².

¹ Заключение перемирия в Номонганском районе и последовавшие затем переговоры японского правительства с правительством Советского Союза вызвали восторженное одобрение всего общественного мнения Японии. Почти вся японская печать с исключительным воодушевлением приветствовала эти первые мирные попытки своего правительства.

² «China Weekly Review», 12.II.1938.

Антивоенные лозунги проникают и к солдатам в окопы и к поработанным народам японских колоний. Формозцы и корейцы стремятся к объединенным, согласованным действиям как между собой, так и с трудящимися метрополией. Революционные организации Формозы призывают «объединиться с трудящимися массами Японии для общей борьбы революционными методами против угнетения и эксплуатации»¹. В свою очередь трудящиеся Японии своей борьбой оказывают активную поддержку национально-освободительному движению в колониях и делают его более эффективным.

6. АНТИВОЕННЫЕ НАСТРОЕНИЯ НА ФРОНТЕ

Антивоенные настроения нарастают и среди солдат — крестьян и рабочих в шинелях. Усталость от войны наблюдается среди них еще большая. Японская армия несет огромные потери. Исключительные трудности и лишения, испытываемые японскими солдатами на фронте, вызывают массовые заболевания и высокую смертность.

Тяжелая жизнь японского солдата дополняется жесткой палочной дисциплиной, слежкой за каждым его шагом, насилием и издевательством. Тоской по дому, по покинутым семьям охвачена огромная масса солдат. Шовинистский угар уступает постепенно место размышлениям о целях ведущейся войны и о ее вдохновителях. Многочисленные антивоенные листовки, которые находят у японских солдат, свидетельствуют именно об этом. Вот содержание нескольких листовок, приведенное в нашей и иностранной печати.

«Дорогие соотечественники! Вы покидаете родину, уезжая в чужую страну, где вы должны проливать свою кровь и жертвовать своими жизнями. Ради чего и ради кого? Наша военщина и финансовая олигархия начали войну в Китае, преследуя исключительно свои личные цели, а в это время ваши жены и дети испытывают крайнюю нищету... За время оккупации Манчжурии погибло свыше 200 тыс. наших соотечественников... Разве китайцы являются нашими врагами? Нет! Мы не долж-

¹ Из воззвания «Революционной лиги Формозы», сентябрь 1937 г.

ны поддаваться пропаганде военщины и финансовых магнатов, мы не должны умирать за их интересы. Участие в этой захватнической войне вовсе не является проявлением патриотизма. Настоящий патриотизм состоит в защите жизненных интересов народа, а не интересов этой клики — врагов народа и предателей родины. Мы хотим мира!..»¹

Листовка подписана пролетарскими и крестьянскими организациями, а также членами союза резервистов.

В обращении к солдатам и морякам на фронте и ко всем трудящимся Японии, изданном рабоче-крестьянской партией Нихон мусанто, читаем:

«Товарищи! С самого начала войны мы были против нее. Почему? Потому что в Японии господствуют буржуазия и помещики, потому что военщина тесно связана с ними. Никакая империалистическая война, под какими бы лжепатриотическими лозунгами она ни велась, не может улучшить положения народных масс Японии. Что принес японскому народу захват Манчжурии?

Когда начались манчжурские события, нас призывали к защите императора, к защите самурайских традиций, чтобы улучшить жизнь нашего народа. На деле же народ принес неисчислимые жертвы: наши братья были обмануты господствующими классами, они жертвовали своей жизнью ради их интересов. Нет предела возмущению и бедствиям народа. Разве этот путь ведет нашу жизнь к лучшему?.. Надо уничтожить у себя тех, кто предаст интересы народа.

Смерть буржуазии и помещикам! Долой военщину, долой милитаристов! За осуществление социальных реформ для улучшения нашей жизни! Товарищи, поднимайтесь!»²

В декабре 1937 г. среди японских и китайских солдат распространялись листовки за подписью японской лиги мира. «Братья Японии и Китая! Будем дружно стремиться к подлинному освобождению. Превратим империалистическую войну в гражданскую. Во имя международной солидарности протянем руку дружбы нашим китайским братьям»³.

¹ «China Weekly Review», 12.II.1938.

² «Коммунистический Интернационал», № 11, 1938 г.

³ См. «Правда» от 21 декабря 1937 г.

Листовки и обращения к солдатам издаются и распространяются и другими организациями: антивоенной лигой японской молодежи, манчжурской антивоенной лигой, а также антивоенными организациями внутри самой армии на фронте — ассоциацией антивоенного движения в японской армии и др.

Несмотря на жесткую военную цензуру, подвергающую тщательному контролю переписку солдат с целью не пропустить «неблагоприятные» вести из дому, солдаты узнают о том, как живут их насильно оторванные от них, лишенные кормильца семьи. Тяжелое положение семей мобилизованных действует на солдат угнетающе. Тягостные вести из дому широко распространяются среди солдат и усиливают их нежелание воевать. Это видно из солдатских писем и дневников, находимых у пленных и убитых солдат. Журнал «People's Tribune» приводит два таких письма. Японский солдат К. Савамура пишет:

«С тех пор, как я попал на фронт, меня непрестанно одолевает мысль: как я могу воевать, если я и мои товарищи по оружию тоскуем по оставшимся дома семьям? Чем больше я думаю, тем отвратительнее становится для меня эта война».

Другой солдат, Т. Накамура, охваченный тем же чувством, пишет:

«Ради кого и чего бросили мы своих родителей и семьи и жертвуем своей жизнью на фронте? Вспомните манчжурские события. Разве те, кто погиб тогда, не являются нашими братьями? Но что мы получили от этого для наших семей, кроме нищеты, горя и возросших налогов?! Нынешняя война ведется в интересах капиталистов, помещиков и милитаристов. Выступим же против этой войны и превратим ее в войну против военщины, капиталистов и помещиков!»

«Семьи мобилизованных, — комментируя эти письма, пишет журнал, — ненавидят и проклинают войну не меньше, чем сами солдаты на фронте. В письмах родных преобладает настроение отчаяния. Во многих письмах встречаются призывы к дезертирству»¹.

Еще в самом начале войны, в сентябре 1937 г., бывший тогда военный министр Сугияма подчеркивал, что

¹ «People's Tribune», сентябрь 1938 г.

«в случае затяжки военных действий среди населения могут возникнуть недовольство и неудовлетворение. А это в свою очередь пагубно отразится на моральном состоянии солдат и офицеров на фронте»¹. «Предвидение» этого генерала оправдалось полностью. Политико-моральное состояние японской армии все более понижается. Его преемник, военный министр Итагаки вынужден был после года войны признать это. В своей речи на конференции руководителей армии в июле 1938 г. он заявил: «Имеются уже некоторые признаки, что патриотический пыл, проявлявшийся в начале войны, начинает ослабевать и исчезать».

«Японские правящие классы,—пишет журнал «People's Tribune», — сильно встревожены упадком политико-морального состояния солдат, 90 проц. которых составляет трудящаяся молодежь — крестьяне и рабочие. Усиленная шовинистская агитация, проводимая среди них, не достигает ныне прежнего успеха, и боеспособность японской армии постепенно понижается».

«Императорская армия устала», — находим в дневнике одного японского офицера (октябрь 1938 г.). «Никакие другие три слова, — писала по этому поводу газета «China Press», — не могут выразить правдивей и с такой исключительной точностью положение японцев в Китае. Много месяцев безуспешной войны, сотни тысяч убитых и искалеченных и полнейшая неудача более чем достаточны, чтобы утомить любого человека, любую армию, любое государство, вызвать усталость от войны»².

Эта же английская газета, издающаяся в шанхайском селтльменте, приводит отдельные факты, характеризующие настроения японских солдат. У прилавка одной китайской лавки в Шанхае покупатель-американец разговорился с японским солдатом:

«Зачем вы прибыли сюда и убиваете китайцев? Ведь китайцы неплохие люди». Солдат, оглянувшись по сторонам, направился быстро к выходу, и мимоходом бросил: «Я и сам не знаю. Спросите у моего начальства, быть может оно вам ответит».

Или другой факт. Японский солдат вошел в бедную

¹ См. «Правда» от 15 сентября 1937 г.

² «China Press», 12.X.1938.

китайскую лавчонку. Хозяин-китаец не без страха выступил навстречу. В углу играли трое детей. Солдат, взяв одного из перепуганных детей за руку, всхлипывая, сказал: «У меня дома тоже дети. Я не хочу воевать с китайцами. Меня очень тянет домой к моим детям. Я такой же бедняк, как и вы. Вот уже три месяца, как я вынужден с оружием выступать против китайцев. Я миролюбивый человек и не желаю воевать»¹.

Американская газета «New-York Times» приводит многочисленные сообщения своих корреспондентов из Японии и с фронтов в Китае. Газета опровергает рассказы о том, что для японского солдата «смерть на войне есть величайшая честь и наивысшее счастье». Японский офицер, участник нынешней войны, в своей книге, недавно вышедшей в Японии, пишет: «Вначале я чувствовал себя храбрым и отважным, а теперь я испытываю внутреннюю дрожь, и мои прежние убеждения поколеблены. Я был совершенно уверен в своей непобедимости, ныне я понял, что все это было самообманом». Эта книга, подробно описывающая животный страх, испытанный автором и его товарищами на фронте, «произвела, — по словам корреспондента «New-York Times», — ошеломляющее действие на японскую публику, чье представление о японском солдате в бою составлялось до сих пор только по официальным военным коммюнике и по подвергающимся строгой цензуре газетным сообщениям»².

Молодые новобранцы, уже побывавшие в боях, удрученно заявляют: «Большинство из нас не имеет надежды увидеть Японию снова». «Я не надеюсь больше вернуться в Японию, кроме как в виде пепла в урне», — горько жаловался солдат, мечтавший о скором отпуске домой, но которому удлиннили срок службы и перебросили на новый фронт. «Все это, — заявляет корреспондент газеты, — действует на солдат отвращающе. Они начинают с ненавистью поговаривать о войне».

Солдаты считают за счастье получить ранение, попасть в госпиталь и вернуться домой. Это видно из опубликованного в нашей печати письма из Японии:

«Существует большая разница между настроениями солдат теперь и во время русско-японской войны. Когда,

¹ «China Press», 30.VI.1938.

² «New-York Times», 25.XII.1938.

например, в госпиталь приходят посетители, чтобы утешить раненых и выразить им благодарность за преданную службу родине, солдаты отвечают насмешками, отнюдь не проявляя радости и гордости, и дают понять, что они рады, что находятся в госпитале, а не на фронте...»¹

Известная часть солдат, находящихся на фронте, обогащена опытом классовых столкновений и боев у себя на родине. Солдатам из крестьян-арендаторов памятливы постоянные арендные конфликты с помещиками, борьба с их произволом, выливающаяся зачастую в коллективные, массовые выступления крестьян. Солдаты-рабочие еще более искушены по части солидарных, совместных выступлений, классовое сознание их выше. Среди солдат-рабочих немало и таких, которые прямо или косвенно соприкасались с деятельностью различных пролетарских политических организаций. Многие из них были участниками или свидетелями антивоенных выступлений, демонстраций, стачек протеста, организованных японской компартией с начала оккупации Манчжурии. Наконец, рабочим в солдатских шинелях памятливы победы единого пролетарского фронта, одержанные на парламентских выборах 1936 и 1937 гг. Все эти обстоятельства определяют передовую роль рабочих в антивоенном движении японских солдат, принимающем форму дезертирства, отказа выступать, а также добровольной сдачи в плен или перехода на сторону китайцев. Последнее происходит особенно часто в районе действия 8-й китайской народно-революционной (бывшей красной) армии на фронте провинции Шаньси.

«Я не хочу воевать, и мои товарищи тоже не хотят этой войны... Я металлист из Нагасаки, нас всех пригнали сюда насильно», — говорит пленный японский солдат-рабочий².

Китайская газета «Дагунбао» (3 марта 1939 г.) приводит высказывания пленного японского солдата — молодого рабочего Кобаяси: «Я работал на заводе автомобильных моторов, затем был мобилизован и послан на фронт в качестве шофера грузовой машины. В октябре

¹ С. Окано, Война в Китае и японский народ, «Большевик». № 20, 1938 г.

² См. «Известия» от 14 ноября 1938 г.

1938 г. я попал в плен... Я понял действительную цель войны, которую навязали Китаю японские милитаристы, и какой вред они приносят не только китайскому, но и японскому народу. Я возненавидел их всей душой и поклялся, что буду вести с ними борьбу до последней капли крови».

Горячую ненависть к японским империалистам проявляет и военнопленный Удори, до мобилизации рабочий-плотник, которого, по словам газеты «Хуамейваньбао», изумило исключительно дружественное отношение китайцев к пленным японским солдатам.

Передовые японские рабочие проводят большую работу среди солдат. Революционная пропаганда способствует тому, что крестьянская беднота в солдатских шинелях избавляется, хотя и медленно, от шовинистского угара и постепенно становится на путь сознательной революционной борьбы рука об руку с пролетариатом.

Растущие антивоенные настроения в армии прорываются местами в открытые антивоенные выступления солдат. Разумеется, военная цензура в Японии тщательно это замалчивает, тем не менее это становится известным благодаря многочисленным иностранным наблюдателям и корреспондентам — очевидцам этих выступлений. Весь мир облетело сообщение о восстании 7 тыс. японских солдат в Осака в декабре 1937 г. при посадке их на пароходы. К восставшим солдатам, провозгласившим лозунг «Долой милитаристов!», примкнули и моряки транспортов, и они вместе вступили в схватку со стянутыми к месту событий крупными жандармскими силами. В начале 1938 г. восстал японский резервный полк в районе гор. Цзянинь (северо-западнее Шанхая). Около 3 тыс. солдат отказалось выступить на фронт и оказало вооруженное сопротивление, открыв по прибывшему для усмирения японскому крейсеру артиллерийский огонь. Хотя восстание и было подавлено, сдать «на милость» карательного отряда решились немногие. Из 1 600 уцелевших солдат половина дезертировала и 200 человек покончило самоубийством. Остальные были расстреляны. Другой пехотный полк в полном составе восстал примерно в то же время в Цзяоине. Укрепившись на выгодном рубеже, солдаты осыпали пулеметным огнем приближавшиеся карательные части. Вос-

стане грозило принять широкие размеры и охватить другие части. Оно было подавлено в результате много-часовой бомбардировки с самолетов.

Несколько раньше в Манчжурии взбунтовалось 3 тыс. японских солдат квантунской армии в районе Мишаня и Хулиня. Солдаты предъявили коллективное требование об отправке домой. Это выступление было вызвано удачно проведенной агитацией китайцев. Китайский партизанский корпус, против которого японские солдаты должны были выступить, распространил среди них листовки, в которых говорилось: «Мы сражаемся не против вас, а только против ваших хозяев-варваров. Возвращайтесь домой к вашим семьям, детям и близким». Командование квантунской армии вынуждено было отправить этих солдат обратно в Японию, вследствие, как указывалось в официальном сообщении, «их тоски по родине».

В самом начале войны были произведены массовые аресты среди моряков японских военных судов, находившихся в южнокитайских водах. На судах были обнаружены антивоенные листовки и брошюры. В марте 1938 г. было арестовано и предано военно-полевному суду свыше 500 солдат в Шанхае. Волнения происходили среди вновь прибывших из Японии солдат в районе Усун, близ Шанхая. Против войны выступил батальон японских солдат. Тогда же взбунтовались батальон, входивший в бригаду Ямауци, часть солдат 111-й дивизии, которую из Нанкина перебрасывали на передовые позиции, и отказалась выехать на фронт часть солдат 12-й дивизии. Массовые аресты были произведены среди солдат 101-й и 103-й дивизий. В самой Японии, в осакском гарнизоне, произошел массовый отказ солдат от отправки в Северный Китай. В апреле 1938 г. свыше 2 тыс. японских солдат восстало в Сучжоу (западнее Шанхая). Восстания произошли в июне близ Шанхая, в июле в Амое, в августе в Нанкине, в сентябре на о. Намоа (Южный Китай) и в октябре в Ханчжоу и Хэбэе. В конце 1938 г. в Осака снова произошел массовый отказ мобилизованных от выезда на фронт. Многие из них были расстреляны.

В 1939 г. антивоенные выступления на фронте значительно возрастают. Крупные восстания японских солдат были отмечены в 112-й дивизии, оперировавшей в Юж-

ном Китае (расстреляно 500 солдат), в порту Таку (Чжилийский залив), где 3 тыс. восставших солдат вступили в бой с карательным отрядом; неоднократные выступления в Цзяньине, Баотоу, Ханькоу, Учане, Сюйчжоу, в провинции Шаньси и на юге Китая — в районе Кантона и Гонконга. Восставшая в районе Сюйчжоу японская часть численностью в тысячу человек полностью во главе со своим командиром перешла на сторону китайских войск и заявила о своем желании бороться на стороне китайского народа. 2 тыс. японских солдат, переброшенных в январе 1939 г. из Шанхая в Тангу, отказались сойти на берег и требовали отправки их домой, заявив, что они устали от войны.

Этим далеко не исчерпывается перечень антивоенных выступлений японских солдат. Это лишь наиболее массовые случаи, которые японскому командованию было труднее скрыть, и потому они не ускользнули от внимания иностранных наблюдателей.

Весьма многочисленны в японской армии случаи самоубийства. Самоубийства приобретают массовый характер: несколько десятков солдат подписывают между собой договор о том, что по получении приказа отправиться на передовые позиции они немедленно покончат с собой. Однако такое пассивное сопротивление, порождаемое отчаянием, постепенно все больше уступает место активным выступлениям японских солдат против войны. Активная борьба, начиная с неисполнения приказаний, дезертирства и кончая восстанием, переходом на сторону противника и т. п., распространяется по мере затяжки войны все шире.

В июне 1938 г. с японских самолетов, совершивших налет на станцию Синьян (на юге провинции Хэнань), сбрасывались адресованные китайцам листовки следующего содержания:

«Китайские солдаты! Для сохранения жизни вы должны нанести удар японским милитаристам, которые находят удовольствие в злостной ими войне. Родные солдаты умирают с голоду, а солдатские вдовы кончают жизнь самоубийством... Это все, чего достигла политика военщины в области мобилизации «японского духа»... Наше поражение должно положить конец игре, злостной военщиной и финансистами. Конец войны будет днем,

когда жизнь народа нашей страны начнет улучшаться»¹.

В городе Синьти (в южной части провинции Хубэй) после отступивших японских войск было обнаружено много антивоенных лозунгов и плакатов. На плакатах было написано: «Свыше 800 тысяч японских солдат и офицеров убито и ранено на фронтах в Китае, чтобы несколько офицеров получили повышение». «Японское правительство ничего не делает для того, чтобы оказать помощь 2 миллионам безработных». «Нужно всем восстать против военщины и потребовать от нее вернуть нас домой, там мы окончательно сведем счеты с милитаристами»².

Японская военщина, обеспокоенная растущим антивоенным движением, которое особенно возросло после поражения японской армии на фронте в провинции Хунань (прорыв китайцами фронта у г. Чанша) осенью 1939 г., усиливает террор. Число солдат, преданных военно-полевному суду «за отказ воевать» и «за коммунистическую пропаганду», исчисляется десятками тысяч; нескольким тысячам солдат вынесены смертные приговоры. В числе расстрелянных имеется также немало офицеров. В мае 1938 г., например, смертный приговор за «коммунистическую пропаганду» был вынесен полковникам Ясида, Иссино и Окада. В начале 1939 г. за антивоенную пропаганду на фронте в провинции Шаньси были расстреляны командир бригады Акамато и ряд других офицеров. За «попустительское развитие коммунистической идеологии в своих войсках» был расстрелян 1 марта 1939 г. в Нанкине командир бригады 103-й дивизии ген.-майор Фудзисима. Десятки офицеров были арестованы за антивоенные настроения.

В октябре 1939 г. был арестован японский военный корреспондент Тара, который распространял антивоенные листовки среди солдат.

Помимо зверской расправы над антивоенно настроенными солдатами (закапывание в землю заживо) японское командование стремится подавить антивоенные настроения и другими средствами. Так, учащается возвращение в Японию «утомившихся», «тоскующих по родине»

¹ См. «Правда» от 15 июля 1938 г.

² См. «Правда» от 20 августа 1939 г.

солдат, т. е. целых частей, охваченных антивоенными настроениями. Не допускается нахождение в одной части или подразделении солдат одного возраста и из одной местности. Японским командованием поощряются насилие, погромы и грабежи мирного китайского населения. Широко практикуется спаивание солдат перед боем водкой. Пьянством и развратом оно стремится заглушить в солдатах антивоенные настроения. Однако отрезвление все же наступает. В американском журнале «Asia» за апрель 1938 г. помещен дневник японского солдата, опьяненного убийством, насилием и грабежом. Подогретое военной «боевое» настроение, с которым он прибыл в неведомый ему Китай, рассеивается, как дым. В конце концов он спрашивает себя: «Кому нужны эти страдания обоих народов?» Надо ли говорить о том, что по мере затяжки войны японская военщина вынуждена бросать на фронт все новые и новые резервы. А настроения этих солдат значительно отличаются от тех, которые были в начале войны.

7. ЯПОНСКАЯ КОМПАРТИЯ—ДВИЖУЩАЯ СИЛА БОРЬБЫ ПРОТИВ РЕАКЦИИ И ВОЙНЫ

Движение широких народных масс против реакции и войны возглавляет гердическая коммунистическая партия Японии. Японская компартия загнана в глубокое подполье и подвергается самым жестоким репрессиям. Зверской расправе подверглась не одна тысяча ее лучших борцов за дело пролетариата. Частые разгромы ее организаций, усиленная провокаторская и шпионская деятельность всяких предательских элементов немало содействовали ее организационному ослаблению в отдельные периоды. Тем не менее японская компартия ни на минуту не приостанавливает своей деятельности и самоотверженной борьбы. VII конгресс Коминтерна дал высокую оценку деятельности японской компартии. «Непосредственно затронутые войной, — говорится в решениях конгресса, — коммунистические партии Японии и Китая по-большевистски вели и ведут борьбу против империалистической войны, в защиту китайского народа»¹.

Японская компартия во много раз усилила борьбу про-

¹ «Резолюция VII Всемирного конгресса Коммунистического Интернационала», Партиздат, 1935, стр. 29—30.

тив военщины и реакции с начала нынешней войны в Китае.

Коммунистическая партия Японии «боролась против вторжения японских империалистов в Манчжурию, устраивая демонстрации, стачки против войны, организуя солдат и моряков. С 1937 года, с момента нового вторжения японских империалистов в Китай, партия вела интенсивную антивоенную работу, она боролась против шовинизма, организовала широкую кампанию помощи семьям мобилизованных, выдвинула требования отъезда японской армии из Китая...»¹

В борьбе за организацию мощного движения против реакции и войны, против реакционной военщины, за мир, за рис, за землю и за демократические свободы, компартия первой своей задачей выдвигает объединение раздробленных сил японского пролетариата, объединение всех рабочих без различия их политических взглядов и укрепление союза между рабочими и крестьянами. Она осуществляет эту задачу энергичной повседневной работой среди масс в городах и селах, на предприятиях и в казармах, а также внутри существующих организаций пролетариата — в партиях, профсоюзах и обществах. Она ведет борьбу за пролетарское единство, преодолевая бешеное сопротивление реформистских «рабочих» лидеров и невзирая ни на какие репрессии.

Перед лицом предательства мелкобуржуазных лидеров Сякай тайсюто и открытого перехода их в лагерь врагов рабочего класса — в лагерь империализма и реакционной военщины японская компартия добивается изоляции этих соглашательских лидеров от рабочих и широких трудящихся масс. Компартия неустанно разоблачает реакционную политику и тактику Сякай тайсюто, реформистских союзов и других организаций, стоящих на позициях соглашения с монархией и империалистической буржуазией и подлого обмана трудящихся. Японская компартия руководствуется основным стратегическим правилом ленинизма, которое состоит в признании того, что:

«1) наиболее опасной социальной опорой врагов революции в период приближающейся революционной развязки являются соглашательские партии;

¹ Д. Мануильский Доклад делегации ВКП(б) в ИККИ на XVIII съезде ВКП(б), стр. 35—36.

2) свергнуть врага (царизм или буржуазию) невозможно без изоляции этих партий;

3) главные стрелы в период подготовки революции должны быть, ввиду этого, направлены на изоляцию этих партий, на отрыв от них широких масс трудящихся»¹.

Реакционная военщина в первую очередь направляет свои удары на японских коммунистов. Враги японского народа знают, кто является подлинным защитником народных интересов.

За последние десять лет было арестовано 60 тыс. коммунистов. Были убиты сотни мужественных революционеров, в том числе Ватанабэ, Ивата Норо, Кобаяси и многие другие. Активную помощь военщине в этом оказывают тнусные предатели-троцкисты, действующие по заданиям японской разведки.

Троцкисты в Японии обучают в специальных школах шпионов — агентов разведки — методам борьбы против коммунистического и рабочего движения.

Аресты коммунистов не прекращаются. Тем не менее они мужественно продолжают борьбу. В конце 1938 г. осацкая полиция после неоднократных разгромов местных организаций компартии вынуждена была констатировать, что ее деятельность «оживленно продолжается». Полиция установила, что нелегальные органы японской компартии попрежнему печатаются и распространяются. Японской коммунистической партией издаются: центральный орган «Против шторма» («Араси о цуитэ») и массовый журнал «Голос народа» («Минсю но коэ»). «Коммунисты склоняют на свою сторону не только фабричных рабочих и интеллигенцию, но и представителей других классов», — пишет буржуазная «Japan Weekly Chronicle» (3.IX.1938). Японские власти неистовствуют по поводу того, что многочисленные коммунисты ведут работу среди японских солдат. Многие японские коммунисты борются в рядах китайской армии. Ведущаяся ими ежедневно, как характеризует японская печать, «страстная антияпонская пропаганда и их зажигательные речи против милитаризма», обращенные к японским солдатам на

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, Госполитиздат, 1939, стр. 94.

фронте (радио, листовки), приводят в яростное бешенство правящие круги. На совещании начальников жандармерии в мае 1939 г. генеральный прокурор Кимура, как передает японская печать, «снова подчеркнул необходимость строжайшей слежки за коммунистами. Нам казалось, — признает Кимура, — что коммунистическое движение в Японии уничтожено начисто, но на самом деле оно пустило настолько глубокие корни, что выкорчевать его не так-то легко»¹. Отмечая продолжающуюся активную антивоенную деятельность японских коммунистов, Кимура указывает, в частности, на тот факт, что им удается «завоевывать сердца солдатских семей с помощью требования пособий и пенсий для них и для находящихся на фронте солдат». Прокурор Кимура должен был признать также усилившуюся антивоенную и антияпонскую активность корейских и формозских коммунистов и растущие антивоенные и революционные настроения, в особенности среди японских моряков и возвращающихся с фронта солдат.

Чтобы запугать массы, японские власти участвовали в последнее время инсценировки суда над коммунистами, в том числе и арестованными 3—4 года назад. В сентябре 1938 г. в Токио был инсценирован суд над 11 коммунистами — активными деятелями профсоюзных и крестьянских организаций — после 3-летнего пребывания их в тюрьме. В мае 1939 г. состоялся суд над 22 коммунистами, арестованными еще в 1935 г. Один из них — Футами — был приговорен к повешению, а остальные — к 12 годам каторги.

Японская компартия — один из славных героических отрядов международного пролетариата. Вдохновляемая бессмертным учением Маркса — Энгельса — Ленина — Сталина, она ведет мужественную и бесстрашную борьбу с реакционной японской военщиной и со всеми врагами японского народа. В этой борьбе она еще больше закаляется и превращается в подлинно большевистскую партию.

Японские коммунисты воодушевляются примерами самоотверженной борьбы лучших сынов японского народа — тов. Катаяма, отдавшего всю свою жизнь делу освобождения пролетариата, и тов. Ичикава, который

¹ «Japan Weekly Chronicle», 25.V.1939.

вот уже более 10 лет томится в тюрьме, не прекращая мужественной борьбы против реакции и войны¹.

Борьба японского пролетариата продолжается и в условиях разгула военно-полицейского террора, ибо возглавляет ее несгибаемая, не отступающая перед трудностями и преследованиями героическая компартия Японии.

Передовые японские рабочие добиваются поражения японской военщины в войне для того, чтобы японский народ при поддержке трудящихся всего мира мог перейти к открытой массовой борьбе против военно-монархического режима.

Ленин писал о царской России и о русском народе в период русско-японской войны 1904—1905 гг.:

«Война разоблачает все более ярко, все более наглядно всю гнилость самодержавного порядка, всю преступность полицейской и придворной шайки... Наш народ нищает и мрет от голода у себя дома, — а его втянули в разорительную и бессмысленную войну из-за чужих новых земель, населенных чуждым населением... Наш народ страдает от политического рабства, — а его втянули в войну за порабощение новых народов. Наш народ требует переделки внутренних политических порядков, — а его внимание отвлекают громом пушек»².

Эти слова целиком применимы к нынешней Японии. Японский народ с каждым днем все больше осознает смысл ведущей войны. Его лучшие, передовые люди проникаются этим сознанием и зовут на борьбу с преступной «полицейской и придворной шайкой». Настроение передовой части японских трудящихся хорошо отразил революционный публицист Нисикава: «И без того нищий японский народ вынужден еще нести на себе бремя войны, которую японские милитаристы затеяли в Китае. Японское правительство заявляет, что Япония борется за мир и порядок в Восточной Азии, но всем

¹ Тов. Сиоиси Ицикава, член Исполкома Коминтерна и вождь японской компартии, был арестован в 1929 г. и в 1932 г. осужден на вечную каторгу. Держась на суде с исключительной стойкостью и мужеством, он произнес замечательную по силе речь против японской монархии и в защиту дела, за которое он боролся, в защиту японской компартии и Коминтерна. «Вы — цепные псы военщины и монархии», — бросил он в лицо своим палачам-судьям в ответ на приговор. Тов. Ицикава содержится в каторжной тюрьме Абассири на о. Хоккайдо.

² Ленин, Соч., т. XXX, стр. 74—77.

хорошо известно, что она ведет империалистическую войну, разоряет Китай и самое себя. Эта политика японских милитаристов увеличивает лишь жертвы трудящихся масс Японии. Мы не можем больше ждать, мы должны объединиться и открыто выступить против японской военщины»¹.

Антивоенная борьба японских рабочих, крестьян и трудовой интеллигенции перекликается с антивоенным и антияпонским движением в японских колониях — Корее и Формозе. Находящиеся под двойным гнетом трудящиеся колоний восстают против своих поработителей — японских империалистов. Национально-освободительное движение в японских колониях получило новый мощный толчок с начала войны в Китае. Пример Китая, с оружием в руках отстаивающего свое существование своей родины, своей национальной независимости, воодушевляет трудящихся японских колоний и вдохновляет их на борьбу с империалистическими угнетателями.

С момента нападения японского империализма на Китай и образования единого национального антияпонского фронта китайского народа антияпонские выступления на Формозе и в Корее участились. Эти выступления носят все более массовый и упорный характер, выливаясь в вооруженные столкновения. Все чаще слышится призыв к оружию. В январе 1938 г. на Формозе вспыхнуло антияпонское восстание 7 тыс. горняков. В марте в формозском порту Килунг восстало около 4 тыс. формозцев, отказавшихся ехать на фронт в Китай. Насильно мобилизованные в японскую армию корейцы и формозцы (главным образом в качестве вспомогательных рабочих отрядов), а также манчжуры и монголы особенно часто восстают против своих поработителей и переходят на сторону китайцев. Из наиболее крупных выступлений можно выделить восстания корейского отряда в Нанкине в августе 1938 г.; в 112-й японской дивизии, включавшей корейцев и манчжур, в январе 1939 г. и 8 тыс. корейцев в районе Кантона в феврале 1939 г. В этих восстаниях принимали участие и японские солдаты. Несколько японских летчиков военных аэродромов, расположенных на Формозе, было арестовано, как сообщила американская «Daily Worker» (16.III.1938), за участие в антивоенном

¹ «China Weekly Review», 12.II.1938.

движении формозцев. В Корее отмечено много случаев взрыва бомб в портах Сейсин и Фузан.

С полным основанием пишет упоминаемый выше китайский публицист Лю Фун-лин, что «японской военной и финансовой олигархии приходится воевать не только с 450 млн. китайцев, готовых бороться за свою независимость и свободу до последней капли крови, но и иметь дело с врагами в своей собственной стране. Угнетенные трудящиеся массы Японии, ее жаждущий мира народ, равно как и угнетенные народы Формозы и Кореи, поднимают свой голос протеста против японского империализма. Они являются союзниками китайского народа. Японский народ не является врагом Китая»¹.

Было бы, разумеется, ошибочным переоценивать антивоенную борьбу японского пролетариата и других трудящихся Японии, вдохновляемую героическими усилиями японской компартии, и считать, что эта борьба уже вот-вот, разрушит, сведет на-нет военную машину Японии. Но антивоенные настроения растут, хотя и неравномерно, в различных слоях японского народа и стали массовым явлением. Этим они отличаются от антивоенного движения предыдущих лет.

И прежние войны японского империализма сопровождались антивоенным движением. Но 35 лет назад, во время русско-японской войны (1904—1905 гг.), антивоенное движение в Японии охватывало, главным образом, интеллигенцию. Сен Катаяма, Котоку и другие лучшие представители тогдашней интеллигенции и передовых рабочих самоотверженно выступали и боролись против войны, ведя большую устную и печатную агитационно-пропагандистскую работу². Многие из них поплатились за это свободой. Однако назвать тогдашнее антивоенное движение массовым нельзя, хотя им и была охвачена известная часть наиболее передовых рабочих. Более

¹ «International Press Correspondence», 15.XII.1937.

² В издававшемся ими органе «Хэймин симбун» («Народная газета») в марте 1904 г. было опубликовано обращение к русским социал-демократам с предложением сотрудничества и совместной борьбы против империалистической войны, милитаризма и шовинизма. Сен Катаяма в августе 1904 г., участвуя в качестве делегата японских социалистов на Амстердамском конгрессе II Интернационала, демонстративно обменялся рукопожатием с Плехановым и установил личный контакт с русскими социал-демократами с целью совместной антивоенной борьбы.

массовым оно стало в период мировой империалистической войны, особенно в конце ее и во время интервенции японской военщины в Советской России. Вылившееся в знаменитые «рисовые бунты» (август 1918 г.), а в дальнейшем в широкое движение под лозунгом «руки прочь от Советской России», оно наряду с отпором, оказанным героической Красной Армией и советскими партизанами, заставило японских империалистов прекратить интервенцию на советском Дальнем Востоке.

Мощным толчком для усиления антивоенного движения послужила оккупация Манчжурии в 1931 г. С тех пор оно не прекращается. Антивоенные настроения усиливаются по мере того, как тысячи японских трудящихся на горьком опыте убеждаются в лживости демагогических обещаний японской военщины о манчжурском «рае». У многих спала пелена с глаз, и прежний шовинистский угар выветрился.

Точно так же, как нынешняя война по своим масштабам превзошла все войны, которые вел до сих пор японский империализм, — и нынешняя антивоенная борьба пролетариата и трудящихся масс Японии отличается от всей предыдущей борьбы своей самоотверженностью и растущей массовостью. Как никогда прежде, нынешняя война ударила по жизненным интересам миллионов трудящихся, испытывающих на себе непосильное бремя войны. А «миллионы, которые голодают, миллионы, которые жертвуют своею жизнью в окопах, они не только страдают, но и собирают силы, размышляют об истинных причинах войны, закаляют свою волю и приходят к все более и более ясному революционному пониманию»¹.

Война с неизбежностью обостряет классовые противоречия внутри страны. «Упорное сопротивление китайского народа все больше революционизирует трудящиеся массы Японии, изнывающие под гнетом несправия, чудовищной эксплуатации, непосильным бременем налогов. Затруднения японской военщины усиливают рост оппозиционных настроений во всех слоях народа и обостряют противоречия даже в лагере господствующих классов. Нарастает стачечное движение, растет недовольство японских трудящихся масс затягивающейся войной. Из-

¹ Ленин, Соч., т. XIX, стр. 20.

мучительные непрерывными боями, поставленные лицом к лицу с народом, защищающим свою страну, японские солдаты начинают терять терпение. Все чаще проявляются признаки брожения в армии японских интервентов»¹.

В результате первой мировой империалистической войны 1914—1918 гг. некоторые империалистические государства не досчитались своих правительств, а иные пережили сильнейшие социальные потрясения. Японской империалистической буржуазии хорошо памятли «рисовые бунты» августа 1918 г., которые были вызваны обнищанием масс за время войны и явились откликом в Японии Великой Октябрьской социалистической революции. Ныне эта буржуазия вкупе с реакционной военщиной вступила во вторую империалистическую войну. По мере вызываемого войной ухудшения положения широких трудящихся масс в Японии будет нарастать общенародное движение за мир, за рис, за землю, за свободу, которое положит конец империалистической политике военно-феодалной Японии.

¹ Д. Мануильский, Доклад делегации ВКГ(б) в ИККИ на XVIII съезде ВКП(б), стр. 19—20.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	3
I. Положение рабочего класса в Японии	
1. Состав японского пролетариата	12
2. Усиление эксплуатации во время войны	23
3. Падение заработной платы	32
4. Рост безработицы	46
5. Положение семей мобилизованных на фронт	57
6. Положение служащих и трудовой интеллигенции	60
II. Забастовочная борьба японского пролетариата	
1. Стачечное движение накануне войны	64
2. Стачечная борьба во время войны	72
3. Полицейский «арбитраж»	75
4. Предательство лидеров реформистских профсоюзов	76
III. Профсоюзы и борьба за профсоюзное единство	
1. Профсоюзы в Японии	79
2. Движение за профсоюзное единство	82
3. Реформистские профсоюзы на службе военщины	87
4. Зубатовщина	90
IV. Борьба японского пролетариата против реакции и войны	
1. Парламентские выборы 1936 г.	95
2. Партия Сякай тайсюто и борьба за пролетарское единство	98
3. Парламентские выборы 1937 г.	104
4. Дальнейшее наступление реакции	107
5. Антивоенные настроения в тылу	111
6. Антивоенные настроения на фронте	119
7. Японская компартия — движущая сила борьбы против реакции и войны	129

Редактор *Х. Эйдус.*
Техн. редактор *Г. Рогинский.*
Обложка художн. *В. Селенгинского.*

* * *

Сдано в набор 11/VIII 1939 г.
Подписано к печати 26/III 1940 г.
Форм. бум. $84 \times 108\frac{1}{2}$. $8\frac{3}{4}$ ш. л.
38 тыс. зн. в п. л. 300 тыс. авт. зн.
Уполн. Мособлгорлита № Б-695.
Тираж 5000.

* * *

Отпечатано в тип. Профинздата,
Москва, Крутицкий вал, 18.
Заказ № 733.

Исправления

Страница	Строка	Напечатано	Следует читать
38	7 в таблице снизу	1939 Июнь	1939 Июль
72	19 снизу	было среди	среди
82	9 "	создания профсоюз- ного	создания единого профсоюз- ного
86	9	782	700

Лившиц. Японский пролетариат и война в Китае.

Цена 2 р. 75 к.